

ISSN 2307-6119

Томский журнал
лингвистических
и антропологических
исследований

**Tomsk Journal
of Linguistics
and Anthropology**

2 ' 2023

Выпуск 2 (40)

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 2 (40) 2023

**ТОМСК
2023**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

*О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университета
(зам. главного редактора);*

*Н. А. Тучкова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея Природы и Человека
(г. Ханты-Мансийск) (редактор раздела антропологии, зам. главного редактора);*

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор НовГУ;

А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);

*Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики,
Университет Гамбурга (Германия);*

Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор Университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;

Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония);

М. П. Чёрная, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в ООО Полиграфическая компания «Скорость Цвета».

Адрес типографии: г. Томск, пр. Ленина, 30/2. E-mail: voc2006@mail.ru.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013.

Подписано в печать: 18.09.2023. Дата выхода в свет: 20.09.2023. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 21,75. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1261/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Ю. А. Ворошилова.

Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Е. В. Литвинова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2023. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 2 (40) 2023

**TOMSK
2023**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

- O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*
*N. A. Tuchkova, Doctor of Science in History, senior research fellow of the Department of History
and Ethnography of the “Museum of Nature and Human” (Khanty-Mansiisk)
(Deputy Editor in Chief, Editor of the Anthropology section);*
S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);*
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);
E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);
E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);
L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);
Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);
Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);
N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;
M. P. Chernaya, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Address for Correspondence:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed by: “Skorost’ Tsveta”.

30/2, Lenina avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)

PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 18.09.2023. Publication date: 20.09.2023. Formate: 60×90/8.

Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1261/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: Yu. A. Voroshilova.

Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: E. V. Litvinova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2023. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ЛИНГВИСТИКА	
Арбачакова Л. Н., Невская И. А. Ритуал имянаречения в шорских героических сказаниях DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-9-20	9
Бухарова Г. Х. Башкирские географические названия монгольского происхождения DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-21-36	21
Варламов А. Н. Исторический генезис охотничьей лексики тунгусо-маньчжурских народов DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-37-48	37
Жамсаранова Р. Г. Пегая Орда, или Бома: семантика онима и концептуальное значение DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-49-64	49
Куцаева М. В. На деревню надейся, а сам не плошай: к вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-65-78	65
Сенько Е. В. Лексико-семантические оппозиции русских и осетинских словарных единиц DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-79-89	79
АНТРОПОЛОГИЯ	
Головнев И. А., Головнева Е. В. Киноатлас СССР: «Бухара» (1927) DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-90-99	90
Иванова Н. И. Этноязыковая идентичность молодежи саха в контексте включенности родных (этнических) языков молодежи других субъектов РФ в образы будущего DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-100-113	100
Квашнин Ю. Н. Ненцы и коми-ижемцы низовья реки Пур (этнографический очерк) DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-114-128	114
Лиджиева А. М. Ментальные карты пространства города у калмыцкой молодежи в период COVID-19 DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-129-141	129
Петров И. Г., Ягафова Е. А. Ритуал похорон и поминок чувашей в контексте запретов: традиции и трансформация DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-142-150	142
Федюнева Г. В. Денежный счет в лексикографическом памятнике XVII века «Звательные рѣчи зырянского языка, сирѣчь сирскаго» DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-151-163	151
РЕЦЕНЗИИ	
Сирина А. А. «Оленеводы Чукотки: власть, родство, отношения с государством (по материалам XIX – первой половины XX в.)» / Е. А. Давыдова. СПб: МАЭ РАН, 2022. 316 с. DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-164-168	164
НАШИ АВТОРЫ	169
AUTHORS	171

CONTENTS

From the Editors	8
LINGUISTICS	
Arbachakova L. N., Nevskaya I. A. The Naming Ceremony In The Heroic Stories Of Shors DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-9-20	9
Bukharova G. K. Geographical Names of Mongolian Origin in Bashkir Toponymy DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-21-36	21
Varlamov A. N. Historical Genesis of the Hunting Vocabulary of the Tungus-Manchu Peoples DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-37-48	37
Zhamsaranova R. G. Pegaya (Motley) Horde or Boma: The Semantics of Onym and the Conceptual Meaning DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-49-64	49
Kutsaeva M. V. The Village Helps Those Who Help Themselves: On the Question of Language Practices and Ideologies in the Chuvash and Mari Diasporas in the Moscow Region DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-65-78	65
Senko E. V. Lexical and Semantic Oppositions of Russian and Ossetian Dictionary Units DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-79-89	79
ANTHROPOLOGY	
Golovnev I. A., Golovneva E. V. The Cinema-Atlas of the USSR: "Bukhara" (1927) DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-90-99	90
Ivanova N. I. The Ethnolinguistic Identity of the Youth of Sakha in Connection with the Inclusion of the Mother Tongue of the Youth of Other Subjects of the Russian Federation in the Images of the Future DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-100-113	100
Kvashnin Yu. N. Nenets and Komi-Izhemtsy from the Lower Reaches of the Pur River (an Ethnographic Essay) DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-114-128	114
Lidzhieva A. M. Mental Maps of Urban Space Among Kalmyk Youth During COVID-19 DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-129-141	129
Petrov I. G., Iagafova E. A. Rituals of Burial and Commemoration of Chuvashs in the Context of Prohibitions: Traditions and Transformations DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-142-150	142
Fedyuneva G. V. List of Monetary Units in the Lexicographic Document from the XVII Century "Звательные Рѣчи Зырянского Языка, Сирѣчь Сирскаго" DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-151-163	151
REVIEWS	
Sirina A. A. Critical Review on the E. A. Davydova Reindeer Herders of Chukotka: Power, Kinship, Relations with the State (Based on Materials from the 19th and First Half of the 20th Centuries). Saint Petersburg: MAE RAN, 2022. 316 p. DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-164-168	164
AUTHORS (In Russian)	169
AUTHORS (In English)	171

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

**Издание включено в объединенный каталог «Пресса России»,
подписной индекс 82719.**

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

‘Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology’ was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

Л. Н. Арбачакова, И. А. Невская

РИТУАЛ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В ШОРСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

В данной статье на примерах шорских сказаний, в основном еще не опубликованных, описывается общее место имянаречения алып, являющееся важным мифопоэтическим мотивом, связанным с инициацией ребенка. Deskриптивными и сравнительно-сопоставительными методами исследования была выявлена структура обряда имянаречения, его лингвистические репрезентации, варьирование обряда в зависимости от пола алып и его роли в сказании, проанализирован внешний облик человека, дающего имя, а также показана его скрытая божественная сущность, описана структура высказывания, провозглашающего богатырское имя и содержащего, помимо самого акта наименования, благопожелания герою и его главному помощнику – коню.

Ключевые слова: *шорские героические сказания, обряд, получение имени, благопожелание, алып*

Введение

Одним из традиционных обрядов, тесно связанных с мировоззрением и традициями тюркских народов, является ритуал имянаречения. Этот обряд – один из самых древних и важнейших у тюркоязычных народов, так как получение имени является «судьбообразующим актом, подтверждающим существование человека. В мифологическом сознании тюрков имянаречение – символ начала: имя первично, создано раньше всего» (Новрузова, 2010: 341–348).

Имени ребенка придавалось большое символическое значение, а тот, кто нарекал младенца, удостоивался большой чести и уважения. О наречении имени у алтайских народов писал В. И. Вербицкий: «Имя новорожденному дает глава семейства, большей частью одинаковое с именем того, кто первым войдет в юрту после разрешения от бремени» (Вербицкий, 1893: 107). Тут важно то, что имя ребенку предопределено судьбой, и оно же становится его судьбой.

Имя имеет множество функций в традиционных представлениях тюркских народов. Об охранительной функции имени пишет В. И. Вербицкий в своем сборнике «Алтайские инородцы»: «Если дети скоро умирают, то стараются дать имя как можно похуже, предполагая, что с худым именем долго жить будет» (Вербицкий, 1893: 107). Современные исследователи отмечают, что имянаречение было «основной формой моделирования социального статуса в традиционной культуре алтайцев» (Мишенькина, Извекова, 2012: 176). Известен обычай давать ребенку тайное (сакральное, истинное) имя, известное только узкому семейному кругу, а все остальные знают только внешнее, не сакральное, имя. В соответствии с древним мифологическим представлением тюрков сакральные имена, тайные титулы были табуированы, поэтому в повседневности употреблялись другие имена. Этот обычай отражается и в эпосе тюркских народов. В киргизском эпосе «Манас» младенец также получает два имени: «одно, истинное, имя *Манас*, а другое, ложное, *Чонджинди* ‘Большой озорник’ – для сокрытия от врагов, злых глаз и слов» (Бакчиев, 2013: 80).

Почетное богатырское имя следовало заслужить. В древних огузских сказаниях богатыри «завоевывают имя в возрасте 15–16 лет благодаря своим поступкам. Получить имя означало завоевать право на самостоятельную жизнь» (Новрузова, 2010: 341–348). С приобретением имени герой сказания одновременно становится обладателем верного коня-помощника, богатырского вооружения и перевоплощается в бессмертного алып.

В шорских героических сказаниях, как правило, *малыш*¹ получает имя от небожителя почти сразу же после своего рождения. Близкие малыша после его пробуждения отправляют его с напитком на берег моря, чтобы он там смог получить имя. Только после получения имени он может отправляться на поиски невесты или защищать свое владение от захватчиков и совершать другие героические подвиги. В том случае, если он отлучается из помещения до получения имени, с ним может произойти несчастье. Например, в героическом сказании *Алып Кускун* у безымянного малыша, убежавшего со своим двоюродным братом на улицу, Шимелдейка в образе пестрого медведя крадет душу, которая в виде яйца находилась у него под мышкой: ‘Неумирающая-непогибающая / Кара Шимелдей в нижнем мире находится, / За семьюдесятью слоями земли. / Чистая душа, чистая сила / Нашего малыша в золотом яйце / Под правой подмышкой хранилась! / Кара Шимелдейка то яйцо / Из подмышки стащив, унесла.’ – *Өлбес-парбас Кара Шимелдей, – тедир, – / Оно, алтынгызы четтон там / Чер алтынга тўшпарды, – тедир, – / Арыг тыны арыг кўжў, – тедир, – / Алтын ныбыртқа оң қолтуқ / Алтында полган, – тедир, – палабыстың. / Ол аны қабал ален-парды, – тедир* (*Алып Кускун*, 2011: 68–69).

В некоторых сказаниях, когда, например, грозит гибель старому алыпу, его семье и роду, чудесным образом появляется безымянный малыш, который уничтожает захватчиков, а перед основным сражением он получает имя от небесного творца. В сказании *Көк Торчук* в момент гибели престарелого Кёк Кана на помощь ему бог с небес подбрасывает яйцо, из которого появляется малыш. Ему дали временное имя по одежде, в которой он был: ‘Кёк Олак в синей шубе, Застегнутой на три пуговицы’ – *Ўш топчулуг көк тон кескен Көк Оолақ*. Он уничтожает захватчиков, напавших на дом Кёк Кана, затем отправляется уничтожать всех злых завоевателей, но перед самым опасным сражением он получает настоящее имя: Кёк Торчук (Рукопись сказания *Көк Торчук*).

В данной статье на примерах шорских сказаний, записанных Н. П. Дыренковой, А. И. Чудояковым, Л. Н. Арбачаковой, а также самими сказителями, рассматривается общее место имянаречение алып, которое в тюркской эпической традиции является важным мифопоэтическим мотивом, связанным с инициацией ребенка.

1. Составные части обряда имянаречения

В шорских героических сказаниях обряд имянаречения состоит из нескольких частей: 1) выход малыша из дворца, 2) клик/призыв человека, желающего дать имя, 3) появление дающего имя, 4) угощение его, 5) наречение именем, 6) благопожелания и заклинания долгой жизни алыпу, 7) исчезновение дающего имя, 8) возвращение малыша во дворец.

1.1. Выход малыша из дворца на место получения имени

Обычно малыша за получением имени отправляет кто-то из родителей или его сестра, но иногда он сам решает, что ему пришло время получить имя. О времени своего вступления в самостоятельную жизнь он говорит иносказательно: ‘Чтобы имя-прозвище получить, / Нужно связь разорвать.’ – *Ады-шолам адат көрер, / Қожулам керттп көрер керек* (Рукопись сказания *Қуба Салғын*).

Имя свое получать отправляется малыш сразу же после пробуждения от богатырского сна, которым он спит после чудесного рождения. Как правило, кто-то из близких малыша,

¹ Алып, как правило, имеет чудесное зачатие, рождение и взросление, которые несопоставимы с этапами жизни обычных людей. Обычно он очень быстро растет, и уже в возрасте нескольких дней или недель он выше и сильнее отца. В шорских эпосах употребляется общее место «Как только вышел (из утробы матери), так сразу же на ноги встал», иллюстрирующее чудесное рождение алып и его определенную зрелость уже при рождении. Мы будем условно называть малышом новорожденного алып до момента наречения его именем.

обычно его мама, подает ему чашу с напитком *аш*, слабоалкогольным напитком из ячменя (*аш* 1) ‘ячень’, 2) ‘пища’, 3) ‘напиток из ячменя’), и отправляет его на берег моря либо к подножию горы, чтобы он получил свое имя. Иногда в чашу наливают кисломолочный продукт *айран*: ‘Шестидесяти алыпам не выпить, / в пеструю чашу до краев / айран налила’ – *Алтон алып ижип тоспас / Ала шарага толдура / Айран уруп-пергени* (Рукопись героического сказания *Күмүш Қаан*).

В сказании *Кан Мерген* (в записи Н. П. Дыренковой) *имеющий старшую сестру Кан Арго* малыш, проспав после рождения всего два дня, просит свою мать, чтобы она приготовила ему чашу с вином, которую и ‘шестьдесят богатырей поднять не могут’ – *алтон алып көдүр полбас ала шарага*. Ему необходимо получить имя до появления захватчика, сам малыш говорит об этом: ‘Проклятый Шайгын Мерген в эту землю едет, имя получить успеть мне надо’ – *Ады читкен Шайгын Мерген айланганче, ады-шоламны адат-қалай*. Малыш для получения имени отправляется в белую степь и там призывает того, кто даст ему имя (*Шорский фольклор*, 1940: 142–143).

В героических сказаниях мальчик обычно сам отправляется с напитком на берег моря или к подножию горы, чтобы получить имя. Когда имя дают девочке, то, как говорится в сказании в самозаписи сказителя В. Е. Таннагашева, она не сама идет к морю с напитком, а это делает человек, который даст ей имя: ‘Эзе, моя жена Алтын Кас, / Вынеси мне в ташаоре чистый кумыс, / Который не выпьют шестьдесят богатырей. / Видимо, Творцу угодно было, / Чтобы я дал имя ребенку Ак Кана’ – *Эзе, алгам кижим, Алтын Қас, / Мага алтон алып ижип тоспас ташаорга / Арыз қумыс аш ашық. / Ақ Қааның палам / мен адарға чайачы салтыр...* (Самозапись сказания *Күн Көök*).

1.2. Клик/призыв человека, желающего дать имя

На месте наречения имени малыш призывает того, кто даст ему имя. Обычно в ожидании человека, который проведет обряд имянаречения, малыш может простоять от трех до девяти дней: ‘Звал-звал: до девяти дней призывает’ – *Қыйғыла-қыйгла келгени: / Тоғус күнге шығара қыйғлапча* (Рукопись сказания *Қуба Салгын*).

Малыш призывает так, что ‘разрывается на части дно вселенной, расщепляя надвое дно преисподней’ – *үлген түбүн үзе қыйғырды, частың түбүн чара қыйғырды*.

Малыш призывает лишь одного человека, который даст ему имя, остальных он просит не приближаться к нему: ‘Тот человек, который мне имя назовет, пусть ко мне придет! Тот человек, который мне имя не назовет, пусть не подходит!’ – *Адым адачаң кижси алыма келзин! Адым адабас кижси чагын паспазын!* (*Шорский фольклор*, 1940: 142–143). Эта эпическая формула может варьироваться: «пусть близко не подходит» – *чагын паспазын* или, как в сказании *Күмүш Қаан*: «пусть прочь уходит!» – *Адым адабас кедере парзын!* (Рукопись сказания *Күмүш Қаан*).

1.3. Появление дающего имя и его внешность

В шорских героических сказаниях в обряде имянаречения принимают участие старики (старушки), люди преклонного возраста. Эти люди настолько стары и немощны, что могут идти, лишь опираясь на посох. Они выглядят больными и даже неряшливыми: из их глаз слез выделяется, сопلي попадают в рот, а слюни стекают вниз, как, например, в одном из сказаний в записи Н. П. Дыренковой: ‘Через три дня по берегу черного моря, опираясь на посох из пестрого камыша, старик подходит. Тех людей, которые дорогу не дают, старик по головам бьет, тех людей, которые стоят поперек дороги, по ногам бьет. Слизь (выделяясь) из глаз старика попадает ему в нос; сопли из носа попадают ему в рот; слюна изо рта, стекая, журчит по груди. Старик на передние полы, разрывая (их), наступает; на задние полы, разрывая (их), наступает’ – *Үш күннүн пажында ақ талайды қаштап, ала қамыш тайақ тайанған, апиый кижси пазып келча. Апиый чол салбан кижсиниң пажына шап келча; чолға тоғра турған кижсиниң*

чодазына сыы шап келча. Апиыйдың қарағының шылбағы пурнуна кирча, пурнунуң шимириги ақсына кирча; ақсының силегейи тәш тәбере қорлапча. Апиый кижси алынғы өбүрүн алына үзе пазынча, кестенги өбүрүн кестине үзе пазынып келча (Шорский фольклор, 1940: 142–143).

В самозаписи С. Торбокова старик выглядит еще хуже: ‘...с трясущейся головой, / Подобной белому снегу, / С побелевшими, когда-то черными, волосами, / С пожелтевшими, когда-то острыми, зубами / Старик, когда спускался: Вперед мало ступая, / Больше назад отступая, идет. / Далеко за полдень появился. / Передний подол в шести местах, / Задний свой подол в семи местах / Разорвал, оказывается’ – ...ақ пырлып паптыз / Қара папсы ағарып-парған / Ақ қар кептенип-парған, / Арсыл тижи сарғарып-парған / Апиый кижси пазып энип турғаны. / Алдынаң араа ас пазып, / Кестине тебе көп пазынып, / Құн көбүнең алдына келе пазып четти. / Алдығы эдегин алты чердең, / Кестенги эдегин четти чердең / Кезе пазынып четтирзин (Самозапись сказания Күмүйи Қаан).

Однако малыши несказанно рады этому человеку, так как многие слышали, что чем старше будет называющий имя, тем почетнее от него его получить и тем дольше они проживут. В случае проявления недовольства появлением старца, как в сказании *Алып Қусқун*, малыш непременно поплатится. В том сказании малыш, увидев немощного старца, на посох-камыш опираясь идущего, у которого слюни на одежду стекают (*аққан слекйи тәшке чайыл-партыр*), про себя подумал: ‘Немощным старцем стал, / А желает человека наречь именем!’ – *По апиый пееде қаар-парып, / Кижси адарға чөрчаттыр!* (*Алып Қусқун*, 2011: 22–23). За такие мысли старик в имени алыпа переставил слова, и он получил перевернутое имя: *Қусқун Алып* ‘Ворон-Алып’, то есть на первом месте стоит наименование птицы – ворона. Однако после ряда испытаний он заслужил благородное имя, и его снова переименовали и дали ему его истинное имя *Алып Қусқун* ‘Алып Ворон’, то есть он стал называться богатырем.

Иногда старец, напротив, описан как великан: ‘По берегу черного моря Старец (к нему) идет. Между глазами его более пяди будет, Голова его голове (быка) подобна’ (*Шорские героические сказания. Кан-Перген. Алтын-Сырык*, 1998: 315).

В обряде имянаречения имя алыпугу может дать не только старик, но и старушка, которая в сказании *Қуба Салғын* также описана одряхлевшей и неопрятной: ‘Аданмада, старушка была! / В кожаные брюки была одета. / Те кожаные брюки / Разорвались, оказывается. / С двух сторон / Кровь, струясь, бежит. Черная шуба до самых подмышек / Поднялась, оказывается’ – *Адаңмада құртуйақ кижси! / Тер чанмар кескен полтур. / Тер чанмары / Чара шабылпарған полтур. / Ийги чаназыннаң / Қан тырлаткел, ақча. Қара тонычағаш қолтуқ алтынга / Кире тартылпартыр* (Рукопись сказания *Қуба Салғын*).

Описаны и исключительные ситуации, например в сказании *Алтын-Хан*, один из мальчиков, младший из братьев, спасшихся от захватчика Каттан-Чула, по воле Великого Создателя дал имя себе и своему брату: *Эзе, ача, – тедир, – улуг чайзан писти адыбысты поэбыс аданарға салған полтур, шақ по чақшы черге ады-шолабысты ададып алзаң...* – ‘Эзе, старший брат, – сказал, – Великий Создатель установил, что наши имена мы сами называющими будем, оказывается; на этом прекрасном месте давай-ка дадим себе имена!’ (*Семь вечеров*, 2022: 116–117).

Появившиеся старики или старушки обычно спрашивают у младенца разрешения на наречение имени: ‘Любимое дитя мое, почти три дня ты здесь стоишь, разве из здесь собравшихся людей не нашлось ни одного человека, чтобы тебе имя дать? Если я, старый человек, назову, имя-прозвище твое далеко ли прославится? – Мальчик сказал: ‘Дай мне имя, старик! Я слышал, что имя, данное старым человеком, нерушимо. Старый человек много слышал, много видел. Нет ничего, чего бы ты не знал!’ – *Эзе, эрке кенчи палам, үш күнче туртурзуң; мында чылған қалық чоннуң арада, тир да кижси сеең адыңны адарға шығышпады-ба? Улуг кижси мен адап перзем, ада-шабың раққа парғай-не? – Олак айтты: Ада пер, апиый! Улуг кижси адаған ат шийиктиг теп уқчаным. Улуг кижси көптү көрген, көптү уққан. Слер пилбесте небе чоқ!* (*Шорский фольклор*, 1940: 142–145).

Иногда вопросы могут варьироваться; так, в сказании *Қуба Салғын* старушка спрашивает: ‘С именем, которое я тебе дам, / Сможешь ли белый свет объезжать?’ – *Меең адат-перген атпа / Ақ чарықты эбирбаларзың ма?* На что малыш ответил: ‘Чтобы шесть селений объезжать, / Пусть любое имя будет, – сказал. – / Если стану семь селений объезжать, / Лишь бы был перевал’ – *Алты аймақты эбир чөрерге / Адынма ползын, – тедир. – / Четти аймақты эбирзем, чөрзем, / Ажыбыла санагам полдым, – тедир* (Рукопись сказания *Қуба Салғын*).

В самозаписи С. Торбокова старик спрашивает у малыша, не постыдится ли он от старого человека принять имя: ‘Если тебе некому дать имя-прозвище, / то от меня, состарившегося и одряхлевшего, / если тебе имя дам, не постыдишься ли ты (его) принять?’ – *Ады-шолаң адап-перер кижі чоқ полза, шақ педе / Қарып, қағып-парған кижі / Мен адып перзем чөпсүнерзің ма?* На что он получил достойный ответ от малыша: ‘Эзе, старик, человеку имя ведь только старший может давать. Разве молодой может давать (имя)? С этой землей в одно время сотворившийся, С самой преисподней в одно время появившийся, ты человек, оказывается. Такой великий человек, если даст мне имя, то почему бы мне его не принять?’ – *Эзе, аңшый кижі, кижінің адын Улуг кижі адапчатпан Чаш кижі адачаң полған ма? По чербе тен чайалған Чегенме тен төзелген кижі полтурзың. Андыг улуг кижі адаған атқа Чоқ чөпсенмечен полғам?* (Самозапись сказания *Күмүйш Қаан*).

По данным примерам видно, что имена будущим алыпам могут давать только люди определенного возраста, имеющие жизненный опыт, а позже оказывается, что в виде старика явился ему сам бог. Дающий имя появляется больным и неухоженным, однако с посохом в руках, а, как известно, посох является символом власти. В данном случае мы могли бы также провести аналогию с коновязью и березой, из которой она делается – символами объединения трех миров. В описании дающего имя упоминается также слюнь, выделяющаяся изо рта и носа старика и капающая на землю, что напоминает нам обряд *шачыг* – обряд кропления, то есть угощения окружающих духов. То есть, когда старик подходит к малышу, он угощает и кропляет окружающий мир, благословляя все вокруг. Затем он сам принимает угощение от малыша и одаривает его именем, равным божественному: малыш становится бессмертным, заговоренным и защищенным от врагов и невзгод.²

1.4. Угощение человека, дающего имя

Обряд имянаречения начинается с момента выхода малыша с угощением и продолжается появлением старика и угощением его принесенной малышом пищи. Происходит вселенский взаимообмен божественной энергией, мощью и благопожеланием вечной жизни людям на земле.

Перед наречением именем малыш должен человека, пришедшего дать ему имя, угостить каким-нибудь напитком, например кумысом, айраном или национальным вином *аш*: ‘Мальчик пестро-бледную чашу подал. Старик чашу схватил и одним духом выпил. У старика борода растопорилась, нос расширился, рот открылся – опьянел (старик)’ (*Шорский фольклор*, 1940: 144–145).

После этого уже довольные угощением старики кличут на весь мир имя будущего малыша.

Для проведения обряда могут употребляться разные напитки: *аш* – ячменный слабоалкогольный напиток, а также кисломолочные продукты: *айран*, *кумыс*, традиционные для тюркских народов. Напитки подаются в различных чашах (блюдцах), называемых: *айақ* ‘чаша’, *ташаор* ‘бурдюк, кожаный сосуд для вина’, *ала шара* ‘пестрая чаша, изготовленная из бересты’.

² О ритуальном кроплении Л. П. Потапов писал, что оно «применялось при различных камланиях с жертвоприношениями, среди которых главным видом жертвы у многих были различные, в том числе и специально приготовленные, напитки» (Потапов, 1991: 228).

Иногда нарекающий имя просит малыша выполнить какую-нибудь работу. В сказании *Қуба Салғын* старушка просит малыша: ‘Когда я шла, / У меня хорошая шуба была. / А теперь посмотри! / Когда я выходила, ясная погода была. / По дороге как пошел дождь! / Теперь взгляни на мою шубу, / До подмышек она закаталась. / Не помнешь ли ее?’ – *Келчиганда айас полган, – тедир. – / Анаң келчиганда нағбұр чағып, / Ам көрзең тонымны! / Қолтуқ алтыңға кире тартыл парды. / Поны эстен пергей эдиң ма?* (Рукопись сказания *Қуба Салғын*).

1.5. Наречение именем

1.5.1. Провозглашение имени. Во время наречением алып имени старики, дающие имя, ‘разрывая на части дно вселенной, выкрикивают имя алып, расщепляя надвое дно преисподней, кричат его имя’ – *ұлген түбүн үзе қыйғырды, частың түбүн чара қыйғырды*, – и прибавляют: ‘Если это (истинное) имя, пусть будет именем, если это не (истинное) имя, пусть ветер унесет!’ – *Ат полза, ат ползун! Ат полбаза, чел қақсын!*

Иногда они сообщают об этом событии всем трем (Нижнему, Среднему и Верхнему) мирам, как в сказании *Қуба Салғын*: ‘Если будет (подходящим, достойным) именем, / Пусть (у него) будет (это) имя! / Если не быть имени, / Пусть вихрем (его) подхватит! / Крик, который я прокричу, / Пусть, донизу дойдя, / По земле семи Эрлик ханов / Повсюду разнесется. / Крик, который я прокричу, / Пусть в Верхнем мире / До трех творцов чайачы, / В трех небесах живущих, дойдя, / Повсюду разнесется!’ – *Ат полза, / Ат ползун! – тедир. – / Ат полбаза, / Чел қақсын! – тедир, – / Мен қыйғлыған қыйғы / Алтынғызы / Четти Эрлик Қаан чер алты қалбан / Тооза шабыл уғулпарзын», – тедир. – / Мен қыйғлыған қыйғы / Ыстүнгүзе / Ыш тегри ыстүнге чатчыған / Ыш чайанын эртизе кел / Уғул-парзын!* (Рукопись сказания *Қуба Салғын*).

В первой части непосредственного имянаречения звучит заклинание, в котором содержится глубокий смысл, где в слове *имя* кроется судьба, жизнь человека. Старец в самом начале желает малышу, чтобы он вырос достойным человеком, а иначе пусть его имя ветер унесет, то есть пусть вообще не будет человека: ‘Если это имя, пусть будет именем, если это не имя, пусть ветер унесет!’ – *Ат полза, ат ползун! Ат полбаза, чел қақсын!* (*Шорский фольклор*, 1940: 142–147). Эта формула может частично варьироваться: ‘Если имени быть, пусть будет именем, / если не быть имени, под землю (пусть уйдет)!’ – *Эзе, оолагаш, ат полза ат ползун! / Ат полбаза – чер алтында!* (Рукопись сказания *Қуба Салғын*). В самозаписи С. С. Торбокова эта формула частично переиначена: ‘Если хорошо назову, пусть для народа будет! Если плохо назову, пусть ветер унесет!’ – *Чақшы адазам элбе чонга ползун! Чабал адазам чел қапсын!* (Рукопись сказания *Күмүш Қаан*).

Иногда при имянаречении дающий имя дополнительно желает, чтобы весть о получении имени разнеслась по всему миру, то есть провозглашает появление будущего владельца всего мира: ‘Всюду, куда стремительный взгляд дойдет, / Всюду, куда великий слух дойдет, / Пусть повсюду (о появлении богатыря) возвестится!’ – *Узун қарақтаң көрердең неертин, / Улуғ қулақтаң уғардаң пертиң, / Түгезее уғулзын!* (*Шорские героические сказания. Алтын Сырық*, 1998: 338–339 стк.). Только после этого старик, ‘разрывая на части дно вселенной, закричал; расщепляя надвое дно преисподней, прокричал ему имя’ – *ұлген түбүн үзе қыйғырды, частың түбүн чара қыйғырды*.

1.5.2. Структура получаемого богатырского имени. Божество, появляющееся в образе старца или старушки, нарекает положительного героя эпоса именем лишь после перечисления имен его близких (родителей и других близких родственников, например сестер или теток алып) и его богатырских атрибутов, в первую очередь его коня-помощника: ‘Ты будешь (богатырем), имеющим теткой Кан Арго, имеющим матерью Алтын Кёёк, имеющим отцом Кана Мергена! Конь, на котором ты будешь ездить, лучший (образцовый, воплощение идеала коня, досл.: истинный) из коней бело-сивый конь пусть будет! На коне едущий, храбрец Алтын Ок ты будешь!’ – *Қаан Арго печелиг, Қаан Мерген абалыг, Алтын Кёёк энелиг поларзың!*

Алтынга мўнген адың ат шыныгы алтын чаллыг ақ-ой ат ползун! Ақ ой аттың үстүне мўнчең кўлўги Алтын Оқ поларзың! (Шорский фольклор, 1940: 142–147).

В сказании *Қуба Салғын* отец с матерью малыша наделены эпитетами, которые свойственны алыпам: ‘Ты имеешь отца Ак Кана, / Своим рождением озарившего четыре угла (т. е. все четыре стороны света). / Имеешь мать Алтын Курчу, / Превосходящую всех своим умом... / Конь под тобой, – продолжала старушка, – / Пусть трехим Сине-серым конем будет!’ – *Төрт толукқа толдура туған / Ақ Қаан адалығың, – тедир. – / Артық сағыштығ / Алтын Қурчу энелигің.... – Алтына мўнчең адың, – тедир, – / Ыш қулақтығ / Көк-пор ат ползун!* (Рукопись сказания *Қуба Салғын*).

Таким образом, при имянаречении малыша имя сначала дается его богатырскому коню, а затем только самому главному герою. Если у него имеется сестра, родители, то богатыря именуют только после перечисления всех его близких.

1.6. Благопожелание коню и богатырю

После провозглашения имени алыпа обязательно следует заклинание герою долгой жизни, благопожелание, чтобы он был непобедимым: ‘На коне ездящий, храбрец Алтын Ок ты будешь. Пусть не будет такого перевала, через который ты, Алтын Ок, не переваливал бы! Пусть не будет такого брода, который твой бело-сивый конь не перешел бы! Да не будет воды, по которой не прошел бы твой бело-сивый конь! Да не останется народа, промеж которого не прошел бы ты, Алтын Ок! Из-под земли вышедшая трехглазая черная стрела тебя насквозь пусть не пронзит! Пусть не будет у тебя места, сквозь которое могла бы пройти из солнечного мира пришедшая девятиглазая, жаждущая человеческой крови (досл.: наполненная кровью имеющих живую душу (существ)) пуля! Имеющему руки не давай себя ударять, имеющему пятки (подошвы) не давай на себя наступать, имеющему большой палец не давай в себя стрелять, имеющему язык не давай злословить про тебя, ты, дитя мое Алтын Ок!’ – *Ақ ой аттың үстүне мўнчең кўлўги Алтын Оқ поларзың! Сен Алтын Оқ ашпаан ажығ-да пўдўн қалбазын! Сеең ақ-ой адың кешпеен кезиг-де пўдўн қалбазын! Сен, Алтын Оқ текшилеп эртпеен қалықчон қалбазын! Сеең ақ-ой адың кезип чөрбеен суғ қалбазын! Чер алтынаң шыққан ўш қарақтығ қара соған сени өт(т)ўре ойлап парбазын! Кўнў чарықтаң келген тоғус көстўг тириг тыннығ қан тоола оқ сени өт(т)ўре ойлап парчаң чериң чоқ ползун! Қоллыға шаптырба! Табанныға настырбаан чөр, эргектиге аттырба! Тиллиге сөйлетпеен чөр, Сен Алтын Оқ па-лам! (Шорский фольклор, 1940: 142–147).*

Как правило, в сказаниях обряд имянаречения проходит лишь тот, кто в будущем станет самым могущественным алыпом (ханом), способным защищать свою землю, страну, людей от различных врагов и захватчиков. Старик желает алыпу, чтобы он был настоящим богатырем, не имеющим себе равных, и был бессмертным и чтобы его конь не имел препятствий на своем пути.

Иногда старец желает человеку, которому дал имя, долгой жизни, чтобы он до двенадцати поколений прожил: ‘На треххом / Сине-сером коне ездящий / Будешь Куба Салгыном, / У которого два плеча / До двенадцати поколений / В земле не сгниют!’ – *Ыш қулақтығ / Көк пор аттың үстүнге мўнчөрчең / Он ийги төлге шығара / Ийги чарның / Қара черге чат чызыбас, / Қуба Салғын поларзың!* Кроме этого, он может пожелать ему найти суженую либо чтобы образ его суженой всегда был с ним: ‘Пусть с правой стороны / Под седлом трехомого / Сине-серого коня / Всегда с тобой будет образ девушки, / На которой ты женишься!’ – *Ыш қулақтығ / Көк пор аттың / Оң чанында эзер алтында / Алчаң қызың соммы / Кел, ползың!* (Рукопись сказания *Қуба Салғын*).

Как видим, в благопожеланиях говорится о предназначении человека: старец желает алыпу и его коню, чтобы они во время обхода своей земли и народа не имели на своем пути никаких препятствий, чтобы их дела были славными, а также желает им бессмертия.

Эпические формулы в благопожеланиях могут варьироваться, например, в сказании *Алтын Сырық* напрямую говорится о бессмертии алып, будущего хана-пия светлого мира: ‘Светлого мира каном-пийем, / У которого дыхание не прервется, / Кровь которого не прольется, – / Ты, Алтын Сырық, будешь’ – *Чарық чердиң қаны-пийи / Ызўлерге тыны чоқ, / Төгўлерге қаны чоқ / Алтын Сырық сен поларзың* (*Шорские героические сказания. Кан-Перген. Алтын-Сырық*, 1998: 338–339 стк.).

1.7. Исчезновение дающего имя

После имянаречения старик или старушка незаметно исчезают из вида, а позже малыш замечает, как давший ему имя поднимается к небу, и догадывается, что имя он получил от самого бога (творца): ‘Малыш пока туда-сюда осматривался, / Место, где стоял старик, есть, / Куда ушел – не видно. – / Куда подевался старик, – думая, / Вокруг осмотрелся, но не нашел (его). / Когда на синее небо глянул: / В синем небе синей нитью став, / Поднимался он. / Это увидевший малыш: / Великий Кудай мне имя дал, оказывается, / Долголетним буду! – сказав, радостный пошел.’ – *Аара-пеере көрүнгенче, апиый кижиниң турған чери / Пар пола қалды, / Парған чери чоқ полуп парды. / Апиый кижси қайа парды, теп / Эбуре көрүп таппан, / Көгерип турған қан тегриге көргени / Көк тегриде көк чибек полуп, / Тартылып шыға пергени. / Аны көрген олғучақ полза: / Улуғ Қудай адым адаптыр. / Узақ чаптығ поларым, теп, / Ыргўн-келип пазб-одурғаны* (Рукопись сказания *Кўмўш Қаан*, с. 1–2).

Если даже малыши получают имя от обычного старца (или старушки), нарекающие его именем подчеркивают, что выполняют божественную волю. В алтайском сказании *Алтын Мизе* мальчик получил имя от обычной старушки – жены старика Адучи, но она, благословляя его, ссылается на Учь-Курбустан-Кудая: ‘Не я благословляю тебя, а благословляет тебя конь, находящийся на небе. А имя твое – Алтын-Мизе. Не я так называю тебя, аверху стоящий Учь-Курбустан-Кудай так называет тебя’ (Никифоров, 1915: 72–73).

Таким образом, малыши в шорских и алтайских героических сказаниях получают имя от божеств Верхнего мира, от самого Кудая.

1.8. Возвращение богатыря во дворец

Малыш, получив имя, возвращается в свой дворец, где родители отправляют его спать: чтобы ‘он богатырским сном насытился, / Уложив, усыплять его стали’ – *Алып уйғузун сийдирип, Анда чаттыр келип, узудуп турғаннары* (*Шорские героические сказания, Алтын Сырық*, 1998). В сказании *Алтын Сырық*, пока мальчик спит, родители охраняют его сон: ‘Алтын Кан и Алтын Арыг / Темной ночью сон его охраняли, Светлым днем оберегали’ – *Алтын Қаанма Алтын Арығ Қарағзын қадатчы полчалар, Кўндўскўзўн кўзетчи полуп одурғаннары*.

Проспав несколько дней, малыш просыпается мощным алыпом, а его конь-помощник и вооружение богатырское тоже готовы к подвигам: ‘Прекрасный треухий сине-серый конь стоит. / На сине-сером коне / На широкой его спине / Золотое седло лежит, оказывается. На верхушке золотого седла / На девять обхватов девятислойный панцирь, / Сделанный из цепей, висит, оказывается’ – *Адаңмада ўш қулақтығ / Көк пор ат турча. / Көк пор аттың ўстўнге Чалбақпарған чарнызында / Алтын эзер пазыл чайал партыр. / Алтын эзердиң пажында Тоғус қучақ тоғус кадыл / Элчербе қуйақ асылпартыр* (Рукопись сказания *Қуба Салғын*).

2. Имянаречение девочек и отрицательных персонажей эпоса

В шорских героических сказаниях все получают имена, однако имя девочке Кюн Кёк в сказании *Солнце увидевшая Кюн Кёк* дал не бог, а Ульгер Мёке, живущий за пределами семидесяти земель.

В имянаречении девушки Кюн Кёк нет наименования коня и нет благопожеланий, однако даны имена родителей девушки и говорится о ее несчастной судьбе, т. е. дающий имя предсказал девушке, что она будет несчастной: 'Ак Кан – твой отец, – сказал. – / Алтын Арыг – твоя мать, – сказал. – / Дочь Ак Кана, – сказал, – / Для большого несчастья рожденная, / Солнце увидевшая Кюн Кёк ты будешь! – так ее нарекает' – *Ақ Қан абалығ полтурзуң тедир. / Алтын Арығ ичелиг полған полтурзуң, – тедир. – / Ақ Қанның қысчағы – тедир, – / Шорлығ чайалған, кўнў көрчең / Кўн Көк поларзың, – тепкел адапча* (Самозапись сказания *Кўнну көрген Кўн Көк*, 508–513 стк.).

В данной самозаписи сказителя В. Е. Таннагашева, перед тем как дать имя девушке, Ульгер Мёке просит свою жену вынести ему напиток кумыс, с которым он идет к морю, чтобы дать ей имя: 'Эзе, моя жена Алтын Кас, / Вынеси мне в ташаоре чистый кумыс, Который не выпьют шестьдесят богатырей. / Видимо, Творцу угодно было, Чтобы я дал имя ребенку Ак Кана' – *Эзе, алғам кижим, Алтын Қас, / Маға алтон алып ижип тоспас ташаорға / Арығ қумыс аш ашық. / Ақ Қаанның палазын мен адарға чайачы салтыр* (Самозапись сказания *Кўнну көрген Кўн Көк*). Очевидно, что и в данном случае нарекающий имя выполняет волю Творца: он рожден для того, чтобы дать имя дочери Ак Кана. Однако сам обряд происходит иначе. Не девушка отправляется к месту имянаречения, а сам называющий ее с чашей в руках отправляется на берег моря и дает ей имя. Имянаречение также сокращено, нет благопожеланий, нет описания коня.

Имя отрицательному персонажу также дает не божество, а сама мать нарекает своего сына именем; обряд может быть сокращен, однако также состоит из заклинания, перечисления матери, отца, коня алыпа и их имен. Однако могут быть и отклонения от обычного протекания обряда; например, в сказании *Қан Арғо* уточняется, что младенец был рожден в блюде: '...в блюде рожденный мой ребенок, Шайгын Мерген ты будешь!' – *...чайға (чөйге – Л. А.) чөрүп тапқан палам Шайгын Мерген поларзың!* (*Шорский фольклор*, 1940: 132–133). В данном обряде имянаречения благопожелание сокращено, нет пожелания защиты от посторонних людей.

Заключение

В шорских героических сказаниях обряд имянаречения состоит из нескольких частей: выход малыша из дворца, клик/призыв человека, предназначенного дать ему имя, появление дающего имя, угощение, провозглашение имени, благопожелания, исчезновение дающего имя, возвращение во дворец.

В имянаречении шорского алыпа имя сначала дается коню алыпа, а затем только главному герою, а если у богатыря имеются сестры, родители, то богатыря именуют только после перечисления всех его близких. После имянаречения следуют благопожелания и заклинания: нарекающий алыпа именем старец или старушка желают герою и его главному помощнику – коню, чтобы они были непобедимыми и могли преодолеть любые препятствия.

Нарекающие имя либо сами являются божествами, появляющимися в образе старика или старушки, либо они действуют через посредство людей, которые выполняют их волю и об этом провозглашают во время обряда.

Как правило, лишь истинные алыпы, выступающие как положительные герои и защитники слабых и старых, получают имя от самого бога-Кудая, а девочки или мальчики из другого мира, а также отрицательные герои получают имя от представителей Нижнего мира или от своих родителей.

Рукописи шорских героических сказаний

Кёк Торчук (Кёк Торчук) – сказание, записанное в апреле 2001 г. Л. Н. Арбачаковой от В. Е. Таннагашева. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (фонд Л. Н. Арбачаковой).

Куба Салгын (Куба Салгын) – сказание, записанное в 1996 г. Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (фонд Л. Н. Арбачаковой).

Кумуш Кан (Күмүш Қаан) – самозапись С. Торбокова (1961 г.; 13 040 строк). Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (фонд Л. Н. Арбачаковой).

Кюн Кёёк (Күн Кёёк) – самозапись сказания Күнну көрген Күн Кёёк «Солнце увидевшая Кюн Кёк», сделанная В. Е. Таннагашевым в 1999 г. в г. Мыски.

Литература:

Алып Кускун: Алып Кускун: шорское героическое сказание // сост., подгот. текстов и перевод Л. Н. Арбачаковой. Новосибирск: Офсет, 2011. 133 с.

Бакчиев Т. А. Манасоведение: учебное пособие для вузов: 3-е изд., доп. Бишкек: Техник, 2013. 161 с.

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы / Этнографический отдел Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1893. 270 с.

Мишенькина Е. В., Извекова Т. Ф. Оппозиция «смерть – рождение» в переходных обрядах, связанных с детьми, у алтайцев // Ярославский вестник. 2012. Т. I (Гуманитарные науки), № 4. С. 175–178.

Никифоров Н. Я. Анонский сборник. Собрание сказок алтайцев. Омск: Типография штаба Омского военного округа, 1915. 264 с.

Новрузова Н. С. Миссия имянаречения в эпическом памятнике огузских тюрок «Деде Коргуд» // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. статей / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Азбука, 2010. Вып. IV. С. 341–348.

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 319 с.

Семь вечеров. Антология шорского эпоса / составление, перевод на русский язык, вступительная статья и комментарии Д. А. Функа. М.: ИЭА РАН, 2022. 296 с.

Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 318 с.

Шорские героические сказания. Кан-Перген. Алтын-Сырык / вступ. ст., подготовка поэт. текста, перевод, коммент. А. И. Чудоякова; музыковедческая ст. и подготовка нотного текста Р. Б. Назаренко. М.: Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 17).

Шорские героические сказания: Кара Кан, Кара Сабак / сост., перевод. Л. Н. Арбачакова. М.: Институт перевода Библии, 2015. 280 с.

Шорский фольклор / запись, перевод, вступ. ст., примеч. Н. П. Дыренковой. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.

Арбачакова Любовь Никитовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: anzass@mail.ru

Невская Ирина Анатольевна.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

Ассоциированный профессор.

Институт эмпирического языкознания Франкфуртского университета.

Frankfurt University, Senckenberganlage, 31 (Juridicum), 60325, Frankfurt am Main, Germany.

E-mail: nevskayairina60@gmail.com

Материал поступил в редакцию 9 марта 2023 г.

L. N. Arbachakova, I. A. Nevskaya

THE NAMING CEREMONY IN THE HEROIC STORIES OF SHORS

The article deals with the naming ritual in the epic tales of Shors recorded by N. P. Dyrenkova, A. I. Chudojakov, L. N. Arbachakova, and Shors' narrators; some have not been published yet. The naming ceremony is one of the most important poetic and mythological motifs in all traditional oral cultures; it is associated with initiation.

In folklore, it is treated as one of the so-called "epic formulas" or "commonplaces" as a standardized form of expression for folkloric motifs. Using descriptive and comparative methods, we have shown the general structure of the naming ceremony and its variability depending on the gender of the epic character and its role in the epic narrative. The article also describes the manifestations of naming an epic hero and his inner divine status. Special attention was paid to the linguistic representation of the naming ceremony and the epic formulas used. In the heroic stories of the Shors, the name of an epic hero has a great symbolic effect; the one who gives him a name is highly respected and honored. An epic hero is born miraculously. The boy (rarely a girl) grows very fast and gains all his power in just a few hours or days after an epic sleep. When he awakens, his parents or other close relatives send him to the coast or a mountain's steps to receive a name. They give him a drink to take to the person who will do the naming. Only if he has a heroic name can he fight the invaders, perform other glorious deeds or find a bride. The naming ceremony of the Shors consists of several parts: The child leaves the parental palace and goes to the place of the ceremony, he calls for a person who will give him a name, the name-giver comes, receives the drinks brought by the boy, announces the name and the blessing, the name-giver disappears and returns to his palace. During the naming ceremony, the name is first given to the epic hero's horse and only then to himself, followed by blessings and good wishes for him and his horse to be invincible and overcome all obstacles.

Keywords: *Shors stories, heroes, epics, naming ceremony, blessings, epic characters (alyp)*

List of the used unpublished Shor heroic epics

Köök Torchuk (Köök Torčuk). Recorded in 2001 by L. N. Arbachakova from V. E. Tannagashev. Audioarchive of the Sector of Folklore of Peoples of Siberia of the Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Fond of L. N. Arbachakova).

Kuba Salgyn (Kuba Saljın). Recoded in 1996 by L. N. Arbachakova from A. P. Napazakov. Audioarchive of the Sector of Folklore of Peoples of Siberia of the Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Fond of L. N. Arbachakova).

Kyummyush Kan [Kümüş Kan]. Recoded by the storyteller S. Torbokov in 1961 (13040 lines). Audioarchive of the Sector of Folklore of Peoples of Siberia of the Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Fond of L. N. Arbachakova).

Künnü köörgeñ Kün Köök [Kyun Kyok who began to see the sun]. Recoded by the storyteller V. E. Tannagashev in 1999 in the city of Myski. A copy of the recording is preserved in the personal archive of L. N. Arbachakova.

References:

Alyp Kuskun: shorskoe geroicheskoe skazanie / Sostavlenie, podgotovka textov i perevod L. N. Arbachakovoj [Alyp Kuskun: Shor heroic story / Compilation, preparation of the texts and translation by L. N. Arbachakova]. Novosibirsk: Ofset, 2011. 133 p.

Bakchiev T. A. Manasovedenie. Uchebnoe posobie dlja vyzov. Tret'e dopolnennoe izdanie. [Manas Studies. A Textbook for higher schools. The Third revised edition] – Bishkek: Texnik, 2013. 161 p.

Mishen'kina E. V., Izvekova T. F. Oppozicija «smert' – rozhdenie» v perexodnyx obrjadax, svjazannyx s det'mi; u altajcev. [The Opposition „death – birth“ in Altay transition ceremonies, connected with children] / Jaroslavskij sbornik. [Jaroslav' bulletin]. 2012. Vol. 1 (Gumanitarnye nauki) [Humanities], No 4. P. 175–178.

Nikiforov N. Ya. Anosskij sbornik. Sbranie skazok altajcev. [Anossov's collected works. A Collection of Altay tales]. – Omsk: Tipografija Omskogo voennogo okruga, 1915. 264p.

Novruzova N. S. Missija imjanarechenija v epicheskom pamjatnike oguzskix tjurkov "Dede Korkud". [Naming Ceremony in the epic written monument of Oghuz Turks "Dede Korkud"] // Mirovozzrenie naselenija Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoj retrospektive: sbornik statej. [World view of the population of South Siberia and Central Asia in a historic retrospective: a collection of articles] / Ed.: P. K. Dashkovskij. – Barnaul: Azbuka, 2010. – Vol. 4. P. 341–348.

Potapov L. P. Altajskij shamanizm [Altai shamanism]. Leningrad: Nauka, 1991. 319 p.

Sem' večerov. Antologija shorskogo eposa [Seven evenings. An Anthology of Shor epics] / compiled, translated, commented and introduced by D. A. Funk. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology of Russian Academy of Sciences, 2022. 296 p.

Shorskie geroicheskie skazaniya. Kan-Pergen. Altyn-Syryk [Shor heroic epic stories Kan-Pergen. Altyn-Syryk. Introductory article, preparation of the poetic text, translation, commentary by A. I. Chudoyaov; musicological article and preparation of musical texts by R.B. Nazarenko]. (Serija Pamjatniki folklora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Series

Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). – Moskva, Novosibirsk: Nauka, 1998. Vol. 17. 463 p.
Shorskie geroicheskie skazaniya: Kara Kan, Kara Sabak / Sostavitel', perevodchik L. N. Arbachakova. [Shor heroic stories: Kara Kan, Kara Sabak / Ed., translator L. N. Arbachakova]. Moscow: Institute of the Bible translation, 2015. 280 p.
Shorskiy folklor [Shor folklore]. Recording, translation, introduction, notes by N. P. Dyrenkova. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences, USSR, 1940. 448 p.
Skazaniya shorskogo kajchi V. E. Tannagasheva [Stories of the Shor kajchi V. E. Tannagashev]. Chief editor E. N. Kuz'mina. Novosibirsk: RITS NGU, 2014. 318 p.
Verbitskiy V. I. Altajskie inorodcy / Etnographicheskij otdel Imperatorskogo obshchestva ljubitelek estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostojashego pri Moskovskom universitete. [Altay natives / The ethnographic Department of the Imperial Society of Natural Sciences, Anthropology and Ethnography at the Moscow University]. Moscow, 1893. 270 p.

Arbachakova Ljubov Nikitovna.

Candidate of Science, senior researcher.

Institute of Philology of the Siberian Division RAS.

Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: anzass@mail.ru

Nevskaya Irina Anatol'evna.

Doctor of Science, chief researcher.

Institute of Philology of the Siberian Division RAS.

Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

Associate professor.

Institute of Empirical Linguistics, Frankfurt University.

Frankfurt University, Senckenberganlage, 31 (Juridicum), 60325, Frankfurt am Main, Germany.

E-mail: nevskayairina60@gmail.com

Г. Х. Бухарова

БАШКИРСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ МОНГОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Статья посвящена изучению монгольских географических названий в топонимической системе Республики Башкортостан. Цель исследования – выявление в башкирской топонимии географических названий монгольского происхождения, анализ их словообразовательной структуры, семантики, происхождения и ареалов распространения в районах республики. Исследование актуально в плане интерпретации иноязычных топонимов, выявления особенностей их функционирования в топонимической системе Южного Урала. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем сделан краткий экскурс в изучение монгольского пласта в башкирской топонимике и впервые дана этимология многих географических названий, образованных от ойконимических, оронимических, гидрографических терминов, дримонимов и этнонимов монгольского происхождения, сделана попытка их систематизации. Исследование проводится с использованием описательного, структурного, сравнительно-исторического методов анализа топонимов, а также методов этнолингвистической реконструкции и лингвокультурологической интерпретации. Проанализированный материал свидетельствует о том, что топонимы монгольского происхождения в башкирской топонимии составляют небольшой пласт и характеризуют природный и антропогенный ландшафт Башкортостана. Монгольские географические названия связаны также с общими верованиями монгольских и тюркских народов. Этнотопонимы монгольского происхождения в башкирской топонимии являются результатом смешения монгольских и башкирских племен и родов в результате монгольского завоевания.

Ключевые слова: *ономастика, топонимика, башкирская топонимия, этнотопонимия, монгольские топонимы, этимология*

Введение

В топонимии Башкортостана отражается история и культура прошлых поколений. Об этом свидетельствует архаическая лексика, зафиксированная в названиях географических объектов. Результаты историко-этнолингвистических исследований по башкирской топонимике показывают, что на территории Башкортостана древним субстратом являются географические названия индоиранского происхождения, а затем следует финно-угорский субстрат. По мнению башкирских языковедов А. А. Камалова, Р. З. Шакурова, З. Г. Ураксина, «средний пласт составляют тюрко-монгольские (монгольские, древнетюркские, болгарские и башкирские) топонимы... более ранний слой характеризуется названиями, имеющими соответствия в монгольских языках» (Словарь, 2002: 5–6). К апеллятивам, не представленным в современном башкирском языке, но имеющим лексические соответствия в монгольских языках и в болгарском, авторы причисляют топонимические основы: *балкан/малкан, газы/гәзе, газак, ирән, кондор, нора/нура, өйәз/өйәзән, өргән, өсән, сала, ур, уран, һеңер сангар, әмәл, әүез* и др. (Словарь, 2002: 6). С данным утверждением авторов нельзя согласиться полностью, так как эти топоосновы могут принадлежать не только к монгольским языкам и поэтому нуждаются в тщательном исследовании.

Как объяснить наличие монгольского пласта в башкирской топонимии?

Наличие общей лексики в башкирском и монгольском языках башкирский языковед Дж. Г. Киекбаев объясняет генетическим родством алтайской семьи языков. Он при помощи теории определенности и неопределенности установил сходство в грамматике урало-алтайских языков, выявил соответствие многих фонетических процессов, а также описал лексические параллели (Киекбаев, 1966; 1972; 1996).

Однако, по мнению А. М. Щербака, «тюркско-монгольские языковые связи складывались в ходе длительного процесса взаимодействия и по своему содержанию, по своим особенностям не имеют ничего общего с теми связями, которые принято считать генетическими» (Щербак, 1994: 184).

Наличие заметного тюркского пласта в монгольских языках, а монгольского – в тюркских подтверждается множественными исследованиями. Несмотря на обоюдный характер взаимовлияний языков и культур, в разный период истории эти языки оказали разное влияние друг на друга. Как показывают исследования А. М. Щербака, «в ранний период истории (до XIII в.) более сильное влияние на монгольские языки оказали тюркские языки, и это влияние носило односторонний характер: в древнетюркском языке слова монгольского происхождения были единичными. После монгольских завоеваний, начиная с XIII в. усиливается монгольское влияние на тюркские языки» (Щербак, 1994). Степень влияния монгольских языков на разные тюркские языки может быть различной в силу конкретных исторических, географических положений и особенностей этногенеза тюркских народов.

В новейших исследованиях убедительно доказывается, что «тюркизмы заимствовались в монгольские и тунгусо-маньчжурские языки и диалекты, но вместе с подобными фактами в этих языках имеются такие формы слов, которые позволяют реконструировать эти лексические единицы как элементы общеалтайской лексики» (Бурыкин, 2017: 198).

Новизна проведенного исследования заключается в том, что, во-первых, выявлены и введены в научный оборот ранее не изученные географические названия Республики Башкортостан монгольского происхождения, во-вторых, внесена некоторая корректировка к выводам башкирских топонимистов по поводу происхождения некоторых топонимов монгольского происхождения, в-третьих, сделана попытка систематизации монгольского пласта в башкирской топонимии.

Актуальность исследования топонимов монгольского происхождения диктуется прежде всего необходимостью выявления непонятных с точки зрения современного башкирского языка географических названий, имеющих отношение к монгольским языкам; во-вторых, необходимостью решить проблему разграничения монгольских и тюркских названий в башкирской топонимии, в-третьих, изучение топонимии в сравнительно-историческом плане позволит выявить этнолингвистические пласты в топонимии и их системные связи.

Материал и методы исследования

Объектом изучения является топонимия Республики Башкортостан, а предметом – топонимы монгольского происхождения, распространенные на ее территории. Цель исследования: выявление топонимов монгольского происхождения и их систематизация на основе изучения общей лексики монгольских языков и башкирских топонимов, объяснение их этимологии, введение в научный оборот новых башкирских топонимов, восходящих к монгольским языкам.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, методом сплошной выборки из «Словаря топонимов Республики Башкортостан» выявляются топонимы, признанные исследователями монгольскими, а также новые монгольские топонимы, еще не введенные в научный оборот; во-вторых, при помощи описательного, структурного и сравнительно-исторического методов интерпретируется происхождение башкирских топонимов монгольского происхождения, определяется их структура и семантика.

Основным фактическим материалом послужил «Словарь топонимов Республики Башкортостан» (Словарь, 2002).

Краткий экскурс в изучение монгольского пласта в башкирской топонимике

В исследованиях башкирских топонимистов выявлены географические названия, объяснимые на материале географической терминологии монгольских языков. По мнению башкирских топонимистов А. А. Камалова и Р. З. Шакурова, монгольский топонимический слой локализован в Белорецком, Давлекановском, Мелеузовском районах (Камалов, 1997: 139; 29;

Шакуров, 1986: 123–124). Возможно, территория данных районов была зоной активного взаимодействия башкирских и монгольских племен.

А. А. Камалов башкирские географические названия, образованные от географических терминов *нора/нура*, *тугай*, *капсагай*, относит к монгольским (Камалов, 1997). В районе озера Асылыкуль (Давлекановский район РБ) он выделяет группу названий со словом *нура/нора*: *Асылыкул нораһы*, *Нора (Нура) тауы*, *Бэлэкэй Нура*, в Белорецком районе гора *Норатау*, там же гидронимы *Отнурок* и *Нура* – пр. Белой, *Кызыл Нора* – название горы в Мелеузовском районе и др. Он также отмечает, что слово *нура* в демском говоре южного диалекта башкирского языка означает гору или круто обрывающуюся продолговатую возвышенность. Происхождение башкирского диалектного географического термина *нура/нора* ученый рассматривает в связи с монгольским *нуру* ‘горный хребет; горная цепь’. Действительно, монгольское *нураа* ‘обрушившийся берег, подмытый крутой откос’; *хэвцэг нураа* ‘крутой обрыв’; *эрэг нураа* ‘обрыв, яр’, а *нуур* ‘озеро’ (БАРМС, 2001: 960–963). Происхождение башкирских оронимов *Капсагай* (вариант *Капсыгай*), *Кабат Капсагай* (другое название *Һыуык Капсагай*) А. А. Камалов связывает с монгольскими: *хабцал* ‘ущелье, теснина, горный проход, главное ущелье и подножие горы; балка’; *хабцагай* ‘узкое ущелье; падь, иногда крутая скала, утес’ (Камалов, 1997). Ландшафтный термин *хавцал* в монгольских языках имеет следующие значения: халха ‘узкое ущелье’; халха *хавцал*, бурятское *хабсал* ‘ущелье, теснина’; калмыцкое *хавчл* ‘непроходимое место’ (ЭСМЯ, 2018: 14). «...основа капчы-, так и ее производные капчал и капчыгай ~ хапчагай считаются монгольскими по происхождению» (ЭСТЯ, 1997: 273). Географический термин *капчал/капчыгай* широко распространен и в тюркских языках, в киргизском, казахском, ногайском (диал.), алтайском, якутском, уйгурском в различных фонетических вариантах употребляется в значениях: ‘горное ущелье’, ‘скалистое ущелье’, ‘теснина’, ‘горный проход’, ‘узкая и длинная горная долина’, ‘косогор’, ‘утес’, ‘отвесная скала’. Исключительно широк семантический диапазон данного слова и его производных в монгольских и тюркских языках. Наличие географического термина *Qarṣaq* в древнетюркском в значении ‘место слияния реки с притоком’, башкирское *капсал* ‘теснина между двумя горами’, *капсык* ‘ущелье’, ‘чаща’, в киргизском *капчыгай* ‘горное ущелье, горный проход, узкая и длинная горная долина’; *капчал* ‘скалистое ущелье’, в алтайском *капчал* – ‘ущелье с высокими отвесными скалами; в казахском *капшагай*, *капсагай* ‘глубокое скалистое ущелье в горах, по которому течет река’ может свидетельствовать о его общеалтайском происхождении, тем более что «Н. Поппе восстанавливает у монг. qabci- его архетип в виде *kapti- и сопоставляет его как гомогенный с нан. kapiṅa-/kafiṅa-, маньчж. ھاṯiṅa- ‘сжимать’ и с др.-тюрк. qar- ‘сжимать, схватывать’» (ЭСТЯ, 1997: 273). Следует добавить то, что в айском, караидельском говорах башкирских диалектов лексема *капсал* функционирует в качестве географического термина в значении ‘непроходимое место в лесу, непроходимое ущелье, воронка в воде’ и ‘дебри, чаща’ (БТДһ, 2002: 186).

Географические названия с термином *тугай* в значении ‘луг, пойма реки’ А. А. Камалов объясняет на материале монгольских языков, где термин *тохой* употребляется в значениях ‘излучина, изгиб реки, ручья; залив’ (Камалов, 1997: 180). Термин распространен во многих тюркских языках: «в алтайском языке *токой* ‘полуостров, выдавшийся полукругом берег реки’, в теленгитском диалекте *токой/тогой* ‘лес’; казахское *тогай* ‘пойма реки с богатой лесолуговой растительностью’; иногда лес; киргизское *токой* ‘лес’; 2) *тугай* ‘заросли кустарника, часто смешанного с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озер, на болотистых местах’; каракалпакское *тогъай* ‘лес, лесные заросли; заросли кустарника’; татарское *тугай* ‘извив, излучина реки’; 2) ‘луг, пойма; *урман тугае* диал. ‘лесная поляна’; 3) *тугай*; туркменское *токай* ‘лес; лесной’; хакасское *тогъой* ‘роща’; лес на низменности, в извилине реки; луга по речным долинам с примесью кустарников и деревьев’; якутское *тогой* ‘изгиб, излучина (реки

или озера с заливом»); 2) *устар. тогой* – самая мелкая административная единица в северных районах Якутии в первые годы советской власти» (Молчанова, 1979: 98).

Географический термин *тугай* образован от монгольского анатомического термина *тодо-и*, халха, бурятское *тохой*, калмыцкое *тоха* ‘локоть, локтевой сустав; локоть (мера длины); излуцина, лука (реки)’ (ЭСМЯ, 2018: 173). От данного географического термина происходят башкирские ойконимы: *Тугай* – названия деревень в Благовещенском, Буздякском, Бураевском, Гафурийском районах. В современном башкирском языке *тугай* – кустарник по берегам рек, луг, пойма.

В топонимии ик-сакмарского бассейна М. Г. Усманова выявила монгольские включения. В их составе она выделила, во-первых, топонимы, в основе которых лежат слова, в основном географические термины, единые для общеалтайской лексики (общие для тюркских и монгольских языков), например, *Азакйылга* ‘нижняя часть реки, т. е. устье реки’; *Бирге Азакйылгаһы* буквально ‘ближнее устье реки’; местность *Агасаяк*, буквально ‘устье реки, где растут деревья’; *Бабайгул* ‘ложбина старика’, *Абдуллакул* ‘ложбина Абдуллы’, где *кул//гул* башкирское ‘ложбина’; монгольское *гол* ‘река, речное русло’; татарское диалектное *кул, кол, гол* ‘низина, овраг’; ‘долина’; во-вторых, топонимы, объясняемые только на монгольской языковой почве: *Мәнәүез йылгаһы, Мәләүез йылгаһы*, по ее мнению, образовано от монгольского *мана/мәнә/мәлә* ‘караулить, сторожить’ и монгольского *уз/ус* ‘вода, река’, т. е. ‘сторожевая, караульная река’; *Мәнәйтәуы* ‘сторожевая гора’, урочище *Манаулыккойо*, буквально ‘родник, где есть укрепленное, сторожевое место’, топонимы *Норайташы*, овраг *Нуралы-уй* от монгольского *нураа* ‘обрыв’ и др. (Усманова, 1994: 135–136).

В исследованиях Г. Х. Бухаровой рассмотрены некоторые тюрко-монгольские топонимы, связанные с мифорелигиозными верованиями данных народов, в частности с культом *обо//уба*, с поклонением божеству *Отукен*, с обожествлением гор и наделением их эпитетом *хан, баян* ‘божественный’ (Бухарова, 2003; 2017).

Как известно, *обо* (оба) являлось местом поклонения у монголов и тюрков. Возможно, поэтому топонимы с основой *уба/обо* широко распространены в тюркоязычном ареале. Башкирские топонимы *Уба* (‘курган, насыпной могильный холм’, ‘холм’), *Убалар* (от *уба* ‘холм’ и аф. множ. числа *-лар*), *Убалар* (от *уба* ‘холм’ и аф. множ. числа *-лар* и *бағыуы* – ‘поле’), *Убатәу* (от *уба* ‘холм’ и *тәу* ‘гора’), *Убалыктар һырты* (от *уба* ‘холм’ или ‘надмогильный холм’, аф. наличия чего-либо *-лык* и аф. множ. числа *-тар*; ‘хребет, где имеется холмы уба’) и многие другие свидетельствуют о существовании в прошлом культа *уба* и у башкир.

Уба/обо – «это каменные или земляные насыпи, сложенные в виде сфероида, кучи камней с воткнутыми ветвями, на которые обычно привязывали лоскутки материи и пучки конских волос – жертвы горным духам, так как *обо* в Монголии часто располагались на высоких горных перевалах. Термин *оваа* в форме *она* упоминался уже в древнетюркской рунической надписи, датируемой примерно VII в. Культ *оваа* существовал у всех тюркских народов Саяно-Алтая, монголов и бурят, у народов Средней Азии и Тибета» (Тадинова, Эмба, 2006: 607).

В «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина читаем: «*обон* ‘земляная или каменная насыпь’, которую делают буряты для религиозных обрядов или в качестве опознавательных знаков на местности, *обоо* ‘куча, груда (камней), насыпь’, ‘межевой пограничный знак’, ‘возвышенность, на которой воздвигнута в честь ее духов насыпь в виде кучи из камней и веток’» (Аникин, 2000: 415). Топооснова *обо* в значении ‘груда жертвенных камней в честь духа горы’ имеется в топонимии Горного Алтая: *Обоо, Обоолу-Боочы, Обоо оозы, Обоо-Туу* и т. д. Однако данный культ был распространен не только у тюрко-монгольских народов. Как пишет Г. Е. Кагаров, «...обычай устраивать в известных местах каменные кучи, причем каждый прохожий обязательно должен бросить в кучу камень, ветку

или какой-нибудь предмет, является одним из наиболее распространенных традиций чуть ли не у всех народов земного шара» (Кагаров, 1927: 116).

Внутренняя форма, глубинная семантика слова *уба*, возможно, имеет связь с тунгусо-маньчжурской мифологией, где *оми* – душа. Г. М. Василевич, изучив мифологические представления тунгусо-маньчжурских народов, пришла к выводу о том, что «первоначально *оми* называлось изваяние человека из камня и глины, которое изготовил один (младший) из двух братьев – создателей вселенной. Сотворив изваяние, он ввел в него душу – *оми*» (Василевич, 1992: 254). К подобным выводам пришла Т. Ю. Сем: «Согласно мифологическим представлениям шести тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока: нанайцев, ульчей, орочей, ороков, негидальцев и удегейцев, все живое на земле – растения, животные и человек имели свой источник жизни, жизненную силу *омиа*, получаемую в момент зарождения. *Омиа* человека представлялась особой субстанцией, способной к самостоятельному продолжительному существованию вне тела человека в течение нескольких поколений до его рождения и после смерти, способной к изменениям и перевоплощениям и переходу от предков к потомкам» (Сем, 1991: 79–80). Исследователь в одном семантическом гнезде рассматривает основы *ум-/ом-/об-/ов-*. Например, тунгусо-маньчжурское *оми*, *оме* ‘зародыш’, ‘женская утроба’, *омо*, *омук* ‘гнездо’, *омоло* ‘внуки’, ‘потомки’, *омиа*, *оми* ‘жизненная сила’ и названия каменных куч *оваа*, *обо* у тюркских и монгольских народов. Таким образом, внутренняя форма слово форм *уба//обо//оми* связана с глубинной семантикой «душа предков», «жизненная сила *оми//омиа*».

В словаре топонимов РБ некоторые топонимы тюркского происхождения зафиксированы как монгольские. Так, например, *Арғауз* – левый приток Сима в Архангельском районе. Варианты названия – Аргаус, Аргаза. Происхождение гидронима Аргауз объясняется от башкирского *аргы* ‘дальняя’ и монгольского *уц//уса* ‘вода, река’ (Словарь, 2002: 31). Другую интерпретацию дает Г. К. Валеев: «...в древнетюркском корень *а:р-* с формантами носителя действия *-қи, -ғы, -аз, -н, -мак, -ык* имеет значение ‘вода, рукав реки, речное’, ‘русло, канал, источник, родник, ключ’, а элемент *-уз* он выводит от *ауыз*: *Арг(ы)ауыз* > *Арғауз* (река – рот, горло)» (Валеев, 1992: 23). Действительно, гидроним может быть образован от тюркского корня *а:р* со значением ‘вода’ ‘источник’ и *ауыз* ‘исток’, ‘вход в ущелье’ или же ‘выход горной речки на равнину’.

Авторы «Словаря топонимов РБ» в ойкониме *Ағуҙа* (деревня в Бирском районе) второй компонент *уҙа* сравнивают с монгольским *ус* ‘вода, река’ (Словарь, 2002: 23). Ойконим образован от названия реки Ағуҙа (Акудинка). Второй компонент гидронима *уҙа* имеет общий корень с термином *узы*, который зафиксирован в Благоварском, Чишминском районах РБ в гидрониме *Узы* – река, левый приток Демы. Однако авторы-составители «Словаря топонимов Республики Башкортостан» данный гидроним объясняют от *уяз//уязы* ‘долина, низменность’ (Словарь, 2002: 204). Тополексема *уҙа* имеет лексические параллели в формах *уда* и *уса*.

Топооснова *уда* имеет широкий ареал распространения: «Уда – реки: 1) бассейн Охотского моря, Хабаровский край; 2) бассейн Ангары, Иркутская область; 3) бассейн Селенги, Бурятия» (Мурзаев, 1984: 429). Имеется несколько гипотез о происхождении гидронимов *Уда* и его фонетических вариантов: М. Н. Мельхеев связывает с наименованием племени *уду* (*уду-ит*), жившего в XII в. на Селенге и Орхоне (Мельхеев, 1969), другие предполагают, что «эти названия могут быть образованы от эвенкийского *уда* ‘спокойное, тихое течение’, сравните: тунгусо-маньчжурское *уда* ‘медлить’, бурятское, монгольское *уда* ‘медлить, мешкать, задерживаться’» (Мурзаев, 1984: 429). Сравните: Улан-Удэ – столица Бурятии, Нижнеудинск – город в Иркутской области.

Гидронимы с формантом *уд-* распространены в бассейнах Дона, Днепра и Десны. Их происхождение можно связать с индоевропейским корнем **ud*, **ued* ‘вода’, праформы которых восстановлены В. М. Илличем-Свитычем следующим образом: «в алтайских языках –

ödΛ ‘дождь’ (тунг.), уральских – wete ‘вода’, дравидийских – ōtΛ-/wetΛ ‘влажный’, в индоевропейских – ued ‘вода’» (Иллич-Свитыч, 2003: 22).

Названия рек, содержащие в своем составе гидронимический термин *уца//усы*, авторы словаря объясняют от монгольского *ус//уса* ‘вода, река’. Например, *Усы* – правый приток Уфы в Мишкинском, Благовещенском районах в «Словаре топонимов РБ» объясняется от монгольского *ус* ‘вода, река’ и сравнивается с топонимами *Усу*, *Усыбаш* (*Усубаш*) – деревня в бывшей Уранской волости Осинской дороги, ныне деревня в Благовещенском районе; *Уса* – река в Ирехтинской волости Казанской дороги; *Уса* – правый приток Кияука в Ишимбайском районе; *Уси* – правый приток реки Миясь, *Усылы* (*Услы*) – левый приток *Уязы*, правый приток Демы в Миякинском, Бижбулякском районах РБ (Словарь, 2002).

В составе данного лексико-семантического разряда топонимов можно рассмотреть гидроним *Өсән*. *Өсән* – правый приток Ика в Белебеевском, Туймазинском районах. В «Словаре топонимов Республики Башкортостан» объясняется от монгольского *усан* ‘вода, река’ и сравнивается с бурятским *уһа*, *уһан* ‘река, вода, воды’ (Словарь, 2002: 164). Действительно, *ус(ан)* в монгольском ‘вода; река’ (БАМРС, 2001: 764). Сравните: халха *ус(ан)*, бурятское *уһан*, калмыцкое *усн* ‘вода’.

В башкирской топонимии имеются географические названия тюркского происхождения, имеющие отношение к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. Рассмотрим некоторые из них.

Курғы – названия рек в Белокатайском, Зилаирском, Федоровском, Альшеевском районах РБ. Курғылар – бывшая деревня в Буреаевском районе; *Курғы тауы* – гора в Буздякском, Дуванском, Миякинском районах. Происхождение данных топонимов А. А. Камалов объясняет от *курғы* ‘глубокий лесистый овраг, рытвина, пересыхающая речка; мелкий лес, характерный для степных местностей’ (Словарь, 2002: 133). В словаре башкирского языка слово зафиксировано также в значении ‘мелкий лес в высокогорье’ (БТһ, 1993: 705). Башкирское *курғы* А. А. Бурыкин относит к редким словам тюркских языков, сравнивает с тофаларским *qyrhy* ‘редколесье в высокогорье’ и сопоставляет с эвенкийским *урэ*: гора, эвенским *урэ:кчэ:н* гора, ульча *хурэ(н)* гора, нанайским *хурэ(н)* гора, сопка (Бурыкин, 2009). Действительно, башкирское *курғы* сопоставимо с тюркскими: киргизское *керүү* ‘верх горы или склон высокой горы с травой’ и монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками: монгольское *kege-r-e*, халха *хээр*, бурятское *хээрэ*, калмыцкое *кеер* ‘место, удаленное от жилых мест (открытое поле, поле, степь, лес)’; эвенкийское *кэвэр*, *кэр* ‘луг; степь’; ‘болото с травой и редкими деревьями; горная тундра’ (ЭСМЯ, 2016: 112), а также с халха *хэр*, *хэрүү* ‘деревья, растущие по северному склону горы островками или отдельными группами’ (ЭСМЯ, 2016: 120).

Таким образом, краткий экскурс в изучение монгольского пласта в башкирской топонимии показывает, что некоторые параллели в башкирском и монгольском языках имеют ностратические корни, об этом можно судить по гидронимическому термину *уд* и его фонетическим вариантам в языках, относящихся к разным языковым семьям, и широкому ареалу его распространения. Некоторые общие топоосновы могут возводиться к общеалтайской лексике (*капсак//капсагай*, *курғы*), а некоторые топоосновы могут относиться только к монгольским языкам (*нура//нора*, *тугай*, *уба*).

Башкирские гидронимы монгольского происхождения

Рассмотрим башкирские гидронимы, объяснимые на материале лексики монгольских языков.

Агуй – речка, приток Кизила в Абзелиловском районе, приток Белой в Белорецком районе. А. А. Камалов происхождение гидронима объясняет от *аг//ак* ‘белая’ и *уй* ‘долина’, ‘речка’ и сравнивает с *Агуй* – урочище в Гафурийском районе (Словарь, 2002: 23). Объяснение

гидронима *Азуй* как «Белая долина» вряд ли соответствует истине. Мы полагаем, что происхождение гидронима может быть связано, во-первых, с башкирским диалектным словом *азуй//азуймак*, что означает ‘открытая долина между гор’; во-вторых, с монгольским *азуй* ‘пещера, грот, подземелье; вертел; катакомба’; ‘полость’; ‘углубление, яма’ (БАМРС, 2001: 166). Сравните: халха, бурятское *азуй*, бурятское *Азгы* ‘пещера, грот, подземелье’; ‘впадина в горах’ (ЭСМЯ, 2015: 41). Следует добавить то, что в тюркоязычном ареале топооснова *уй//ой* «...активно участвует в образовании как гидронимов, так и оронимов. Апеллятив *ой* входит в состав названий рек, ручьев, логов, долин, гор, перевалов, населенных пунктов и имеет значение низины, котловины, впадины» (Молчанова, 1979: 79).

Икен – речка, правый приток Лемезы в Архангельском районе. Вариант названия Экен. Происхождение названия объясняется от *ике* ‘два’ и *ин* ‘метка, знак, тамга, тавро’ (Словарь, 2002: 73). От гидронима *Икен* образованы названия поселков в Архангельском и Иглинском районах. На наш взгляд, вариант названия *Экен* более древен и соответствует географическому термину *эх(эн)* в монгольском, что означает ‘начало, источник; истоки’ (БАМРС, 2002: 441). Сравните: халх. *эх(эн)*, бур. *эхин*, калм. *эки* ‘начало; исток’.

Кандыгай йылгаһы – река в Абзелиловском районе. *Кандыгай* – гора там же. А. А. Камалов происхождение названий объясняет от канды ‘кровавая’ и кай//кая ‘скала, утес’ и сравнивает с Кандыйылға – речка, Кандытүбә – холм в деревне Рахмет того же района (Словарь, 2002: 115). На наш взгляд, *Кандыгай* и *Канды* – не гомогенны, а гетерогенны. *Кандыйылға* действительно трактуется как ‘кровавая река’, а *Кандыгай* в значении ‘кровавая’ в восточном диалекте башкирского языка звучало бы в форме *Кандыкай*, а не *Кандыгай*. Мы полагаем, что гидроним и ороним *Кандыгай* имеет монгольское происхождение и восходит к монгольскому *хандгай* ‘лось, сохатый’ (БАМРС, 2002: 894). Сравните: «бурятское хандагай ‘лось’ (Аникин, 2000: 255), тунгусское *кондагай* ‘лось’ (Аникин, 2000: 301), халха *хандгай*, бурятское *хандагай*, калмыцкое *хандһа*, дагурское *хандаг* ‘лось’, ‘сохатый’, маньчжурское *qandaḡan* ‘лось-самец’; киргизское *кандагай* ‘мужские штаны из кожи горного козла» (ЭСМЯ, 2018: 30).

Коткор – речка, правый приток Белой в Белорецком районе. В том же районе имеются названия: *Бәләкәй Коткор*, *Коро Коткор йылгаһы*, *Коткор ташы*. От названия речки *Коткор* получил название одноименный хутор в Белорецком районе. В основе гидронимов лежит монгольское *хотгор* ‘лощина, впадина; углубление, выемка, низменность; котловина’. Сравните: халха *хотгор* ‘лощина, впадина’; ‘вогнутый в середине’; бурятское *хотогор* ‘изогнутый’; ‘наклонный, покатый’, ‘склон’ (ЭСМЯ, 2018: 60).

Кыңгыр – реки, правый приток Бири в Бирском районе; приток Менеуза в Бижбулякском районе, д. Кенгер-Менеуз. *Кыңгырбаиш* – правый приток Малого Ускалыка в Зианчуринском районе; *Кыңгыратау* – гора в Дюртюлинском районе; *Кыңгыртаиш* – гора в Баймакском районе; *Кыңгыр үзәге* – ложбина в Бурзянском районе. От основы *кыңгыр* образованы гидронимы, оронимы и ойконимы. Сравните: *Кыңгыр-Мәнәүез* – село в Бижбулякском районе. А. А. Камалов происхождение названий связывает древнетюркским *qinir* ‘косой, косоглазый’ и сравнивает с монгольским *хонхор* ‘углубление, вымоина, впадина, лог, ложбина, выемка, яма’ (Словарь, 2002: 139). Происхождение данных названий можно объяснить от монгольского *хөнхөр* ‘впадина, ложбина, низина, овраг; низменное место’ (БАМРС, 2002: 1000). Сравните: халха, бурятское *хонхор*, калмыцкое *хоңхр* ‘углубление, впадина’; дагурское *хонкор* (*конкор*) ‘низменность’; ‘топкое болотистое место’ (ЭСМЯ, 2018: 53). На наш взгляд, объяснение названия *Кыңгыр* на основе монгольской лексики ближе к истине, потому что лексема *кыңгыр* сопоставима только с монгольским *хонхор//хөнхөр*, а не с тюркским *кыңыр* в значении ‘косой, косоглазый’.

Һаргай – правый приток Раузяка в Ишимбайском районе. Р. З. Шакуров считает возможным образование гидронима от древнебашкирского *һарыг* «желтая» и ай//уй ‘долина,

низменность' и сравнивает с гидронимами *Һарғай* – правый приток Лемезы в Архангельском районе; *Һарғайы йылғаһы* – речка в Бурзянском районе; *Һарғайы* – бывшая деревня в Хайбуллинском районе; *Һарғайлы* – бывшая летовка в Мелеузовском районе (Словарь, 2002: 217). От гидронима *Һарғай*//*Һарғай* образованы названия многих ойконимов: деревни в Ишимбайском, Мелеузовском районах. *Һарғайы* – деревня в Бурзянском районе. Варианты: *Һарғая*, *Һарғыя*. По нашему мнению, они с *Һарғай* связаны с местностью, где растут густые высокоствольные ровные деревья (возможно, сосновые), и все они сопоставимы с монгольским чаргай 'кондовый (лес); высокоствольный' (о лесе, растущем густо) (БАМРС, 2002: 1832). Сравните: халха *чаргай*, калмыцкое *чирһа* 'кондовый (лес)' (ЭСМЯ, 2018: 147). Уместность сравнения *Һарғай*//*Һарғай* и их фонетических вариантов с монгольским *чаргай* 'безсучковый высокоствольный лес' подтверждается и тем, что в башкирском языке от слова *Һарғай* образованы следующие слова и словосочетания: *Һарғауыл* 'длинное деревянное приспособление, используемое для закрытия отверстия юрты' (БТһ, 1993: 575). *Һырғауыл* – в кизилском, миасском, среднем говорах башкирских диалектов означает 'столб, на который лазают в состязаниях'; *Һырғый ағас* – в кизилском говоре восточного диалекта башкирского языка – 'высокое ровное дерево' (БТДһ, 2002: 386). Следует отметить, что лексема *Һарғай*//*чаргай* соотносится с тюркским словом *карагай*, которое употребляется в значении 'сосна' в кум., каз., ккал., ног., тат. диал., баш., уз., уйг. диал., алт., шор. языках; в кир., уйг., уйг. диал. – 'ель', в тат. – 'лиственница', в узб. диал. – 'дерево', 'сосняк', в кирг. – 'еловый лес' и т. д.; в монгольских языках: письм.-монг. *qarrai* 'лиственница', халха-монг. *харгай* 'сибирская лиственница', калм. *харһа* 'сосна', *хагга*, *харга* 'ель или лиственница, хвойное дерево' (ЭСТЯ, 1997: 292). По утверждению авторов «Этимологического словаря тюркских языков», «эта основа относится к древнейшему общеалтайскому лексическому фонду» (ЭСТЯ, 1997: 293).

Һукайлы – правый приток Ашкадара в Федоровском, Мелеузовском, Стерлитамакском районах. Гидроним образован от дримонима *Һукай* и башкирского афф. наличия -лы. Происхождение гидронима можно объяснить на материале ландшафтной лексики монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, где монгольское *siqai*, халха *сухай*, бурятское *хухай*, калмыцкое *суха* 'таволожник, тамариск, 'ива красная', эвенкийское *сукай* 'таволожка' (ЭСМЯ, 2018: 133).

Башкирские оронимы монгольского происхождения

Следующие оронимы объяснимы на материале монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Көнтэй – гора в Чишминском районе интерпретируется от көн 'день; солнечная, южная' и форманта -тэй 'гора' (Словарь, 2002: 101). Возможно, ороним образован от орографического термина *көнтэй*, который сопоставим с монгольским *хөндий* 'полый, пустой'; сравните: *хөндийагуй* 'ущелье; пещера'. В орониме *Көнтэй* топоформант -тэй не соответствует башкирскому географическому термину *тау* 'гора'. На наш взгляд, аффикс -тэй соответствует монгольскому -т(ай), который образует прилагательные от существительных и является продуктивным аффиксом; в башкирском данный аффикс соответствует аффиксу наличия -лы. В тюркоязычном ареале данный термин находит отражение в гидрониме *Көңдөй* – урочище в Горном Алтае. Происхождение названия объясняется от алтайского 'дупло; дуплистый, пустой, продолбленный (по отношению к яру, берегу)' (Молчанова, 1979: 235). Лексема *көңдөй* имеется в алтайском, киргизском, хакасском, якутском языках в значениях 'пустой, полый, пустота, дуплистый', в переносном 'никчемный, бесполезный'. В «Этимологическом словаре тюркских языков» указано как заимствование из монгольского (ЭСТЯ, 1997: 107). Сравните: монгольское *хөндий* 'ущелье', 'долина', 'дупло', 'пустой'; в диалекте 'пещера'; эвенкийский диалект *кэн(г)ди* 'дупло', 'нора', 'пещера'; эвенкийское *кон(г)дө* 'котловина', 'пустота'.

Муйылыуэзэ – название ложбины образовано от монгольского *tojil* ‘черемуха’ и башкирского *уэзэ* ‘ложбина’, ‘черемуховая ложбина’. **Сукмуйылтау** – гора в Бурзянском районе, село Аскар. Название образовано от слова *сук муйыл* ‘ветвистая черемуха; черемуха с обильными гроздьями и *тау* ‘гора’. Сравните: *Сукмуйыл* – приток Малой Сюдени в Зианчуринском районе, село Исянгулово; *Сукмуйыл* – реки в Абзелиловском и Бурзянском районах; *Сукмуйыл* – болото в Белорецком районе. Сравните: халха *tojil* ‘черемуха’, бурятское *мойл*, *мойлон* ‘черемуха’, калмыцкое *мөл* (орфографически вместо *мөөл*) ‘крушина’; маньчж. *toyoro* (←**toyil*) ‘черемуха’; эвенкийское *монон* ‘клен’ (ЭСМЯ, 2016: 175).

Шалман – гора в Белорецком районе. Возможно, ороним образован от монгольского *šaldang*, халха *шалдан* ‘голый, обнаженный; оголенный’. Сравните: алтайское *шалтан* ‘обнаженный’ и река *Шалтан* в Горном Алтае.

Башкирские ойконимы монгольского происхождения

Происхождение некоторых башкирских ойконимов можно интерпретировать на примере монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Рассмотрим некоторые из них.

Гөлөк – деревня в Дюртюлинском районе. В «Русско-башкирском словаре названий населенных пунктов Республики Башкортостан» происхождение названия связывается с личным именем Гөлөк (Хисамитдинова и др., 2001: 136). Возможно, антропоним имеет тотемную принадлежность и в его основе лежит монгольское *гөлөг* ‘щенок’. Сравните: халха *гөлөг*, калмыцкое *гөлг*, бурятское *гүлгэн*, дагурское *улуг* (*гүлгү*) ‘щенок’; халха, калмыцкое ‘волчонок’; халха, бурятское ‘почки, побеги, ростки на дереве’; венгерское *kölyök* детеныш (← тюрк.: тур. *Köşek* (ЭСМЯ, 2016: 52). Сравните: башкирское *колокай* ‘жеребенок’.

Котан – название деревни в Бурзянском районе. Ойконим образован от башкирского географического термина *котан* ‘загон для мелкого скота’. Сравните: халха, калмыцкое *хот* ‘загон для скота, хлев’; халха ‘стойбище, лежка (животных)’; ‘боковые стенки гребня лопатки животных’; халха, калмыцкое ‘группа юрт’; калмыцкое ‘стада овец одной группы юрт, одного селения’; бурятское *хото*, дагурское *хотон* (*котон*), калмыцкое, халха ‘город’; эвенкийское *котон* ‘хлев, скотный двор’; киргизское *котон* ‘скотный двор’ (ЭСМЯ, 2018: 60). Сравните: монгольский ойконимический термин *хөдөө(н)* ‘худон, сельская местность; провинция; деревня’ (БАМРС, 2002: 991).

Колгана – деревня в Абзелиловском, Бурзянском районах и **Колгона** – деревня в Ишимбайском районе. Авторы «Словаря топонимов РБ» происхождение данных ойконимов связывают с антропонимом *Колгана*//*Колгона*. Другое название *Колгона* – деревни в Ишимбайском районе – *Тау Кирэйе*. Ойконимы можно объяснить на материале монгольских языков, где *хулгана* ‘мышь’; сравните: бурятское южное *хулганаа*, бурятское западное *хулгана*, бурятское восточное *хулганаан*, прото-монгольское *хилиуана*, монгольское *хулгана*, калмыцкое *хулһн* (Аникин, 2002: 626).

На наш взгляд, судя по этнониму Кирей, *колгана* – мышь была тотемом родового подразделения Тау Кирэйе – киреитов. Следует добавить, что этноним *кирэй* находит отражение в башкирской ойконимии: *Кирэй* – поселок в Караидельском районе РБ. Кереиты, монгольское *keriyed*, халха *хэрээд*, калмыцкое *керэд* – одно из монгольских племен, а также одна из этнических групп в Калмыкии. Возможно, данный этноним в монгольских языках связан с обожествлением тотемной птицы – вороны: монгольское *keriye*, халха, бурятское *хэрээ* ‘ворон’; калмыцкое *керэ*, дагурское *хэрэ* ‘ворона’; в тунгусо-маньчжурских языках: маньчжурское *keru* ‘ворон’; эвенкийское *кэре* ‘ворон зимующий’ (ЭСМЯ, 2016: 120).

Нарат – деревня и болото в Калтасинском районе. В «Словаре топонимов РБ» зафиксировано около десятка названий с топоосновой *нарат*. Р. З. Шакуров происхождение названий с основой *нарат* связывает с татарским *нарат* ‘сосна’ (Словарь, 2002: 156). На наш взгляд,

нарат – монгольское заимствование в тюркских языках, в древнетюркском в начале слов не было сонантов [м] и [н]. Действительно, монгольское *nara-sun*, халха *нарс(ан)*, бурятское *нараһан*, дагурское *нарсу* ‘сосна’ (ЭСМЯ, 2016: 189). Сравните: Бишнарар (Бишнарар) – деревня Дюртюлинском районе, образовано от башкирского биш – пять, монгольского нарат – сосна.

Ургалы – село на северо-востоке Башкортостана, в юго-восточной части Белокатайского района, центр Ургалинского сельсовета. В словаре топонимов Республики Башкортостан ойконим не зафиксирован. На наш взгляд, ойконим образован от *урга* и афф. наличия -лы. Происхождение ойконима можно объяснить от монгольского слова *урга* ‘стан’, ‘палатка, шатер’. Сравните: бурятское *ургөө(н)* ‘ставка’, монгольское *өргөө* ‘палатка’, протомонгольское *ergtge* ~ *orgiige* ‘ставка’, калмыцкое *orge* ‘дворец (князя)’, древнетюркское *orgen//orgiin* ‘дворец’, алтайское, койбальское, телеутское (<монгольское) *orgo* ‘дворец, ставка’ (Аникин, 2000: 587). *Урга* – старое название Улан-Батора.

Шыгай – деревня в Белокатайском районе, село в Белорецком районе, село Шыгайкулбаш в Буздякском районе. Происхождение данных ойконимов З. Г. Ураксин связывает с антропонимом Шыгай (Словарь, 2002: 225). На наш взгляд, происхождение топоосновы *шыгай* восходит к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, где монгольское *siyui*, халха *шугуй*, бурятское *шугы*, калмыцкое *шуһу* ‘роща, бор, чаща’ (чаще у берегов вод), эвенкийское *шиги* ‘чаща, густой лес’; маньчжурское *šiuwa* ‘кустарник, мелкий лес по северной стороне гор’ (ЭСМЯ, 2018: 111). Можно утверждать, что данные ойконимы образованы не от антропонима *Шыгай*, а от названия рек и местностей, где имеется роща, бор, чаща у берегов рек. Об этом свидетельствуют следующие названия рек: *Шыгай йылғаһы* – речка в Белорецком районе, речки в Мечетлинском районе; левый приток Идяша в Буздякском районе и название местности *Шыгайкулбаш* (*шыгай* ‘роща, бор, чаща у берегов рек’, *кул* ‘долина, баш ‘исток’). А антропоним *Шыгай*, наоборот, возник от ойконима – жителя деревни Шигаево могли нарекать *Шыгай*.

Башкирские этнонимы монгольского происхождения

Наличие названий монгольского происхождения в башкирской топонимии можно связать с экстралингвистическими факторами. Как известно из истории, в 1207 г. войска правого крыла Джучи завоевывают Башкирию, и в составе Великого Монгольского государства появляется племя бажигид, т. е. башкир. Как утверждает монгольский этнолог Т. А. Очир, «название бажигид представляет собой один из вариантов названия этноса башгид. В монгольском башгид и есть форма множественного числа от башгир (башкир)» (Очир, 2016: 21). Интересно отметить то, что «в настоящее время башгиды (башкиры) проживают в сомонах Баян-Уул, Тэс, Баянхайрхан Завханского аймака; сомонах Цагаан-Уул и Цэцэрлэг Хубсугульского аймака Монголии» (Очир, 2016: 21).

Время возникновения на территории Башкортостана монгольских топонимов можно отнести к эпохе Золотой Орды. По утверждению И. И. Дремова, «монгольский компонент мог присутствовать в среде местного населения и иметь самостоятельные поселения, что подтверждается наличием золотоордынских поселений и могильников в Башкирии и крупным городищем Абисово в 42 км от Уфы» (Дремов, 2017: 368).

Контакты башкирских и монгольских племен повлияли на этногенез башкир, о чем свидетельствует их родоплеменная номенклатура. В башкирской этнонимии присутствуют родоплеменные названия, имеющие монгольское происхождение. Так, например, *барын* в составе *барын-табын*, *найман*, *ногай* (*ногай-бурзян*, *ногай-юрматы*), *миркит*, *йылайыр* (джалайр – одно из древнемонгольских племен) и др.

Как видно из названий родовых подразделений, многие из них сложносоставные, что показывает смешение двух родовых групп. Так, например, название башкирского родового

подразделения *барын* в составе ‘барын-табын’ можно объяснить от названия монгольского племени *баарин*. Данное этническое название образовано от монгольского «нечистое, ненастоящее или нарочитое» (Очир, 2016: 20) или же от названия монгольского племени *баруун*, что означает «правый», а также «западный».

В башкирской топонимии имеются названия, объяснимые на материале монгольской этнонимии. Этноним *калмак* закрепился в названиях многих географических объектов – сел, деревень, рек и гор Башкортостана. Рассмотрим некоторые башкирские этнонимы монгольского происхождения.

Калмак – деревни в Ишимбайском, Абзелиловском районах. Ойконим образован от монгольского этнонима *калмак*. Например, *Кесе Калмак* – правый приток Зилаира в Зилаирском районе. Образовано от *кесе* «малая» и гидронима *Калмак* (этноним). *Калмак караулы* – гора в Зианчуринском районе. Ороним образован от этнонима *калмак* и *карауыл* «караульная». Сравните: *Калмак зыяраты* – урочище в Куюргазинском районе; *Калмак* – речка, правый приток Зилаира в районе; *Калмак* – озеро в Баймакском районе; *Калмак ояһы* – урочище в Учалинском районе; *Калмак тауы* – гора в Стерлибашевском районе; *Калмаклар* – деревня в Салаватском районе.

Ногай – реки в Зианчуринском районе, в районе Чертова городища Уфы, *Нугай* – село в Уфимском районе, *Нугай тауы* – гора в Зианчуринском районе, *Нугай юлы* – дорога в Мелеузовском и Бурзянском районах, *Нугай юлы* – старое название тракта Уфа – Оренбург. В основе этнонима *Нугай* лежит монгольское *Noqai* «собака» или же имя правнука хана Джучи Ногай. Возможно, собака была тотемом тюрко-монгольских племен. Некоторые тюркские этнонимы носят название тотемной собаки: *кряшен* – татарское *поуаи* ‘ногаец’, казахское *поуаи* ‘татарин, живущий на востоке России’. Сравните: бурятское *нохой* ‘собака, пес’ ~ монгольское *нохой*, прото-монгольское *нохай*, калмыцкое *нохӀ*. ‘собака, пес’ (Аникин, 2002: 411). Слово *нохой* в переносном значении означает ‘друг, послушный, верный друг’: «В родственниках с монгольским языком имеются некоторые сведения, проливающие свет на происхождение монгольских слов *нохой* ‘собака’ и *нөхөр* ‘приятель, друг’: на языке солонгутов *нухо* – приятель, друг; на маньчжурском языке *нэху* – подруга, пожилая женщина; на зурчитском *nieh-k’u-lu* – друг, приятель; на древнетюркском *пикор* – соратник, сподвижник, прислуга; на якутском *гоуор* – друг, соратник, друг» (ССТМЯ, 1975: 609). Лексема *нохой* ‘собака’ в монгольском гомогенно с лексемами тунгусо-маньчжурских языков *нухо*, *нэху*, *nieh-k’u-lu*, с монгольскими словами *нөхөр* (*друг*) и *нөх(өх)*, *пикор* – в древнетюркском языке, *нөгар* ‘батыр, стражник при хане’, ‘совокупность вооруженных сил, войско’ – в башкирском.

Йылайыр – реки, правый приток Сакмары в Баймакском, Зилаирском, Хайбуллинском районах. А. А. Камалов происхождение гидронима объясняет от йыла ‘приток, рукав реки’ и сравнивает с алтайским, казахским *сала* ‘приток, рукав реки’ и *айыр* ‘приток, рукав реки, река’ (Словарь, 2002: 90). Возможно, в основе гидронима лежит монгольский этноним *жалайр* ‘джалайр’ (одно из древнемонгольских племен) (БАМРС, 2001: 28). Название гидронима по этнониму часто встречающееся явление в тюркских языках.

Заключение

В башкирской топонимии находят отражение тюрко-монгольские этнокультурные и языковые связи. Результаты данного исследования показывают, что многие не объяснимые на материале современного башкирского языка топонимы образованы от географических терминов монгольских языков, характеризующих природный ландшафт, и они распространены по всей территории современного Башкортостана и сопредельных территорий.

Монгольский пласт в башкирской топонимии, а также в топонимии тюркоязычного ареала может служить подтверждающим фактом, во-первых, родства алтайских языков, так

как некоторые корни могут возводиться к праалтайской форме, т. е. к языку-основе для тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков; во-вторых, общий слой в топонимии может быть результатом взаимовлияния тюркоязычных и монголоязычных племен и смешения их языков на протяжении многих веков, со времени распада алтайской языковой общности, с того времени как эти группы языков уже развивались самостоятельно. Смежность территорий или завоевание территории могли обусловить смешение и взаимовлияние тюркских и монгольских языков и культур, и этот факт может и не иметь отношения к алтайской гипотезе. Следует добавить, что данные топонимики не являются решающим фактором в определении родства языковых групп.

В топонимии РБ находят отражение такие башкирские этнонимы монгольского происхождения, как *Йылайыр*, *Калмак*, *Кирэй*, *Ногай*. Башкирские этнонимы монгольского происхождения могут свидетельствовать не только о контактах монгольских племен с местным населением, но и о смешении башкирских и монгольских племен в результате монгольского завоевания.

В башкирской топонимии фиксируются не только языковые, но и этнокультурные явления, связанные с общими верованиями и мифологией монгольских и тюркских народов. Об этом свидетельствуют широко распространенные в разных районах РБ топонимы с основой *уба*. Многие башкирские топонимы монгольского происхождения восходят к названиям животных и птиц (в том числе тотемных): Гөлөк – от монгольского гөлөг ‘щенок’; халха – калмыцкое ‘волчонок’, Кандағай – от монгольского хандгай ‘лось’, ‘сохатый’, Колғана – от монгольского хулгана ‘мышь’, Кирэй – от монгольского *keriye* ‘ворона’.

Результаты нашего исследования можно использовать в составлении топонимических словарей и в вузовской практике преподавания курсов «Современный башкирский язык», «Лексикология», «Лингвокраеведение», «Этимология», «Ономастическое пространство Республики Башкортостан».

Литература:

- Аникин А. Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.: Наука, 2000. 768 с.
- Башкорт теленең диалекттары һүзлеге** (Рәсәй Фәндәр академияһы. Өфө фәнни үзәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты). Өфө: 'Китап', 2002. 432 бит.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4 т. Т. 1: А–Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4 т. Т. 2: Д–О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 507 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4 т. Т. 3: Ө–Ф / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 438 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4 т. Т. 4: Х–Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2002. 506 с.
- Бурыкин А. А.** Тофаларская лексика на общеалтайском фоне. Проблемы этимологических исследований лексики одного тюркского языка на фоне генетических и ареальных связей алтайских языков // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований. Международная научная конференция. Элиста, 2009.
- Бурыкин А. А.** Об объеме и характере тюрко-монгольских и тюрко-тунгусо-маньчжурских лексических связей в новой перспективе: роль теории родства алтайских языков для выявления древних языковых контактов // Oriental Studies. 2017. № 5. С. 190–198.
- Бухарова Г. Х.** Мифопоэтическая картина мира в башкирской топонимии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2003. 156 с.
- Бухарова Г. Х.** Башкирская топонимия: этнолингвистический аспект исследования. Уфа: Изд-во БГПУ им. М. Акмуллы, 2017. 294 с.
- Валеев Г. К.** Тюркские термины в гидронимах Челябинской области и сопредельных территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). Филологические науки. Вып. 113. С. 17–27.

- Василевич Г. М.** Оми // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 254.
- Дремов И. И.** Происхождение и распространение топонимов и этнонимов 'Калмак' на Южном Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 362–372.
- Иллич-Свитыч В. М.** Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): введение. Сравнительный словарь (b–K) / под ред. и с вступ. ст. В. А. Дыбо; изд. 2-е, испр. Едиториал УРСС, 2003. 408 с.
- Кагаров Е. Г.** Монгольские 'обо' и их этнографические параллели // Сборники музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 6. С. 115–127.
- Камалов А. А.** Башкирские географические термины и топонимия. Уфа: Китап, 1997. 385 с.
- Киекбаев Дж. Г.** Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, Башк. кн. изд-во, 1972. 152 с.
- Киекбаев Дж. Г.** Лексика и фразеология современного башкирского языка: учебное пособие на башк. яз. Уфа, Башк. кн. изд-во, 1966 (Переиздано: Башкирский государственный университет. Уфа, 2002. 275 с.).
- Киекбаев Дж. Г.** Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа: Китап, 1996. 368 с.
- Мельхеев М. Н.** Топонимика Бурятии: история, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969. 185 с.
- Молчанова О. Т.** Топонимический словарь Горного Алтая / под ред. к. ф. н. А. Т. Тыбыковой. Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. 400 с.
- Мурзаев Э. М.** Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Очир Т. А.** Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Поспелов Е. М.** Географические названия мира: топонимический словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 2002. 512 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. Т. I. 224 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. Т. II. 232 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. Т. III. 240 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. Т. I. А–Е. 2015. 224 с.
- Сем Т. Ю.** Семантика образов первоисточника жизни у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока к XIX – нач. XX в. и их средневековые параллели // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991.
- Словарь топонимов Республики Башкортостан.** Уфа: Китап, 2002. 256 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков** (Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages) // Материалы к этимологическому словарю: в 2 т. Л.: Наука, 1975.
- Тадинова Р. А., Эмба З. Н.** Тюркские общие духовные понятия и ритуалы // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / [отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо]. М.: Наука, 2006. С. 562–627.
- Туймебаев Ж. К.** Халха-монгольские лексические заимствования (в баян-ульгейском говоре казахского языка) // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. 2009. № 2. С. 10–14.
- Усманова М. Г.** Имя отчей земли: историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа: Китап, 1994. 272 с.
- Хисамитдинова Ф. Г., Сиразетдинов З. А.** Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2001. 320 с.
- Шакуров Р. З.** По следам географических названий: топонимия бассейна реки Демы. Уфа: Башкиргоиздат, 1986. 184 с.
- Щербак А. М.** Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 192 с.
- Этимологический словарь тюркских языков** (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Этимологический словарь тюркских языков** (Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ»). М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2016.

Бухарова Гульнур Харуновна.

Доктор филологических наук, профессор.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской Революции, 3а, Уфа, 450000.

E-mail: buharova_g@mail.ru

Материал поступил в редакцию 13 апреля 2023 г.

G. K. Bukharova

GEOGRAPHICAL NAMES OF MONGOLIAN ORIGIN IN BASHKIR TOPONYMY

The work is devoted to the study of Mongolian place names in the toponymic system of one of the regions of the Russian Federation – the Republic of Bashkortostan. The study aims to discover in the Bashkir toponymy the geographical names of Mongolian origin to analyze their word formation structure, semantics, origin, and spatial distribution in the districts of the republic. The study is significant for the interpretation of foreign toponyms as it reveals the features of their functioning in the toponymic system of the Southern Urals. The scientific novelty of the study consists in the fact that it makes a short excursion into the study of the Mongolian layer in Bashkir toponymy and, for the first time, presents the etymology of many geographical names formed from oikonymic, oronymic, hydrographic terms, drimonims and ethnonyms of Mongolian origin and tries to systematize them. The study was conducted using descriptive, structural, and comparative-historical methods of toponym analysis, as well as ethnolinguistic reconstruction and lingua-cultural interpretation methods. The analyzed material shows that toponyms of Mongolian origin represent a small layer in Bashkir toponymy. Ethnotoponyms of Mongolian origin in Bashkir toponymy result from the intermingling of Mongolian and Bashkir tribes and clans due to the Mongol conquest. Toponyms of Mongolian origin, formed from geographical terms, characterize Bashkortostan's natural and anthropogenic landscape. Mongolian geographical names are also associated with the common beliefs of Mongolian and Turkic tribes.

Keywords: *onomastics, toponymy, Bashkir toponymy, ethnotoponymy, Mongolian toponyms, etymology*

References:

- Anikin A. E.** Etimologicheskij slovar' russkih dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skih, altajskih i paleoaziatskih yazykov [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altai and Paleo-Asian languages]. M.: Nauka, 2000. 768 p. (in Russian).
- Bashkort telenen dialektary hyzlege** (Rəsəj Fəndər akademiya. Əfə fənni üzəgeneñ Tarih, tel həm əzəbiət instituty) [Dialectological dictionary of the Bashkir language (Russian Academy of Sciences. Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center)]. Əfə: 'Kitap', 2002. 432 bit. (In Bashkir).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [The big academic Mongolian-Russian dictionary]: v 4 t. Vol 1. M.: Academia, 2001. (in Russian).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [The big academic Mongolian-Russian dictionary]: v 4 t. Vol 2. M.: Academia, 2001. 507 p. (in Russian).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [The big academic Mongolian-Russian dictionary]: v 4 t. Vol 3. M.: Academia. 438 p. (in Russian).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [The big academic Mongolian-Russian dictionary]: v 4 t. Vol. 4. M.: Academia, 2002. 506 p. (in Russian).
- Burykin A. A.** Tofalarskaya leksika na obshchealtajskom fone. Problemy etimologicheskikh issledovanij leksiki odnogo tyurkskogo yazyka na fone geneticheskikh i areal'nyh svyazej altajskih yazykov [Tofalar vocabulary against the general Altai background. Problems of etymological studies of the vocabulary of one Turkic language against the background of genetic and areal connections of the Altai languages] // Problemy mongolovednyh i altaisticheskikh issledovanij. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Elista, 2009. P. 42–47. (in Russian).
- Burykin A. A.** Ob ob"eme i haraktere tyurko-mongol'skih i tyurko-tunguso-man'chzhurskikh leksicheskikh svyazej v novoj perspektive: rol' teorii rodstva altajskih yazbraykov dlya vyavleniya drevnih yazykovyh kontaktov [On the volume and nature of Turkic-Mongolian and Turkic-Manchu-Tungus lexical relations in a new perspective: the role of the theory of kinship of Altai languages to identify ancient language contacts] // Oriental Studies. 2017. No 5. P. 190–198. (in Russian).

- Buharova G. H.** Mifopoeticheskaya kartina mira v bashkirskoj toponimii [Mythopoeitic picture of the world in Bashkir toponymy]. Ufa: Izdatel'stvo BGPU, 2003. 156 p. (in Russian).
- Buharova G. H.** Bashkirskaya toponimiya: etnolingvisticheskiy aspekt issledovaniya. Monografiya [Bashkir toponymy: ethnolinguistic aspect of research]. Ufa: Izdatel'stvo BGPU im. M. Akmully, 2017. 294 p. (in Russian).
- Valeev G. K.** Tyurkskie terminy v gidronimah Chelyabinskoy oblasti i sopredel'nyh territorij [Turkic terms in the hydronyms of the Chelyabinsk region and adjacent territories] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No 6 (416). Filologicheskie nauki. Vyp. 113. P. 17–27. (in Russian).
- Vasilevich G. M.** Omi [Omi] // Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Vol. 2. M.: Sovetskaya Enciklopediya, 1992. P. 254. (in Russian).
- Dremov I. I.** Proiskhozhdenie i rasprostraneniye toponimov i etnonimov 'Kalmak' na Yuzhnom Urale [The origin and distribution of toponyms and ethnonyms 'Kalmak' in the Southern Urals] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2017. No 4. P. 362–372. (in Russian).
- Illich-Svitych V. M.** Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitohamitskiy, kartvel'skiy, indoevropskiy, ural'skiy, dravidiyskiy, altajskiy): Vvedenie. Sravnitel'nyy slovar' [Experience in comparing Nostratic languages (Semitohamitic, Kartvelian, Indo-European, Uralic, Dravidian, Altai): Introduction. Comparative Dictionary]. Izd. 2-e, ispr. Editorial URSS, 2003. 408 p. (in Russian).
- Kagarov E. G.** Mongol'skoe 'obo' i ih etnograficheskie paralleli [Mongolian 'obo' and their ethnographic parallels] // Sborniki muzeya antropologii i etnografii. L.: Izd-vo AN SSSR. 1927. Vol. 6. P. 115–127. P. 115–127. (in Russian).
- Kamalov A. A.** Bashkirskie geograficheskie terminy i toponimiya [Bashkir geographical terms and place names]. Ufa: Kitap, 1997. 385 p.
- Kiebaev Dzh. G.** Vvedenie v uralo-altajskoe yazykoznanie [Introduction to the Ural-Altai linguistics]. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1972. 152 p. (in Russian).
- Kiebaev Dzh. G.** Leksika i frazeologiya sovremennogo bashkirskogo yazyka (Uchebnoe posobie na bashk. yaz.) [Vocabulary and phraseology of the modern Bashkir language (Textbook in the Bashkir language)]. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1966 (Pereizdano: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. Ufa, 2002. 275 p.). (in Russian).
- Kiebaev Dzh. G.** Osnovy istoricheskoy grammatiki uralo-altajskiykh yazykov [Fundamentals of the historical grammar of the Ural-Altai languages]. Ufa: Kitap, 1996. 368 p. (in Russian).
- Mel'hev M. N.** Toponimika Buryatii: Istoriya, sistema i proiskhozhdenie geograficheskikh nazvaniy [Toponymy of Buryatia: History, system and origin of geographic names]. Ulan-Ude, 1969. 185 p. (in Russian).
- Molchanova O. T.** Toponimicheskij slovar' Gornogo Altaya [Toponymic dictionary' The Altai Mountains]. Gorno-altajskoe otdelenie Altajskogo knizhnogo izdatel'stva, 1979. 400 p. (in Russian).
- Murzaev E. M.** Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of popular geographic terms]. M.: Mysl', 1984. 653 p.
- Ochir T. A.** Mongol'skie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongol'skikh narodov [Mongolian ethnonyms: issues of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples]. Elista: KIGI RAN, 2016. 286 p. (in Russian).
- Pospelov E. M.** Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskij slovar' [World Geographical Names: Toponymic Dictionary]. 2-e izd., stereotip. M.: Russkie slovari, 2002. 512 p. (in Russian).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological Dictionary of Mongolian Languages]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2015. Vol. 1. 224 p. (in Russian).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2016. Vol. 2. 232 p. (in Russian).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2018. Vol. 3. 240 p. (in Russian).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2015. Vol. 1. 224 p. (in Russian).
- Sem T. Yu.** Semantika obrazov pervoistochnika zhizni u tungusoyazychnykh narodov yuga Dal'nego Vostoka k XIX–nach. XX v. i ih srednevekovye paralleli [The semantics of the images of the primary source of life among the Tungus-speaking peoples of the south of the Far East to the XIX – early XX century and their medieval parallels] // Rekonstrukciya drevnykh verovanij: Istochniki, metod, cel'. SPb, 1991. (in Russian).
- Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan** [Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap, 2002. 256 p. (in Russian).
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov** (Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages) [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages] Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages // Materialy k etimologicheskomu slovarju. Leningrad: Nauka, 1975. Vol.1. 672 p.; Vol. 2. 471 p. (in Russian).
- Tadinova R. A., Ekba Z. N.** Tyurkskie obshchie duhovnye ponyatiya i ritualy [Turkic general spiritual concepts and rituals] // Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira

pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Praturk language is the basis. The picture of the world of the Praturk ethnic group according to the language]. M.: Nauka, 2006. P. 562–627. (in Russian).

Tujmebaev Zh. K. Halha-mongol'skie leksicheskie zaimstvovaniya (v bayan-ul'gejskom govore kazahskogo yazyka) [Khalkha-Mongolian lexical borrowings (in the Bayan-Ulge dialect of the Kazakh language)] // Vestnik Kazahstansko-Amerikanskogo svobodnogo universiteta. 2009. No 2. P. 10–14 (in Russian).

Usmanova M. G. Imya otchej zemli: Istoriko-lingvisticheskoe 143 issledovanie toponimii bassejna reki Sakmar [Name of the fatherland: a historical and linguistic study of the Sakmar river basin toponymy]. Ufa: Kitap, 1994. 272 p. (in Russian).

Hisamitdinova F. G., Sirazetdinov Z. A. Russko-bashkirskij slovar'-spravochnik nazvanij naselennyh punktov Respubliki Bashkortostan [Russian-Bashkir dictionary-reference book of names of settlements of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap, 2001. 320 p. (in Russian).

Shakurov R. Z. Po sledam geograficheskikh nazvanij: Toponimiya bassejna reki Demy [Following the trail of geographical names: Toponymy of the Dema River Basin]. Ufa: Bashknigoizdat, 1986. 184 p. (in Russian).

Shcherbak A. M. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov [Introduction to the comparative study of Turkic languages]. SPb: Nauka, 1994. 192 p. (in Russian).

Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) [Etymological Dictionary of Turkic Languages. (General Turkic and Inter-Turkic vowel bases)]. M.: Nauka, 1974. 767 p. (in Russian).

Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy "K", "K̡") [Etymological Dictionary of Turkic Languages. (General Turkic and Inter-Turkic basics on letters "K", "K̡")]. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 368 p. (in Russian).

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological Dictionary of Mongolian Languages in 3 volumes]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2016. (in Russian).

Bukharova Gulnur Kharunovna.

Doctor of Philology, Professor of the Bashkir Language and Literature Department.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

Oktyabr'skoy Revolyutsii av., 3a, Ufa, Russia, 450000.

E-mail: buharova_g@mail.ru

А. Н. Варламов

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС ОХОТНИЧЬЕЙ ЛЕКСИКИ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ НАРОДОВ

Рассматривается архаический языковой пласт тунгусо-маньчжурских народов, связанный с охотой. Выявляется лексика языка древней тунгусской общности, возникшая в эпоху становления культуры пеших охотников-прототунгусов эпохи неолита. Теоретической основой исследования послужили труды специалистов тунгусоведения, посвященные языку тунгусо-маньчжурских народов. Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, в рамках которого для решения лингвистической проблемы привлекаются результаты исследований смежных научных дисциплин, в числе которых работы, посвященные фольклору, этнографии, истории и археологии. Соответственно избранной методике исследуемый лексический пласт рассматривается через призму традиций этнического мировоззрения и устного народного творчества. Материалом исследования являются изданные словари, сборники устного народного творчества тунгусо-маньчжурских народов и полевые материалы автора. Результаты анализа архаического языкового пласта, связанного с охотой, сюжеты и мотивы фольклора, базовые мировоззренческие образы и социальные традиции тунгусо-маньчжурских народов свидетельствуют о его формировании в ландшафте горной тайги с наступлением голоцена в процессе развития кочевой культуры пеших охотников. В результате исследования автор приходит к выводу об архаичности традиций охоты, формировавшихся в эпоху древней тунгусской общности. Важнейшие архаические культурные традиции тунгусо-маньчжурских народов находят отражение в названиях орудий труда, важнейших объектов охотничьего промысла и базовых концептах, связанных с охотой. К древнетунгусскому лексическому пласту относятся слова: *hurka* – «петля, силок», *bər* – «лук [простого типа]», *n'ur* – «стрела», *kiŋnə* – «лыжи-голицы», *huksi* – «лыжи, подбитые камусом», *omor* – «лодка-берестянка», *niki* – «утка», *toki* – «лось», *uža* – «след», *bu(l)ta*, *bota* – «охота», *bujun* – «копытный зверь». В мировоззренческих традициях тунгусов «охота» как концепт исторически визуализируется в значениях «добыча», «дар», «дарение».

Ключевые слова: эвенкийский язык, охотничья лексика, фольклор эвенков, охота, этногенез тунгусо-маньчжурских народов, неолит Прибайкалья

Введение

Настоящая публикация посвящена анализу лексики тунгусо-маньчжурских языков, связанной с охотой – основополагающим элементом материальной и духовной культуры народов рассматриваемой языковой группы. Актуальность публикации обусловлена необходимостью внимания к дискуссионной проблеме истории тунгусо-маньчжурских народов и необходимостью уточнения ряда научных сведений по языку тунгусо-маньчжурских народов, опубликованных в популярных изданиях словарей. Целью исследования является определение лексического пласта, связанного с охотой, возникшего в эпоху древней тунгусской общности.

Теоретическая значимость работы связана с получением результатов лингвистического анализа, представляющего собой демонстрацию исторического процесса этногенеза тунгусо-маньчжурских народов на материале языка, фольклора и мировоззренческих традиций. Практическая значимость работы заключается прежде всего в возможности использования ее результатов в подготовке новых изданий словарей тунгусо-маньчжурских языков и в привлечении внимания специалистов лингвистики и смежных дисциплин к актуальной научной проблеме ранней истории тунгусов. Теоретической базой исследования послужили труды по лингвистике, в числе которых наиболее авторитетными являются публикации В. И. Цинциус (1947, 1982), Г. М. Василевич (1958), А. М. Певнова (2008), В. А. Аврорина, Е. П. Лебедевой (1978) и др.

Материал и методы

Основными материалами исследования послужили изданные словари и сборники по устному народному творчеству тунгусо-маньчжурских народов: «Сравнительный словарь

тунгусо-маньчжурских языков» (ССТМЯ, 1975, 1977); «Эвенкийско-русский словарь» (ЭРС, 2004); «Эвенско-русский словарь» (ЭРС, 2005); «Русско-эвенский словарь» (РЭС, 1952); «Нанайско-русский словарь» (НРС, 1980); «Полный маньчжурско-русский словарь» (ПМРС, 1875); «Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» (СМЭТФ, 1936); «Исторический фольклор эвенков» (ИФЭ, 1966); «Нанайский фольклор: Нингман, сиохор, тэлунгу» (НФНСТ, 1996); «Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ» (ФУНТЕ, 1998) и др.

Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе к решению актуальных вопросов тунгусоведения, для чего привлекаются результаты исследований различных научных дисциплин, в числе которых работы Г. М. Василевич (1968, 1969), А. П. Окладникова (1955), А. И. Мазина (1984), Г. И. Варламовой (2002, 2004), С. В. Березницкого (1999), А. Ф. Анисимова (1958) и др.

Охотничья лексика тунгусо-маньчжурских (т-м) языков, вне сомнений, представляет собой древний языковой пласт, возникший в эпоху ранней тунгусской общности. На это указывает общность корневых основ, образующих группу слов, связанную с охотничьим промыслом во всех языках т-м языковой семьи. Рассмотрим тезис на материале языка, фольклора и истории т-м народов. Для обозначения языков т-м группы в публикации использованы следующие сокращения: эвнк – эвенкийский, эвн – эвенский, нгд – негидальский, нн – нанайский, орк – орокский, орч – ороцкий, слн – солонский, удг – удэгейский, улч – ульчский, мнч – маньчжурский, чжр – чжурчжэньский. Другие сокращения: нвх – нивхский, якт – якутский.

Исторический генезис охотничьей лексики через призму традиций мировоззрения и устного народного творчества

Нет сомнений, что слова, связанные с охотой, образованы в протоязыке тунгусов задолго до их разделения на северную и южную группы. В соответствии с результатами междисциплинарных исследований базовый этнографический комплекс древних тунгусов формировался в ландшафте горной тайги с наступлением голоцена в процессе развития кочевой культуры пеших охотников эпохи неолита (Окладников, 1955: 9; Василевич, 1968: 21–27; Варламов, 2022: 94–106). Эволюция кочевой охотничьей культуры древних тунгусов представляла собой длительный исторический процесс постепенного перехода от оседлого образа жизни к кочевому.

В фольклорных традициях эвенков этот процесс описан в виде последовательного приобретения навыков охоты и изобретения орудий труда соответственно распространению видового разнообразия сибирской фауны. Типологический мотив, составляющий структурную часть зачина эвенкийских сказаний об одиноком герое-первопредке, представляет собой краткое либо подробное художественное описание изобретения необходимых орудий труда с целью добычи тех или иных биологических видов. Далекий предок тунгусов в самом начале повествования предстает оседлым жителем, рыболовом, собирателем, который в первую очередь изобретает петли для охоты на водоплавающую дичь: «Когда он жил (здесь), деревья стали подрастать. Над парнем стало много птиц летать. Захотелось этому парню убить зверя для еды. И подумал он однажды: „Разве у меня нет сметки, чтобы я не мог (их) убить?“ Вот взял он древесное лыко. Взяв, разодрал на волокна. Разодрав, сделал петли... Вот и начал он питаться птицей» (ИФЭ, 1966: 58, 213–214).

О значительной роли водоплавающей птицы (утиных) в охотничьем хозяйстве древних тунгусов свидетельствует большая доля костных останков в захоронениях неолитического населения и увеличившаяся роль образа птицы вообще и водоплавающей в частности в наскальной живописи в Забайкалье и Прибайкалье в неолите (Герасимов, Черных, 1975: 44; Ивашина, 2005: 9; Чигаева, 2007: 93). На возникновение традиций охоты на водоплавающую дичь в эпоху древней тунгусской общности указывают результаты анализа лексики тунгусо-маньчжурских языков – слова «петля», «силок» во всех тунгусо-маньчжурских языках проис-

ходят от общего корня: *хур-ка*, *ур-ка*, *ор-ка* (эвнк), *хур-ка*, *ор-ка*, *хор-ка* (эвн); *хот-ка*, *пур-ка*, *пој-ка* (нн); *пур-ка*, *пу-ча* (орк); *хуј-ка*, *хук-ка*, *хук-кэ* (орч); *ху-ка*, *хук-ка* (удг); *хур-ка*, *хој-ка*, *хос-ка* (нгд); *хук-ки* (слн) (ССТМЯ, 1977: 352–353; ЭРС, 2004: 521, 569; ЭРС, 2005: 313; РЭС, 1952: 398; НРС, 1980: 332; Аврорин, Лебедева, 1978: 249; Цинциус, 1982: 289, 291; Поппе, 1931: 81). На то, что петли использовались в охоте на водоплавающих, указывает назначение орудия охоты в языке северных тунгусов, а также единая корневая основа в словах, обозначающих водоплавающую дичь, уток: *ники* (эвнк); *ники*, *н`эки*, *ниеки*, *никичен* (эвн); *ниһэ*, *јуһэ* (нн); *нэчигэ*, *н`эчи*, *н`эчэ* (орк); *н`узэжигэ* (удг); *ниһи* (слн); *н`эхэ* (мнч); *mieh-hei* (чжр) (ССТМЯ, 1975: 590–591; РЭС, 1952: 655).

С наступлением голоценовой эры (10–12 тыс. л. н.) облик многих областей земли подвергся значительным изменениям. Отступление ледников и последовавшие глобальные природно-климатические процессы дали начало интенсивному изменению ландшафтов. В Сибири значительно сократилась зона гористой тундры, уступавшей место горной тайге, степи и лесостепи. Эта масштабная трансформация ландшафтов повлекла кардинальные изменения в составе флоры и фауны. Древнему населению Сибири пришлось перестраивать свой хозяйственный уклад в попытке адаптации в совершенно новых условиях. Этнографический комплекс прототунгусов формировался в ландшафте горной тайги. Кочевой образ жизни далеких предков современных эвенков, эвенов и родственных этносов формировался на основе традиций охоты на лося, успешно адаптировавшегося к условиям таежной зоны. Древние охотники-прототунгусы широко расселились по сибирским просторам соответственно ареалам распространения этого крупного животного. Кочевая модель охоты на таежного исполина-лося стала базисом для дальнейшего развития культурного комплекса предков современных эвенков и других родственных этносов (Варламов, 2022: 85–94).

Образ лося в мировоззрении тунгусов тесно переплетен с важнейшими символами языческой религии, зародившейся в каменном веке, черты которой мы можем наблюдать вплоть до наших дней. В мировоззрении эвенков, эвенов, нанайцев, удэгейцев, негидальцев образ лося имеет сакральную сущность, связанную с духовным миром, что отражено в традициях шаманизма и мифологии. Общетунгусский древний пласт охотничьей кочевой культуры отчетливо просматривается в популярном образе лося в различных жанрах фольклора тунгусо-маньчжурских народов (Варламов, 2020). В мифологии тунгусо-маньчжурских народов распространен образ лосихи-прародительницы. В нанайской и удэгейской мифологии мать-лосиха является покровительницей обитателей земли, символом плодородия, воспитательницей братьев-первопредков (ФУНТЕ, 1998: 78–79; НФНСТ, 1996: 240). У эвенков существует мифологический и шаманский образ *Дуннур Эни* – *Хозяйки земли*, способной представлять перед людьми в различных образах, наиболее распространенным из которых является зооантропоморфная старушка с большими лосиными ушами (Анисимов, 1958: 28; Варламова, 2004: 85). С образом лосихи-покровительницы связан эвенкийский культ хозяйки родовых угодий *Бугады* (Анисимов, 1950: 41). У орочей центральным образом культа Буа является гигантская лосиха, на спине которой располагается горно-таежный ландшафт (Аврорин, Лебедева, 1978: 27–31; Березницкий, 1999: 41).

Анализ лексики тунгусо-маньчжурских языков свидетельствует о том, что наиболее архаичным тунгусским названием лося является *то*, *токи* (эвнк, эвн, нн, орк, орч, улч) > *тоһи*, *тоһо* (нгд, слн, мнч) > *тоһ* (нвх – заимств. из т-м) (ССТМЯ, 1977: 191–192; ЭРС, 2004: 608, 609; ЭРС, 2005: 251; РЭС, 1952: 255; ПМРС, 1875: 738; НРС, 1980: 398; Аврорин, Лебедева, 1978: 232; Цинциус, 1982: 276; Поппе, 1931: 73). Исходя из результатов лексического анализа, в эпоху древней тунгусской общности возникли слова *у́а* – ‘след’ и *у́а-* – ‘выслеживать’: *удя*, *удя-*, *у́а-* (эвнк, орч, удг); *удь*, *удя*, *удь-*, *у́о-*, *у́и-* (эвн, слн); *хо́зя-*, *о́зя-* (нгд, нн, улч) (ССТМЯ, 1977: 249; ЭРС, 2004: 663; ЭРС, 2005: 264, 265; РЭС, 1952: 567; НРС, 1980: 463; Аврорин, Лебедева, 1978: 238; Цинциус, 1982: 255; Поппе, 1931: 75).

По обоснованному мнению специалистов по исторической лингвистике, протоязык тунгусов тесно связан с ландшафтом горной тайги (Певнов, 2008: 70–71). Вместе с названиями сибирских рек и горных систем в языке древних тунгусов появились названия важнейших орудий труда, позволявших им выживать и развиваться в суровых условиях кочевого образа жизни. К их числу в первую очередь следует отнести лук, стрелы, лыжи, лодку, названия которых стабильно сохраняются в языках современных тунгусо-маньчжурских народов.

Изобретение лука является распространенным мотивом мифа и зачина эвенкийских сказаний об одиноком герое-первопредке. По нашему мнению, мотив является отражением революционного изобретения человека каменного века и исторического процесса формирования охотничьей культуры на лося в эпоху прототунгусской общности в неолите (Варламов, 2010; Варламов, 2022: 72–76).

Наиболее архаичным названием лука в т-м языках является слово *бэр*: *бэр* (эвнк, эвн), *бэри*, *бури*, *бэј*, *бэји* (мнч, нн, орк, орч, удг, улч, нгд, слн), *poh-li* (чжр) (ССТМЯ, 1977: 126; ЭРС, 2004: 121; ЭРС, 2005: 251; РЭС, 1952: 255; ПМРС, 1875: 493; НРС, 1980: 82; Аврорин, Лебедева, 1978: 170; Schmidt, 1923: 242; Цинциус, 1982: 200; Поппе, 1931: 43). К древнему общетунгусскому языковому пласту относится название стрелы: *нюр*, *н'ур*, *нур* (эвнк, эвн, слн), *н'ой* (нгд), *ниру* (мнч), *ni-lu* (чжр) (ССТМЯ, 1977: 648; ЭРС, 2004: 434, 435).

Важнейшими изобретениями, первыми средствами передвижения древних охотников-тунгусов являются лыжи и берестяная лодка-оморочка, названия которых, вне сомнений, возникли в эпоху неолита, сохранившись в языках современных тунгусо-маньчжурских народов. По обоснованному мнению Г. М. Василевич, возникновение широких лыж как одного из важнейших элементов этнографического комплекса прототунгусов происходило в неолите, в процессе формирования кочевой культуры пеших охотников. Появление лыж и тунгусской колыбели связывается с освоением навыков работы с теслом – возможностью изготовления тонких досок и умения их гнуть (Василевич, 1960: 27; Василевич, 1968: 26–27; Василевич, 1969: 40). Символика лыж как важнейшего элемента охотничьей культуры той давней эпохи находит отражение в фольклорных традициях эвенков. В мифологии эвенков символ лыж тесно связан с образом лося, а также этиологическими сюжетами о смене дня и ночи, о появлении Млечного Пути и созвездия Большой Медведицы. Чаще эти сюжеты повествуют о подвигах охотника Манги: «Он мчится на своих лыжах по небу, найдя звезду сангар, которая является входом на небо. В пути встречает двух охотников, обгоняет их и начинает настигать лосиху с лосенком. Целится в лосенка, тот, шарахнувшись, падает в отверстие-звезду сангар на землю, и от него пойдут на земле лоси. Современные люди каждую ясную ночь могут видеть на небе охотничьи подвиги Манги-Дёромго: след от его лыж тянется по небу – Млечный Путь (Манги кинглэн – “Лыжня Манги”). Там же есть лосенок, лось, два охотника, сам Манги и его стрела» (СМЭТФ, 1936: 274). В текстах мифа и эпоса эвенков символ лыж тесно взаимосвязан с историческим процессом развития охотничьей культуры и, насколько мы можем судить, изобретение лыж предками тунгусов действительно произошло во взаимосвязи с развитием традиций пешей охоты в неолите.

Названия типов лыж в языках т-м народов происходят от единых корневых основ: ‘лыжи-голицы’ – *киунэ* (эвнк, нн), *киуна* (эвн, нгд), *куугилтэ* (орк, улч), *киулэ* (орч, удг); ‘лыжи, подбитые камусом’ – *суксилла/хуксилла*, *суксилда*, *соксилла* (эвнк, нгд), *хулда*, *султа* (эвн, улч), *сокта*, *соксилта* (нн), *сулгилта*, *сууулта* (орк), *суикта* (орч), *сугала* (удг) (ССТМЯ, 1977: 122, 396; ЭРС, 2004: 289, 521, 569; ЭРС, 2005: 308; НРС, 1980: 82, 372; Аврорин, Лебедева, 1978: 196, 225; Цинциус, 1982: 231, 268).

В фольклоре тунгусо-маньчжурских народов символично отражен исторический процесс изобретения берестяной лодки. В мифе нанайцев культурный герой в образе собаки изобретает лодку-берестянку и наполняет ее рыбой, превращаясь затем в человека (НФНСТ, 1996: 175–183). В эпосе эвенков появление берестяной лодки также связано с деяниями демиурга-первопредка:

«Dulin buga dulkakindun,
Umun jənə burkachandun
Dulin buga Umusnind'an birə...

Umun utuk utakachi d'apkun mo kaltakadin owcha taduk ekuŋin-da achin, ələ anŋida ŋaladun bihin hularin məŋun un`akaptun. Tətin upkachin kumaksa...

Tuliski jukanan, hularin məŋun un`akaptunmə ŋaladukwi chuptuliksa, ugiski garadaran, tikan gunna turatcharan:

– *Niki, ŋikimə!* Hularin məŋuməchamə un`akaptunmi, bi turanmi musilkan ədu od`akin, hularin məŋun *umurəchun* od`aksa, tikkəl!

– На средней земле, на самой середине,
На островке большой [главной] реки,
Среднего мира Умуслинде жил...

Один старый утэн из восьми расколотых плах сделанный [имел], да [лишь] кольцо из красного серебра (меди) на правой руке было. Одежда вся из нерпичей шкуры... Выйдя на улицу, медное кольцо с руки сдернув, вверх подбросив, так произнес:

Ники, никимо! Мое медное кольцо, мои слова душу-мусун имеющие, здесь, ставши медной *оморочкой*, упади» (СМЭТФ, 1936: 115–116).

Типологические символы в нимнгакане эвенков: «середина средней земли», «главная река», «остров в море или на главной реке», «[стационарное] жилище утэн», «нерпа» и другие характеризуют древнюю эпоху байкальского неолита, откуда берет начало исторический путь предков тунгусо-маньчжурских народов (Варламов, 2019). В то давнее историческое время эпический первопредок живет охотой на водоплавающую дичь – запев героя *Niki-nikimə* образован от *ники* – утка, водоплавающая дичь во всех т-м языках. Имя эпического типологического героя-демиурга эвенков *Умусни/Умусли* – досл. первопредок, от *умун* – «один» (ЭРС, 2004: 682) + *-с* (сокращенный вариант суфф. *-син*, указывающего на начало процесса, действие в начале движения) (Василевич, 1958: 788, 789) + *-ни/-ли/-ликэн/-никэн* (суфф. имени собств.) (там же: 782). Лодка первопредка, появляющаяся магическим образом после ритуала с медным кольцом, является отражением исторического процесса – формирования этнографического комплекса древних тунгусов, в котором берестяная лодка являлась одним из основополагающих культурных элементов. По мнению исследователей, вхождение легкой берестяной оморочки в этнографический комплекс тунгусов-глазковцев произошло именно в бронзовом веке (Окладников, 1955: 109–110; Таксами, 1976: 134–135).

Названия берестяной лодки в т-м языках происходят от значений 'ходкий', 'легкий'. К древнетунгусскому пласту следует отнести наиболее распространенное название лодки *жав/жави*, встречающееся в эвнк, слн, орк, орч, улч, нн, мнч языках (ССТМЯ, 1975: 240) – досл. «легко управляемая», «ходкая», от *жа* – «легкий» > *жазу* – «с легкостью», *жази*, *жасими* – «легко, без усилий», *жаса* – «ходкий (о лодке, нарте)» (ССТМЯ, 1975: 239). В языке северных тунгусов наряду с *жав* используется название *умурэчун*, *умирэчэн*, *эмэрэчун* (эвнк), *омар* (эвн), *омочин* (нгд) (ССТМЯ, 1977: 453; ЭРС, 2004: 773; ЭРС, 2005: 221; Цинциус, 1982: 258), этимология которого также связана непосредственно с типом берестяной лодки и происходит от корневой основы *эмэр*, *омор* – «острый», «ходкий», «легко скользящий» (ССТМЯ, 1977: 453).

Охота – «дар» или «потребление»?

В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» (1975), «Эвенкийско-русском словаре» (2004) базовый тунгусский концепт *булта*, *бута*, *бота* – «охота» обозначен заимствованным от якутского *булт* – «охота», *бултаа-* – «охотиться» (ССТМЯ, 1975: 108; ЭРС, 2004: 106), что, на наш взгляд, является ошибочным мнением. В научных исследованиях

наиболее убедительной является гипотеза о формировании якутского этноса в процессе адаптации степной скотоводческой культуры в результате миграции тюркоязычных групп на территорию Якутии в раннем Средневековье (Гоголев, 1993; Константинов, 1975). В данном случае вполне логичным представляется процесс заимствования охотничьих традиций якутами у коренных обитателей таежного ландшафта, а не наоборот. Заимствование охотничьей лексики из тунгусских языков является иллюстрацией обозначенного исторического процесса (Ушницкая, 2022: 69–70).

В языках народов тунгусо-маньчжурской группы корневое ядро группы слов, связанных с понятиями «охота», «охотиться», образовано от общетунгусского *бу*, *бо* – «дать» (ССТМЯ, 1977: 99). Продемонстрируем наглядно в таблице:

Язык	Корень	Значение	Суффикс	Значение	Источник
эвнк	бу- бо-ри-	дать разделить	лта лта- лэ- т-, ти- чин лан һи	охота охотиться добывать рыбу раздать дележ щедрый обычай помощи нуждающимся	ССТМЯ, 1975: 95, 99, 108; ЭРС, 2004: 96, 99, 106, 108
эвн	бу-/бо- /бө- бо-ри-	дать разделить	лта, лт, лу т- лэн, сэн т-мат-, мат- чин, дяк, чак	охота раздать, делить, разделять делиться, поделиться распределение, раздача дележ	ССТМЯ, 1975: 95, 99, 108; ЭРС, 2005: 60, 61; РЭС, 1952: 377
мнч	бу-	дать	тха, та, тха-, тхаша- хай, тхай	охота, рыболовство охотиться, рыбачить охотник	ССТМЯ, 1975: 99, 108; ПМРС, 1875: 530
чжр	ри-	дать	hto hto-lo-	охота охотиться	ССТМЯ, 1975: 108
нн	бо- бо-ри-	дать разделить	та- хтэ- су мачи-	рыбачить раздавать щедрый делиться	ССТМЯ, 1975: 96, 99, 108; НРС, 1980: 76, 77
орк	бо-ри-	разделить	мачи-	делиться	ССТМЯ, 1975: 96, 99
орч	бу- бо-и-	дать разделить	та- ктэ- мачи-	охотиться, рыбачить раздавать делиться	ССТМЯ, 1975: 96, 99; Аврорин, Лебедева, 1978: 169
удг	бу-	дать	та-	заготавливать	ССТМЯ, 1975: 96, 99
улч	бу- бо-ри-	дать разделить	та-, tau- ктэ-	охотиться, рыбачить раздавать	ССТМЯ, 1975: 96, 99; Schmidt, 1923: 241, 242
нгд	бу- бојі-	дать разделить	ту- мат- су мат-	раздать давать друг другу щедрый делиться	ССТМЯ, 1975: 96, 99; Цинциус, 1982: 198, 199, 200

слн	бу-	дать	тха тха- rgi-	охота охотиться возвращать, возвратить	ССТМЯ, 1975: 99; Поппе, 1931: 1, 45
якт	булт бултаа-, бултан- заимств. < эвнк, эвн			охота, добыча, промысел охотиться, промыслять	ССТМЯ, 1975: 108; ЯРС, 1972: 82

Примечание. У маньчжуров, нанайцев, орочей и ульчей с течением времени традиции охоты были частично перенесены на рыболовный промысел ввиду существенного роста его значения в хозяйственном цикле.

Как видим, материалы языка свидетельствуют о том, что значения, связанные с концептом ‘охота’, происходят от корневой основы *бу, бо* – ‘дать’ > *бори* – ‘разделить’. Слово *бу(л)та, бота* в досл. переводе с тунгусо-маньчжурских языков – «результат процесса ‘давания’ [людям Природой-матерью]», т. е. в образном выражении «дар [божий]» < *бу, бо* – ‘дать, давать’ + *-(л)та, -(н)та, -тһа* (варианты суфф. результата действия, цели) (Василевич, 1958: 783, 790; Цинциус, 1947: 261). Опрос носителей эвенкийского языка старшего возраста показал сохранность традиционной визуализации концепта ‘охота’ в сознании современных эвенков. На вопрос «*Лу-чадыт ‘булта’ он? Он тэдемэт тылдегэт тарвэ?*» – По-русски как будет [слово] *булта*? Как наиболее правильно нужно понимать это?» большинство респондентов ответили: ‘охота’, ‘добыча’. При этом некоторые участники опроса уточнили: «Булта – это ‘добыча’, то, что дается нам [Небом-Буга]». Т. Ф. Андреева, глава общины «Агдан» из с. Усть-Нюкжа Амурской области, сформулировала свой ответ следующим образом: «*Булта тар ‘охота, добыча, дар’.* *Буга бурэн, негурэн, – гуниңнэрэм.* – Булта – это ‘охота, добыча, дар’. Небо дает, [букв.] спускает [сверху вниз], – так скажу» (ПМА, 2022).

По нашему мнению, название копытного зверя в тунгусо-маньчжурских языках также образовано от корневой основы *бу* – ‘дать’: *бэјун, бэју(н)* (эвнк, нгд, слн, орч), *бујун, бојун, бојн* (эвн, нн, орк, улч), *буји* (удг) (ССТМЯ, 1975: 120–121; ЭРС, 2004: 122, 123; ЭРС, 2005: 251; РЭС, 1952: 255; НРС, 1980: 87; Аврорин, Лебедева, 1978: 170; Цинциус, 1982: 200; Поппе, 1931: 43). В данном случае слова *бэјун, бујун, бојун* дословно означают «даруемый [Буга]», от исх. *бу/бо* + *-j/-й* (суфф. отглагольного прилагательного) + *-(в)у* (суфф. страдательного залога) + *-н* (суфф. имени действия) (Василевич, 1958: 748, 777; Цинциус, 1947: 241, 246, 253).

Действительно, у эвенков, эвенов и родственных этносов восприятие охотничьего промысла соотносится с понятием «давать», «дар», а не «брать», «потребление», как у подавляющего большинства современных народов, чьим привычным ландшафтом является урбанизированная среда. В мировоззренческих традициях тунгусов успешный охотничий промысел не является результатом исключительной деятельности индивида, а зависит от благосклонности высших сил, дарующих ему охотничью удачу. В свою очередь индивид обязан совершать акты дарения, дележа, безвозмездной помощи нуждающимся. Многие исследователи и путешественники отмечали феномен восприятия тунгусами охотничьей добычи, охотничьей удачи как дара, что подразумевает ответственность индивида и социума за справедливое распределение ресурсов, полученных от охоты: *Буга дарует Охотнику > Охотник дарует Обществу > Общество справедливо распределяет.* А. К. Клюге, путешествовавший по северо-востоку Сибири в конце XIX в., был восхищен социальными и морально-нравственными традициями тунгусов, ставя их в пример представителям современного общества: «Странные порядки были въ землѣ тунгусовъ: все въ ней принадлежало всѣм и ничто не принадлежало исключительно одному кому-нибудь; никто не был сытъ, когда другіе были голодны, никто не был голоденъ, когда другіе были сыты... Самые лучшіе стрѣлки вставали рано, чуть свѣтъ, и уходили

на охоту... Когда они возвращались, нагруженные добычей, всё радовались и никто никому не завидовал. Лучшего оленя всегда отдавали гостям, кто бы эти гости ни были – русские, якуты или их сородичи. Остальная добыча распределялась между всеми, а шкура каждого из убитых животных отдавалась кому-нибудь одному. Опытные охотники и стрелки, кормившие своим искусством весь род, ничего не требовали себе с других за это искусство; они скромно довольствовались славой лучших охотников и получали равный с другими пай. У них было поверье, что дух, покровительствующий промыслам, отвернется от того промышленника, который обнаружит жадность и заявить претензию на большую долю в промысле, чем доля других, вовсе не охотившихся за зверями. По их верованиям, Дух промыслов был добр и справедлив и хотел, чтобы все были одинаково сыты» (Клюге, 1899: 13–14).

Философия единства и гармоничного сосуществования человека и природы, справедливости во взаимоотношениях внутри социума стала теоретическим базисом для формирования и развития представлений тунгусов об одушевленности субъектов и объектов таежного ландшафта, представлений об охотничьей удаче (Василевич, 1969: 225–228, 229–234; Мазин, 1984: 26–27; Березницкий, 1999: 26). Мировоззренческая специфика тунгусов воплощена в важных социальных традициях *Нимат* и *Бориһи* (Хитров, 1856: 66–67; Расцветаев, 1933: 34–39; Василевич, 1969: 68–69; Варламов, 2022: 601–604). Традиции тунгусского закона *Нимат* продолжают сохраняться и в настоящее время – практически во всех местах компактного проживания эвенков, эвенов и родственных народов принято выделять часть добычи родственникам, соседям и гостям. В среде современных тунгусов большинство охотников по-прежнему воспринимают охотничье ремесло не как исключительно хозяйственную, экономическую деятельность, а в большей степени как образ жизни.

Заключение

Таким образом, охотничья лексика тунгусо-маньчжурских народов свидетельствует об архаичности традиций охоты, формировавшихся в эпоху древней тунгусской общности в неолитическую эпоху. Важнейшие архаические культурные традиции тунгусо-маньчжурских народов находят отражение в названиях орудий труда, объектов охотничьего промысла и базовых концептов, связанных с охотой. К древнетунгусскому лексическому пласту относятся слова: *hurka* – ‘петля, силок’, *bər* – ‘лук [простого типа]’, ‘самострел’, *n`ur* – ‘стрела’, *kiŋnə* – ‘лыжи-голицы’, *huxsi* – ‘лыжи, подбитые камусом’, *žav*, *omor* – ‘лодка-берестянка’, *niki* – ‘утка’, *toki* – ‘лось’, *uža* – ‘след’, *bu(l)ta*, *bota* – ‘охота’, *bujun* – «копытный зверь». В мировоззренческих традициях тунгусов «охота» как концепт исторически визуализируется в понятиях «добыча», «дар», «дарение» и происходит от архаической т-м корневой основы *bi-*, *bo-* – ‘давать’.

Литература:

- Аврорин В. А., Лебедева Е. П.** Орочские тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
- Анисимов А. Ф.** Семейные «охранители» у эвенков и проблема генезиса культа предков // Советская этнография. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 3. С. 28–43.
- Анисимов А. Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 238 с.
- Березницкий С. В.** Мифология и верования орочей. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 208 с.
- Варламов А. Н.** Лук в эвенкийском эпосе и неолитических памятниках Прибайкалья: к вопросу о соотношении фольклора и археологии // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 9 (66). С. 36–42.
- Варламов А. Н.** Байкал в зачинах эвенкийского эпоса: к вопросу об исторической прародине тунгусов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2019. № 4 (16). С. 42–50.

- Варламов А. Н.** Образ лося в мировоззрении и фольклоре тунгусо-маньчжурских народов: к вопросу о ранней истории тунгусов // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: сборник научных статей / отв. редактор Л. И. Миссонова. Якутск, 2020. С. 269–274.
- Варламов А. Н.** Сонинги Дулин Буга: этногенез и этническая история эвенков. Новосибирск: Наука, 2022. 707 с.
- Варламова Г. И.** Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 376 с.
- Варламова Г. И.** Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. Новосибирск: Наука, 2004. 185 с.
- Василевич Г. М.** Суффиксы и частицы // Эвенкийско-русский словарь. Ч. 2 / сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. С. 744–799.
- Василевич Г. М.** Тунгусская колыбель (в связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. XIX. С. 5–28.
- Василевич Г. М.** Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков): доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Л.: АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1968. 72 с.
- Василевич Г. М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Герасимов М. М., Черных Е. Н.** Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 23–48.
- Гоголев А. И.** Якуты (проблемы этногенеза и формирование культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 204 с.
- Ивашина Л. Г.** Особенности хозяйства древнего населения Забайкалья в эпоху энеолита – раннего бронзового века // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): сб. материалов межд. науч. конф. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 9–11.
- Исторический фольклор эвенков.** Сказания и предания / сост. Г. М. Василевич. Л.: Наука, 1966. 400 с.
- Клюге А. К.** Из жизни угасающего племени (тунгусов): в защиту инородцев. Томск: Паровая типолитография П. И. Макушина, 1899. 96 с.
- Константинов И. В.** Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности: труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.
- Мазин А. И.** Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Нанайский фольклор:** Нингман, сиохор, тэлунгу / сост. Н. Б. Киле. Новосибирск: Наука, 1996. 478 с.
- Нанайско-русский словарь** // сост. С. Н. Оненко. М.: Рус. яз., 1980. 552 с.
- Окладников А. П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: в 3 ч. Ч. 3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 373 с.
- Певнов А. М.** Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 63–83.
- Полный маньчжурско-русский словарь** / сост. А. И. Захаров. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1875. 1129 с.
- Поппе Н. Н.** Материалы по солонскому языку. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 142 с.
- Расцветаев М. К.** Тунгусы мямьяльского рода: соц.-экон. очерк с прилож. тунгус. бюджетов // Труды совета по изучению производ. сил. Серия: Якутск. Вып. 13. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 178 с.
- Русско-эвенкий словарь** / сост. В. И. Цинциус, Л. Д. Ришес. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. 778 с.
- Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору** / сост. Г. М. Василевич. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. 290 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков** / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков** / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
- Таксами Ч. М.** Некоторые общие черты летних средств передвижения у народов Нижнего Амура и Сахалина // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 123–138.
- Ушницкая Н. Ю.** Концептуализация охотника в языковой картине мира эвенков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 2 (36). С. 67–76. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-67-76
- Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ** / сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск: Наука, 1998. 561 с.
- Хитров Д.** Описание Жиганского улуса. СПб., 1856. С. 55–84.
- Цинциус В. И.** Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л.: Учпедгиз, 1947. 270 с.
- Цинциус В. И.** Негидальский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. 311 с.
- Чигаева В. Ю.** Динамика значимости образа птицы в наскальном искусстве Прибайкалья и Забайкалья // Альманах современной науки и образования. 2007. № 2. С. 93–94.
- Эвенкийско-русский словарь** / сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
- Эвенско-русский словарь** / сост. В. А. Роббек, М. Е. Роббек. Новосибирск: Наука, 2005. 356 с.

Якутско-русский словарь / под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 605 с.

Schmidt P. The Language of the Negidals // Acta Univ. Latv. 8, Riga, 1923. P. 229–288.

Варламов Александр Николаевич.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, 1, Якутск, 677009.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 14 февраля 2023 г.

A. N. Varlamov

HISTORICAL GENESIS OF THE HUNTING VOCABULARY OF THE TUNGUS-MANCHU PEOPLES

The article deals with the archaic lexical stratum of the Tungus-Manchu peoples connected with hunting. It reveals the vocabulary of the ancient Tungus language formed during the culture formation of the Neolithic hunters. The theoretical basis of the research is the studies of Tungus specialists who have studied the language of the Tungus-Manchu peoples. The research methodology is based on an interdisciplinary approach that incorporates the results of studies of related scientific disciplines to solve the linguistic problem, including folklore, ethnography, history, and archeology studies. In accordance with the chosen methodology, the lexical stratum under study is viewed through the prism of ethnic worldview and folkloric traditions. The research material includes published dictionaries, collections on the folklore of the Tungus-Manchu peoples and field material of the author. The results of the analysis of the archaic lexical stratum connected with hunting, folkloric actions and motifs, basic worldviews, and social traditions of the Tungus-Manchu peoples show their origin in the mountain taiga landscape with the beginning of the Holocene during the development of the nomadic culture of hunters. As a result of the research, the author concludes that the archaic hunting traditions have their origin in the era of the ancient Tungus community. The main archaic cultural traditions of the Tungus Manchu peoples are reflected in the names of tools, the main objects of hunting and basic concepts connected with hunting. The ancient Tungus lexical stratum includes the following words: *hurka* – “noose, snare,” *bər* – “bow [of a simple type],” *n'ur* – “arrow,” *kiŋnə* – “wooden skis,” *huxsi* – “skin skis,” *omor* – “birch-bark boat,” *niki* – “duck,” *toki* – “moose,” *uža* – “footprint,” *bu(l)ta*, *bota* – “hunting,” *bujun* – “hoofed animal.” In the worldview traditions of the Tungus, hunting as a concept is historically visualized in the meanings of “prey,” “gift,” and “giving”.

Keywords: *Evenki language, hunting vocabulary, Evenki folklore, hunting, the ethnogenesis of Tungus-Manchu peoples, Neolithic of the Baikal region*

References:

- Avrorin V. A., Lebedeva E. P.** Orochskie teksty i slovar' [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978. 264 p. (In Oroch and Russian).
- Anisimov A. F.** Semejnye "ohraniteli" u evenkov I problema genezisa kul'ta predkov [Family "guardians" among the Evenki and the problem of the genesis of the ancestors cult] // Sovetskaya etnografiya. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 1950. Vol. 3. P. 28–43 (in Russian).
- Anisimov A. F.** Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problem proishozhdeniya pervobytnykh verovanij [Religion of the Evenki in historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1958. 238 p. (in Russian).
- Bereznitskij S. V.** Mifologiya i verovaniya orochej [Mythology and beliefs of the Orochs]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 1999. 208 p. (in Russian).
- Varlamov A. N.** Luk v evenkijskom epose i neoliticheskikh pamyatnikah Pribaikalya: k voprosu o sootnoshenii fol'klora i arheologii [Bow in the Evenki epic and Neolithic monuments of the Baikal region: on the question of the relationship between folklore and archaeology] // Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. Vol. 9 (66). P. 36–42 (in Russian).
- Varlamov A. N.** Baikal v zachinah evenkijskogo eposa: k voprosu ob istoricheskoi prarodine tungusov [Baikal in the introductions of Evenki epic: on the question of the historical ancestral home of the Tungus] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya "Eposovedenie". 2019. Vol. 4 (16). P. 42–50 (in Russian).

- Varlamov A. N.** *Obraz losya v mirovozzrenii i fol'klore tunguso-man'chzhurskikh narodov: k voprosu o rannej istorii tungusov* [The image of a moose in the worldview and folklore of Tungus-Manchu peoples: on the question of earlier history of Tungus] // *Narody i kul'tury Severnoi Azii v kontekste nauchnogo naslediya G.M. Vasilevich. Sbornik nauchnykh statej.* 2020. Yakutsk. P. 269–274 (in Russian).
- Varlamov A. N.** *Soninki Dulin Buga: etnogenez i etnicheskaya istoriya evenkov* [Soninki Dulin Buga: ethnogenesis and ethnohistory of the Evenki]. Novosibirsk: Nauka, 2022. 707 p. (in Russian).
- Varlamova G. I.** *Epicheskie i obryadovye zhanry evenkijskogo fol'klora* [Epic and ritual genres of Evenki folklore]. Novosibirsk: Nauka, 2002. 376 p. (in Russian).
- Varlamova G. I.** *Mirovozzrenie evenkov: otrazhenie v fol'klore* [Evenki worldview: reflection in folklore]. Novosibirsk: Nauka, 2004. 185 p. (in Russian).
- Vasilevich G. M.** *Suffiksy i chastitsy* [Suffixes and particles] // *Evenkijsko-russkij slovar'*. Vol. 2. Moscow: Gos. Izd-vo inostrannykh i nacional'nykh slovarей, 1958. P. 744–799 (In Evenki and Russian).
- Vasilevich G. M.** *Tungusskaya kolybel' (v svyazi s problemoj etnogeneza tunguso-man'chzhurov)* [Tungus cradle (in connection with the problem of the ethnogenesis of the Tungus-Manchus)] // *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii.* Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 1960. Vol. 29. P. 5–28 (in Russian).
- Vasilevich G. M.** *Evenki (k problem etnogeneza tungusov i etnicheskikh processov u evenkov): doklad po opublikovannym rabotam, predstavlenyj na soiskanie uchenoj stepeni d-ra ist. nauk* [Evenki (on the problem of the ethnogenesis of the Tungus and ethnic processes among the Evenki): a report on published works, submitted for the degree of Dr. historical Sciences] / AN SSSR, In-t etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya. Leningrad, 1968. 72 p. (in Russian).
- Vasilevich G. M.** *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century)]. Leningrad: Nauka, 1969. 304 p. (in Russian).
- Gerasimov M. M., Chernyh E. N.** *Raskopki Fofanovskogo mogil'nika v 1959 g.* [Excavations of the Fofanovsky burial ground in 1959] // *Pervobytnaya arheologiya Sibiri.* Leningrad: Nauka. 1975. P. 23–48 (in Russian).
- Gogolev A. I.** *Yakuty (problem etnogeneza i formirovanie kul'tury)* [Yakuts (problems of ethnogenesis and culture formation)]. Yakutsk: Izd-vo YaGU, 1993. 204 p. (in Russian).
- Ivashina L. G.** *Osobennosti hozyajstva drevnego naseleniya Zabajkal'ya v epohu eneolita – rannego bronzovogo veka* [Features of the economy of the ancient population of Transbaikalia in the era of the Eneolithic – early Bronze Age] // *Drevnie kochevniki Tsentral'noj Azii (istoriya, kul'tura, nasledie): Sb. mat-v mezhd. nauch. konf. Ulan-Ude: BNTc SO RAN.* 2005. P. 9–11 (in Russian).
- Istoricheskij fol'klor evenkov.** *Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of the Evenki. Tales and legends] / Ed. G. M. Vasilevich. Leningrad: Nauka, 1966. 400 p. (In Evenk and Russian).
- Klyuge A. K.** *Iz zhizni ugasayushhego plemeni (tungusov): v zashchitu inorodtsev* [From the life of a dying tribe (Tungus): in defense of foreigners]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P. I. Makushina, 1899. 96 p. (in Russian).
- Konstantinov I. V.** *Proishozhdenie yakutskogo naroda i ego kul'tury* [The origin of the Yakut people and its culture] // *Yakutiya i ejo sosed'i v drevnosti: Trudy Prilenskoj arheologicheskoy ekspeditsii.* Yakutsk: Izd-vo YaF SO AN SSSR. 1975. P. 106–173 (in Russian).
- Mazin A. I.** *Traditsionnye verovaniya evenkov-orochonov (konets XIX – nachalo XX v.)* [Traditional beliefs and rituals of the Evenki-Orochons (late 19 – early 20 century)]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 201 p. (in Russian).
- Nanajskij fol'klor.** *Ningman, siohor, telungu* [Nanai folklore: Ningman, Siohor, Telungu] / Ed. N. B. Kile. Novosibirsk: Nauka, 1996. 478 p. (In Nanai and Russian).
- Nanajsko-russkij slovar'** [Nanai-Russian Dictionary] / Ed. S. N. Onenko. Moscow: Rus. yaz, 1980. 552 p. (In Nanai and Russian).
- Okladnikov A. P.** *Neolit i bronzovyy vek Pribajkal'ya* [Neolithic and Bronze Age of Transbaikalia: Part 3]. Moscow-Leningrad: Iz-vo AN SSSR, 1955. 373 p. (in Russian).
- Pevnov A. M.** *Lingvisticheskie puti resheniya tunguso-man'chzhurskoj problemy* [Linguistic ways to solve the Tungus-Manchu problem] // *Voprosy yazykoznaniya.* 2008. Vol. 5. P. 63–83 (in Russian).
- Polnyj man'chzhursko-russkij slovar'** [Complete Manchu-Russian Dictionary] / Ed. A. I. Zaharov. Saint Petersburg: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk, 1875. 1129 p. (In Manchu and Russian).
- Poppe N. N.** *Materialy po solonskomu yazyku* [Materials on the Solon language]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1931. 142 p. (In Evenki and Russian).
- Rastsvetaev M. K.** *Tungusy myamyal'skogo roda: Sots.-ekon. ocherk s prilozh. tungus. byudzhetrov* [Tungus of the Myamyal clan: Socio-economic essay with supp. Tungus budgets] // *Trudy soveta po izucheniyu proizvod. sil. Seriya Yakutsk.* Vol. 13. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1933. 178 p. (in Russian).
- Russko-evenskij slovar'** [Russian-Even Dictionary] / Ed. V. I. Tsintsius, L. D. Rishes. Moscow: Gos. Izd-vo inostrannykh i nacional'nykh slovarей, 1952. 778 p. (In Even and Russian).

- Sbornik materialov po evenkijskomu (tunguskomu) fol'kloru** [Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore] / Ed. G. M. Vasilevich. Leningrad: Izd-vo in-ta narodov Severa TsIK im P. G. Smidovicha, 1936. 290 p. (In Evenki and Russian).
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov** [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages] / Ed. V. I. Tsintsius. Vol. 1. 1975. Leningrad: Nauka. 672 p. (In Tungus-Manchu and Russian).
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov** [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages] / Ed. V. I. Tsintsius. Vol. 2. 1977. Leningrad: Nauka. 992 p. (In Tungus-Manchu and Russian).
- Taksami Ch. M.** Nekotorye obshhie cherty letnih sredstv peredvizheniya u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina [Some common features of summer vehicles among the peoples of the Lower Amur and Sakhalin] // Material'naya kul'tura narodov Sibiri i Severa. Leningrad: Nauka. 1976. P. 123–138 (in Russian).
- Ushnickaya N. Yu.** Kontseptualizatsiya ohotnika v yazykovoj kartine mira evenkov [Conceptualization of the hunter in the language worldview of the Evenki] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2022. No. 2. P. 67–76. (in Russian).
- Fol'klor udegejtsev:** nimanku, telungu, ehe [Folklore of the Udege: nimanku, telungu, ekhe] / Ed. M. D. Simonov, V. T. Kyalundzyuga, M. M. Hasanova. Novosibirsk: Nauka, 1998. 561 p. (In Udege and Russian).
- Khitrov D.** Opisanie Zhiganskogo ulusa [Description of the Zhigansky ulus]. Saint Petersburg, 1856. P. 55–84 (In Evenki and Russian).
- Tsintsius V. I.** Ocherki grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka. Fonetika i morfologiya [Description of the Essay on the grammar of the Even (Lamut) language. Phonetics and morphology]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947. 270 p. (In Even and Russian).
- Tsintsius V. I.** Negidal'skij yazyk: issledovaniya i materialy [Negidal language: research and materials]. Leningrad: Nauka, 1982. 311 p. (In Negidal and Russian).
- Chigaeva V. Yu.** Dinamika znachimosti obraza ptitsy v naskal'nom iskusstve Pribajkal'ya i Zabajkal'ya [The dynamics of the significance of the image of a bird in the rock art of the Baikal and Transbaikalia] // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2007. No 2. P. 93–94 (in Russian).
- Evenkiysko-russkiy slovar'** [Evenki-Russian Dictionary] / Ed. A. N. Myreeva. Novosibirsk: Nauka, 2004. 798 p. (in Evenki and Russian).
- Evensko-russkiy slovar'** [Even-Russian Dictionary] / Ed. V. A. Robbek, M. E. Robbek. Novosibirsk: Nauka, 2005. 356 p. (in Even and Russian).
- Yakutsko-russkiy slovar'** [Yakut-Russian Dictionary] / Ed. P. A. Sleptsov. Moscow: Izd-vo Sovetskaya entsiklopediya, 1972. 605 p. (in Yakut and Russian).
- Schmidt P.** The Language of the Negidals // Acta Univ. Latv. 8, Riga, 1923. P. 229–288.

Varlamov Alexander Nikolaevich.

Doctor of philology, leading researcher.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch RAS.

Petrovsky st., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

Р. Г. Жамсаранова

ПЕГАЯ ОРДА, ИЛИ БОМА: СЕМАНТИКА ОНИМА И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена очередной попытке определения этноязыковой принадлежности одного из наиболее загадочных политонимов дорусской Сибири – Пегая Орда как наименования всего населения определенной территории без учета их этнической, языковой и культурной идентичности. Под политонимом Пегая Орда были объединены все кочевые народы Сибири в постмонгольскую эпоху. В домонгольскую (или монгольскую) эпоху в китайских хрониках зафиксирован политоним Бома «пеголошадные» (駃-马 [bo-ma] ‘пегая (пятнистая) лошадь’) или Алакчин (а также алаты) как именование некоего племени, имевшего пегих (по-другому, пестрых) лошадей. Если первая часть соционима Пегая Орда связана концептуальным значением с Бома, Алакчин, алаты и племя Олхонүүд монголов, основа которых связана с алтаеязычным апеллятивом алаг/алха ‘пестрый, пегий’, то вторая часть соционима Орда – с монгольским ард ‘1. арат, трудящийся; народ; ард түмэн *парн.* народ’. Локализация загадочных Бома соответствует ареалу монгольской ойкумены, что территориально совпадает с северо-восточной частью современного Забайкальского края, в том числе включая и северные территории Китая – Маньчжурию, Хулунбуир и Хайлар. Анализ значения данных онимов, ареально сопряженных с монгольской ойкуменой, позволил предположить о самоедоязычном начале онима Олхонүүд монголов, равно как и Бома, Алакчин и алат(ов). Заметим, что понятие «пестрый» имеет этнографическую фиксацию в ключевых образах бурят-монгольского мира. К тому же синонимичное Бома оним *хэцы* (или *хэла*), зафиксированное китайскими хронистами как другое именование народа Бома, мы сопоставили с генонимом Хуацай/Хоацай хори-бурят. Геноним Хуацай/Хоацай как именование одного из самых крупных родов восточной группы бурят – хори-бурят по своему значению сопоставим с антропонимом Хасаевъ, зафиксированного в ревизской описи инородческого населения Иркутской губернии Агинской степной думы за 1830 г., являющимся личным именем бурята рода Хуацай. Имя Хасаевъ (от имени Хаса) в ревизии бурят за 1830 г. мы сопоставляем с ненецким Хасё, однако при этом не исключая и возможности сопоставления данного исторического антропонима с самоназванием ненцев – хасава ‘1) мужчина; хасава цацекы мальчик’; хасава ню ‘сын’. Дальнейший анализ данного личного имени Хасаевъ позволил сравнить его значение с ненецким хасё ‘1. *образн.* мужчина; 2. (*с протисной*) Хасё (*имя собств. муж.*)’, что позволило нам предположить, что именно от этого имени, бывшего некогда эпонимом, и образовался геноним Хуацай. Самоедоязычное начало (и каких-то кетоязычных племен) наблюдается в генонимии хори-бурят и тунгусов Гантимура Нерчинского уезда XVII–XIX вв. как автохтонного населения исторической Даурии русского периода истории Восточного Забайкалья. На основе ономаσιологического подхода конструктивным явился метод концептуальной метафоры как результативного метода вкупе с методом концептуальной метонимии, позволяющий описать до-этнонимное и собственно этнонимное значения исторических онимов в проекции номадизма, имеющих самоедоязычное (и кетское в том числе) этноязыковое начало.

Ключевые слова: Бома, Пегая Орда, Алакчин, Олхонүүд монголов, китайское *хэцы*, геноним Хуацай/Хоацай хори-бурят, ревизские сказки 1830 г., пеголошадные, самоедоязычные племена, «пестрые»

Политоним Пегая Орда был функционально значимым онимом в монгольский период истории исследуемого ареала. Позже под названием Пегая Орда было известно родоплеменное объединение селькупов и кетов в бассейнах рек Нарыма и Томи, существовавшее в XVI в. Известно, что князья Пегой Орды являлись союзниками и их племена соседствовали с востока с Сибирским ханством (Пелих, 1980: 5–70). Более подробно о Пегой Орде, значении онима как именованья «одного из крупных военно-политических объединений селькупов периода колонизации Сибири во главе с предводителем Воней» описано в статье Л. А. Чиндиной (Чиндина, 2013: 91–96).

Для описания племен Западной Сибири использовали термин «Пегая Орда». В «Большом атласе» Блау 1665 г. на страницах, посвященных племенам Сибири, на изображении картографов XVII в., т. е. на карте Московского государства Романовых TABVLA RUSSIAE (с. 108–109), Сибирь очерчена всего лишь как левобережье Оби, Иртыша и Тобола в их нижнем течении. Это и понятно, так как колонизация Восточной Сибири и Дальнего Востока происходила позже, а потому та Сибирь – это, конечно же, не вся Сибирь. Отметим, что именно

правобережье реки Тобол и было занято на тот момент теми народами, которые на карте и обозначены как Югория и Пегая Орда. Происхождение онима «Пегая Орда», вероятно, связано с неким ранним онимом более раннего периода истории. Так, в период монгольской империи все территории были условно поделены на так называемые Орды, где вторая часть объяснима из лексики монгольского языка – ср.: монгольское ард ‘1. арат, трудящийся; народ; ард түмэн *парн.* народ’ (МРС, 1957: 42).

На основании этих фактов мы склонны также трактовать историю политонимов (соционимов), особенно таких, как Пегая Орда или Бома, к примеру, в ономастическом пространстве как онимы, имеющих собственно этнонимное (политонимное) значение наряду с до-этнонимным. В этом случае возможно не только сравнить и сопоставить их значения (собственно этнонимное и до-этнонимное) в историческом ракурсе, учитывая их историческую локацию. А также то, что в историческом развитии происходит так называемая «конвертация» исторического онима в более широкое понятие – к примеру, от этнонима в политоним. Примером конвертации этнонима в политоним, далее в соционим и обратно в этноним может служить история онима «татары». Под татарами известно полиэтническое население Поволжья – казанские татары, чуваша, отчасти марийцы, удмурты и другие народы после завоевания в XIII в. этой территории монголами и образования Золотой Орды. «Татарскими» назывались также ряд ханств, образовавшихся после развала Золотой Орды в XV в. Впоследствии уже в XVII в. данный политоним, однако уже в пределах Русского государства, конвертируется в соционим. Подобное явление, полагаем, могло произойти и с политонимом Пегая Орда, если учитывать и границы монгольских Орд, и процессы, характерные для содержательного плана самого онима.

По поводу не онима «Пегая Орда», а понятия «пегий» известно, что этот термин в русский язык вошел от кочевников и до XX в. использовалось только как определение масти лошадей (саврасый, чалый и др.). «Пестрым», «рябым» называли других животных (см.: Даль, 1903–1911).

Отметим, что, согласно Л. А. Чиндиной, оним «Пегая Орда» образован как оним от апеллятив пякк ~пяк ‘лось’ /сельк./, что, по мнению автора, позволяет интерпретировать как этноним «Большого Лося сильный народ», т. е. самоназвание. Однако при этом любопытно отметить наличие и атрибутива в селькупском языке пярэрал ~ пярэрэл ~ пярэры ~ пярэра ‘пятнистый, пестрый’ (СРДС, 2005: 203), которое семантически совпадает со значением слова ‘пегий’ < пятнистый/пестрый как синонима.

Однако существовала и другая «Пегая Орда», только эпохи монголов. В качестве иллюстрации данной гипотезы приводим условно картографический материал о функционировании Пегой Орды у монголов, исходя в первую очередь от трактовки слова «Орда» как именования монголами некоего соционима.

При этом известно, что Золотая Орда подразделялась на Белую Орду и Синюю Орду. Территориально Белая Орда, или Большая Орда, включала в свое ведомство Бухарское ханство, Казанское ханство, Касимовское ханство, Крымское ханство, Астраханское ханство, Хивинское ханство (Хорезм). Синяя Орда, или Ногайская Орда, включала территориально Большую Орду, Малую Орду, Сибирское ханство. А вот Пегая Орда территориально включала Узбекское ханство, Казахское ханство, а также Жузы: Старший, Средний, Младший. Джунгарское ханство, впоследствии Калмыцкое ханство, Чагатайское ханство (Кульджа) – впоследствии Бухарское ханство, Ильханидское ханство, основанное Тимуридами и известное потом как Империя Великих Моголов. Сама Монголия территориально включала Внешнюю (Халха) Монголию и Внутреннюю Монголию – современную АРВМ КНР. В Монгольскую империю входил и Китай как Империя Юань (Китай), а также Тибет и историческое Корё (Корея).

Из этой информации, размещенной на свободной платформе интернет-ресурсов, становится очевидным то, что определить территориально «границы» той или иной Орды даже гипотетически сложно. Наше обращение к этнониму «Пегая Орда» селькупов, которая, на наш взгляд, намного ранее существовала в монгольской ойкумене, только под другими именами – Бома, Алакчин или Олхонүүд, предопределено задачей анализа двух планов значения последних соционимов/политонимов.

Мы полагаем о двуплановости значения этнонимов, обусловленных, во-первых, временем функционирования, во-вторых, произошедшей объективно качественной трансформацией семантических связей в этнониме. Произошедшая историческая десемантизация этнонима приводит к возникновению (возможно, уже на другой языковой почве, в другом языковом сознании) народно-этимологической интерпретации семантики онима, что и наблюдается в некоторых работах, посвященных этнонимике. Поэтому важно при определении значения онима учитывать факторы временного среза, территории и морфологическую структуру ономастической единицы.

Следует иметь в виду и такой политоним, как Бома, который известен только из китайских источников, подробно описанный рядом исследователей (см.: Бичурин Н. Я., 1950; Гумилев Л. Н., 1960; Кюннер Н. В., 1961; Зуев Ю. А., 1962; Малявкин А. Г., 1989; Илюшенко С. И., 1985; Илюшин А. М., 2007; Ушницкий В., 2012. 2015), и претерпевший ряд изменений в своем значении. Историография Бома описана в статье А. М. Илюшина «Загадочная страна „БОМА“ раннего средневековья (по письменным и археологическим источникам)» и статье «Страна Бома. Миф или реальность» (см.: Илюшин, 2007: 109–113; <https://e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/11/10.html>). А. М. Илюшин в своих трудах связывает народ Бома как с тюркоязычными, так и кето- и самоедоязычными племенами огромной Сибири, преимущественно Южной Сибири. В. Ушницкий в своих исследованиях делает попытки связать народ Бома с предками современных саха якутов (см. Ушницкий, 2012: https://academia.edu/31186824_pdf).

Однако в исторической ономастике важна реконструкция семантики этнонима в аспекте синхронии и диахронии, что обусловлено, во-первых, ограниченностью пространства этнического самосознания, во-вторых, локальностью своего распространения, в-третьих, знаковым характером онима, а также рядом конкретных мотивировочных признаков, функционально значимых для сознания людей давно ушедших эпох. Особая роль отведена и роли метафоры в содержательно-понятийном поле семантики онима. До-этнонимное значение сродни архетипам и обусловлено мифологией номадизма, переданы посредством описания сопутствующих коннотирующих фактов историко-этнографического характера и подтверждены фактами экстралингвистической интерпретации (Жамсаранова, 2013: 13–58).

При дешифровке значения онима чрезвычайно важным представляется также и учет деонимизации этнонима, когда нарушения разного рода контекстуальных типов связей трансформируются структурно и содержательно.

Для семантического поля этнонимного имени может быть характерно то, что оним наделяется коннотациями тогда, когда переносит деонимизацию (полную или частичную), обретая тем самым сигнификат. По-другому, в процессе деонимизации один тип связи «переходит» в качественно другой тип связи.

В качестве примера подобного явления можно привести описание как «загадочного народа Бома», так и Пегой Орды эпохи монголов (не поздних селькупов), тогда как именование потестарного объединения селькупов по своему описанному значению напрямую соотносится с мировоззрением поздних селькупов. И вот почему. Дело в том, что при описании таинственного народа Бома исследователи подчеркивают так называемый прозвищный характер их именованья, как, например, «пеголошадные», или Бома. То есть, другими словами, эти два соционима «объединяет» их значение, коррелирующее с лексемой «пегий» или «пестрый».

В «Синь тай шу» (история династии Тан) повествуется следующее: «Бома, которое иначе называется Била, или Элочжи, находится непосредственно к северу от тюрок туцзюэ, от столицы в 14 тысячах ли. <Останавливаются для жилья> в зависимости от наличия воды и травы, однако любят жить в горах. Отборного войска – 30 тысяч. В стране всегда выпадает много снега, деревья не сбрасывают листья. Поля пахут с помощью лошадей, масть лошадей пегая <бо>, поэтому и страна так называется <Бома>. <Территория страны> на севере доходит до моря. Хотя разводят лошадей, не ездят верхом, используют кумыс в качестве пищи. Часто воюют с кыргызами, внешне больше похожи на кыргызов, однако язык друг друга не понимают. Все бреют голову, носят шляпы из бересты. Связывают жерди наподобие колодезного сруба (оголовка), покрывают берестой, что и служит жилищем. Все <родоплеменные подразделения> имеют старейшин, которые не подчиняются один другому» (Малявкин, 1989: 106).

Н. В. Кюннер приводит сведения из китайского источника <Вэньсянь тункая>: «Туцзюэ, говоря о бома, называют (их) хэла (или хэцы), также государством Хэла (Хэцы). Их страны близки к Северному морю (Байкалу). Пройдя через (местности) пяти больших поколений туцзюэ, достигаешь (бома). Лошадей (имеют) 300 000 голов. Государство управляется сыгином.

Пределы их страны с востока на запад – один месяц езды, с юга на север – 15 дней езды. Их страна крайне холодна» (Кюннер, 1961: 52).

О том, что бома «были белокурым народом и населяли северные склоны Саяно-Алтая», писал Г. Е. Грумм-Гржимайло (Грумм-Гржимайло, 1926: 51, 59). А о том, что «бома были распространены, вероятно, очень широко: от Алтая до Байкала, рассеянными группами, как многие другие сибирские племена», делал вывод Л. Н. Гумилев (Гумилев, 1960: 40–41). Ряд исследователей локализуют бома на Енисее севернее современного Красноярска (Гумилев, 1967: 216–217; 263; Илюшенко, 1985). Территория Енисейско-Ангарского междуречья или северо-западного Прибайкалья также в работах Д. Г. Савинова, А. В. Харинского становилась ареалом расселения Бома (см.: Савинов, 1985; 1994: 127; Харинский, 2001: 15) в древнетюркское время.

По мнению А. Г. Селезнева, Бома «фигурируют на Алтае, предположительно, с суйского времени, а в районе верхних притоков Оби и на Среднем Енисее в цзиньскую и монгольскую (Юань) эпохи». Его идеи опосредованы тем, что «носители этого этнонима приняли активное участие в формировании археологических культур на территории Верхнего Приобья в раннем и развитом средневековье» (Селезнев, 1992: 28–32; 1994: 63–65; 69). Другой исследователь – Ю. А. Зуев – полагает о связи китайского названия Бома с населением, обитавшим в пределах Нарымского Приобья (см.: Зуев, 2002: 236). В итоге выявляется весьма обширная территория большей части Сибири, население которой в раннее Средневековье могла считаться теми самими Бома.

Однако для нас является чрезвычайно важным то, что во всех переводах у всех авторов зафиксирован отпрозвищный характер этнонима/политонима Бома как «пеголошадные». Также ценны их варианты в китайской передаче как <бице-бике>/<олочже>/<йылан>/<алаты>/<алааты>/<била>/<бицы>/<йелочжи>/<элочжи>/<били>/<гюньма>, которые рассматриваются как синонимы народа «бома» или отдельные его поколения (см.: Бичурин, 1950: 350; Грумм-Гржимайло, 1926: 13; Гумилев, 1960: 40; Кюннер, 1961: 353, 358; Савинов, 1994: 125–128; Селезнев, 1992; 1994: 63–65). Вот как об этом повествует Л. Н. Гумилев: «Итак, это был народ по сибирским масштабам крупный. К счастью, мы имеем подлинные названия его в китайской передаче: бице-бике и олочже» (Бичурин, 1950: 350).

Нас же в свою очередь привлекли такие именованья, как <йелочжи>/<элочжи>, сопоставимые с <йылан>/<алаты>/<алааты>, как варианты (искаженные по причине передачи) какого-то одного этнонима загадочного народа, известного как Бома. Добавим, что экзоним Бома (а не этноним, т. е. самоназвание) именно с китайского языка понимается как «пегий + лошадь», или «пеголошадные».

Этим языком, в лексике которого имеется схожее с китайским бо «пегий» значение, может оказаться какой-либо из алтайских языков: ср.: алха «пестрый, пегий» / тюрк./; /ма./; алаг 'I 1. полосатый, белобокий, пегий (о масти)' /бур./ (БРС, 1973: 39]; ал шара 'уст. красно-желтый'; алаг; эрээн 'пёстрота' / мо./ /1. цоохор, тарлан, эрээн 'пёстрый' /мо./. Схожий с экзонимным китайских источников онимом <йелочжи>/<элочжи>, сопоставимые с <йылан>/<алаты>/<алааты> зафиксирован в юкагирском языке – «алайи *суц.* 'Алаец (человек из юкагирского племени алайи): Алайцы ловили рыбу вершой'» (ЮРС, 2001: 33), а также монгольский геноним олхонут(ы) – Олхонүүд.

Добавим мнение С. А. Гурулева, изложенное в его труде «Что в имени твоём, Байкал?», о динлинах как «самом загадочном» народе, что соседние тюркские народы называли динов (под которыми он понимает енисейских остяков, кетов, аринов, коттов) алакчин „пегий народ“» (см.: Гурулев, 1991: 36). Возникает закономерный вопрос, в отношении чего «возникло» понятие «пегий народ», что первично – «пеголошадные» или же «пегий народ»?

Из китайских источников мы знаем, что бома («пегие кони» – китайская калька тюркского выражения ала-ат) населяли северные территории от туцзюэ (древних тюрков). Часть из них расселялась в горах, покрытых хвойным лесом (а Восточное Забайкалье – это в основ-

ном горно-таежная территория). Алаты тюркского времени описываются как охотники и рыболовы: они «любят рыбную ловлю, промысляют рыбу, оленя, выдру, соболя... Мясо идет в пищу, а их шкура на одежду». Однако весьма любопытно и то, что у алатов развито пашенное земледелие и коневодство, причем на лошадях «верхом не ездили... а пользовались молоком».

Этноязыковая принадлежность Бома также является предметом разных версий: Бома были енисейскими осяками, т. е. кетоязычными осяками (Кюннер, 1961: 17); М. А. Кастрен: Бома – предки самодийцев; имели мотыжное земледелие (развитая земледельческая терминология). У протосамодийцев было развито коневодство наряду с реликтами старинного оленеводческого хозяйства, по мнению Кастрена. Мы склонны вслед за М. А. Кастреном соотносить Бома с какими-то протосамодийцами, пробуя «отыскать» следы таинственных «пеголошадных», или Бома, как в этнонимных названиях автохтонного населения исторической Даурии – хори-бурят и тунгусов. Во-первых, значение соционима Бома коррелирует с названием одного из племен монгольского периода как Олхонүүд (или олхонуты). Этноним «олхонуты» (алаг <олх(о) + нүүд (суфф. множественности монг. яз.)) известен как именование племени матери Темуджина (Чингиз-хана) – Оэлуун. Согласно тексту «Сокровенного сказания монголов», олхонут – средневековый этноним исторических монголов, ветвь унгиратов (см.: Козин, 1990). Олхонуты состояли из трех крупных семейств: Алаг-Адуут (пестроконные), Шар-Хоньт (желтоовечные) и Улаан-Залаат (краснокистные).

В современное время потомки олхонутов проживают в 23 сомонах девяти западных аймаков Монголии (материал заимствован из «Википедии»). В топонимии Восточного Забайкалья имеется ороним Алханай, ороним Айралжан-Хатан (Титовская сопка – название горы в пригороде Читы), значения которых, на наш взгляд, сопряжены с древнемонгольским этнонимом Олхонүүд. Если в топониме Алханай сохранена топооснова, коррелирующая с этноосновой Олхо-(н)үүд, то бурятское название Айралжан-Хатан [Эрээ(л)джэн-Хатаан] также переводимо как «пестрая/пегая хозяйка» (букв.), потому что в бурятском языке атрибутивы эрээ(н)/эрээгшэ(н) (букв. пеструха, пеганка (о корове); 2. атр. пестрая, пегая; эрээгшэ үнээн пестрая (или пегая) корова) означает 'пестрый' / бур./ (см.: БРС, 1973: 771), равно как и в монгольском – алаг; эрээн 'пёстрота' / мо./ /1. цоохор, тарлан, эрээн 'пёстрый' /мо./ . Заметим, что соционим алакчин трактуется из ряда алтайских языков, где алаг или алха означают из языков «пестрый, пегий», включая тюркские и маньчжурский.

На территории Республики Бурятии имеется ороним Ольхон – название острова на оз. Байкал, значение которого, полагаем, сопряжено с кетским *əlejn*, *əlejaŋ* 'остров' (Comprehensive Dictionary of Ket, 2015: 425), что служит топонимическим «подтверждением» того, что этими алакчин могли быть какие-то и кетоязычные племена, «оставив» свой след в виде прецедентного топонима Ольхон. Исследование топонимии Ольхона и Приольхонья подвело ученых-ономастов к трактовке топонима Ольхон от «древней лексемы олхон/улхан, которая наряду с современным значением 'наплыв на дереве', в древнемонгольском языке обладала ныне утраченным значением 'холм, бугор, пригорок; суша'. Архаическое значение лексемы п.-мо. *olgan*, мо. олхон 'суша, холм' зафиксировано «Большим академическим монгольско-русским словарем» (Сундуева, 2010: 6). Е. В. Сундуева объединяет в один ряд с о. Ольхон и ороним Алханай (хотя это гора на территории Забайкальского края, не остров), что требует детального анализа во избежание внутриязыковой омонимии. Мы склонны понимать топоним Ольхон из кетского языка, хотя и не исключая наличия трансферентно-конвергентных в топонимической лексике, когда условно древнемонгольский язык имел в свое время заимствования из разных языков, в том числе и кетского. А ороним Алханай возможно связать с монгольским этнонимом Олхонүүд.

Таким образом, сопоставление значений разноразных апеллятивов и атрибутивов позволяет выявить концептуальную семантику онимов Бома и Пегая Орда (монгольского периода) как «хозяев» пегих лошадей, или пеголошадных конников. И оним (экзоним) Бома являлся

именованием так называемых северных варваров, каковыми считали ханьцы кочевников, обитавших к северу от них. Поэтому возможно идентифицировать этих Бома как с предками современных монголоязычных бурят, так и с предками части современных русских Забайкалья как потомков тунгусского населения Нерчинского уезда XVII–XIX вв. В данном аспекте любопытно сопоставить китайское именование таинственных Бома – экзонимное хэцзы с генонимом хоринских бурят – Хуацай/Хоацай.

Во-вторых, опора на архивы Государственного архива Забайкальского края позволяет нам описать тунгусов как оседлое население. Анализ архивных документов позволяет утверждать о наличии пашенного земледелия у тунгусов Нерчинска. Часть тунгусов Почегорского рода у зайсана Хрисанфа Нарышкина (общее число рода – 239 душ) занимается хлебопашеством – 71 душа, не занимается хлебопашеством – 168 душ населения рода, которые «Кочуют юртами в урочищах, занимаются возделыванием земли и скотоводством, а также звероловством, подать платят деньгами» (ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 4).

В Шилкинском районе нам показывали сохранившиеся остатки оросительных сооружений, оставшихся от населения XVII–XVIII вв., относящихся, естественно, к тунгусскому населению бассейна р. Шилки. Все эти факты позволяют усматривать в тунгусском населении Нерчинска некие черты, проявляющие сходство с древними Бома.

При этом заметим, что геноним (родовое имя) тунгусов Почегорского рода мы склонны трактовать как самоедоязычный, т. е. значение генонима объяснимо только из средств селькупского языка. Ранее мы уже описывали семантическую и лексическую корреляцию таких древних этнонимов, как самоед и хамниган (Жамсаранова, 2018: 87–96), что позволяет усматривать в далеких предках бурят и тунгусов древних самодийцев.

В-третьих, возможно предположить, что зафиксированный китайскими хронистами оним Бома трансформировался со временем в собственно этноним, а именно – политоним Пегая Орда. Попутно отметим наличие просторечного онима как пяки, что, возможно, является ранней формой позднего онима Пегая Орда периода монголов. Возможность подобного сравнения обусловлена следующими соображениями, обусловленными записками С. В. Максимова XIX в., оставившего сведения о народах, населяющих восток России. С. В. Максимов описывает самогиров, гольдов, тазов, манегров и другие мелкие племена побережья Амура как племена с рыбопромысловым типом хозяйствования. По-видимому, следует их сопоставить с поколениями хэцжэ, фякэ, элунчунь, которые «назад тому за полтора века известны были под общим китайским названием юй-пъхи-да-цзы, что значит „рыбокожие инородцы“. Н. Я. Бичурин относит их к так называемым тунгусским поколениям, обитавшим от Уссури на восток и платившим ясак соболями. Так китайцы называли их потому, что сии дикари носили одеяние из рыбьих кож. Впрочем, они кроме рыбьих кож и ныне употребляют и собачьи, и оленьи кожи» (см.: Бичурин, 2002: 230), что дает основание полагать об их и совсем не тунгусо-маньчжурском этноязыковом начале, возможно и кетское, и самодийское, что обусловлено общностью их типа хозяйствования. Описанные Максимовым самогиры, как и название тунгусского рода Шамагир, могут быть теми самодийцами (вследствие общей основы *сам-*, которую возможно сопоставить с известным всем *самоядь*, или *сомаедь*), т. е. самоедоязычными племенами, «оставшимися» в этнической среде поздних хори-бурят как хамниган(ы). Попутно заметим о наличии одного любопытного мнения, а именно, что в финском языке значение «племя» передается как *Näme*, *Nämeläiset* (тавасты), которое в древнерусском языке передавалось как экзонимное «емь (емь) или Гамская земля». Местонахождение еми с древних времен известно – это *Nämeenmeie* (Гамская земля), т. е. Тавастланд в Финляндии, пишет известный ученый-историк А. И. Попов, ссылаясь на мнение И. А. Шёгрена, изложенной в статье «О местах прежнего обитания еми» 1832 г. (см.: Попов, 1973: 87). В связи с этим возникает вопрос о дальнейшем детальном изучении такого соционима/политонима, как самоедь, а также и саам(ы), которое, вероятно, связано с древним этнонимом емь.

Упоминаемое название приамурских *фякэ* любопытно связать с этнонимом ненцев (северно-самодийского народа) *пьяк(и)*. Пьяк(ами) именуют в современном ненецком языке группу так называемых лесных ненцев. Вероятно, также можно связать с упомянутым Н. Я. Бичуриным онима «бице-бике» как транслитерированное *фякэ* или *пьяк(и)* как один и тот же экзоним, записанный китайскими хронистами. Подобное сопоставление возможно хотя бы предварительно. О самоедоязычности ранних хори-бурят может свидетельствовать описанное большое число селькупских и ненецких, а также нганасанских имен в исторической антропониимии хори-бурят (Словарь, 2022), обусловленное самоедоязычным топонимическим субстратом Восточного Забайкалья в том числе.

Другими словами, можно определить предварительную гипотезу об этноязыковой принадлежности какой-то части средневековых Бома как прежде всего самоедоязычную. При этом, напомним, что мы учитываем как «возраст» онима, так и пространственные характеристики онима. В нашей попытке корреляции позднего онима Пегая Орда как «Большого Лося сильный народ» с ранним Бома «пеголошадными» мы стремимся не к какому-то простому сопоставлению данных онимов, а прежде всего описать моменты исторического функционирования онима, включая и трансформации концептуального значения данных онимов. Оказалось, что сближает эти два онима с третьими онимами (топонимами Айралжан-Хатан, Алханай) именно их глубинное, концептуальное значение.

Лингвистически это корреляция апеллативов *пьякэ* ~ *пьяк* ‘лось’ /сельк./ (этноним «Большого Лося сильный народ») / *пьяк(и)* или *фякэ* «лесные ненцы» / <йелочжи>/<элочжи> (*кит. транслитер.*) / *хэла* (или *хэцы*) (по Кюнеру) / <йылан>/<алаты>/<алааты> (*кит. транслитер.*)/<алайии суц. ‘Алаец (человек из юкагирского племени алайии)’> /юк.). Затем посредством уже каких-то тюркских или монгольских языков (как и каких-то тунгусо-маньчжурских) «меняется» лексически этот же оним до алха «пестрый, пегий» /тюрк./; /ма./ до бурятского алаг ‘I 1. полосатый, белобокий, пегий (о масти)’ /бур./: ал шара ‘уст. красно-желтый’, которое синонимично бурятскому эреэн/эрэ(л)дж <эреэ(н) – ‘пёстрый’ /бур./ . Лексемы монгольских языков эреэн/эрэ(л)дж <эреэ(н) – ‘пёстрый’ /бур./, алаг; эрээн ‘пёстрота’ /мо./ /1. цоохор, тарлан, эрээн ‘пёстрый’ /мо./ сопоставимы с селькупским атрибутивом *пягэрал* ~ *пягэрэл* ~ *пягры* ~ *пакра* ‘пятнистый, пестрый’ /сельк./ в плане семантики.

В аспекте онимии возможен следующий ряд: 𐰽𐰺𐰍-𐰽𐰺 [bo-ma] ‘пегая (пятнистая) лошадь’ – Олхонүүд (название племени у монголов от мо. алаг (морь) «пегая лошадь»¹) – Пегая Орда – государство Хэцы/Хэла (в *кит. передаче*) – Алат(ы) /тюрк./ – Алайи /юк./ – Хуацай (геноним хори-бурят). Предполагаем, что условно тюркоязычное, или же маньчжурское, именование некоего народа как ала-ат (т. е. алаты) это то же самое, что и геноним Олхонүүд монголов, которое в свою очередь то же самое, что китайское 𐰽𐰺-𐰽𐰺 Бома «пеголошадные». А также вышеупомянутые экзонимы *йелочжи*>/<элочжи> (*кит. транслитер.*) это, по сути, тюркско-маньчжурское алаг (ала-ат), или алха.

Такие этнотопонимы, как оронимы Алханай и Айралжан-Хатан (Титовская сопка) (название горы в пригороде Читы), образованы от тюрко-маньчжурского Ала-ат, т. е. «пестро-, пеголошадные» племена.

Наиболее близко по значению к понятию «пеголошадный»/«пестролошадный» это значение генонима хори-бурят – Хуацай или Хоацай, которое мы трактуем как имя собственное предводителя рода или племени, могло быть Хуа(а)-Уха(а)- (что, в принципе, семантически одно и то же. – Р. Ж.) с добавлением китайской лексемы -цзя, означающей гражданский титул предводителя в китайской транскрипции, – Хуа-цзя «каурий (саврасый) конь-цзя». Позже в бурятском языке финальное -цзя трансформировалось в -сэ (*письм.* -сай). Сочетание -цз’-

¹ Следует учитывать историческую «давность» этнонимов, часто искаженных при транслитерации посредством третьих языков, что отражается в морфологии онимов.

китайского языка передалось как устное бурятское -с-, переднеязычная -я- – в заднеязычное бурятское -э. Письменный вариант китайского -цзя в современном бурятском отразился в форме -сай > -сэ (уст.). В итоге записаны формы Хоацай (по Б. О. Долгих, 1962: 332), Хуацай (по документам ГАЗК). По поводу финали -цай генонима Хуацай мы полагаем, что -цай – это трансформированное -цзя. Известно, что цзя – это некий титул предводителя «северных варваров». Н. В. Кюннер пишет, что у северных варваров фуюй «чиновников называют по шести видам скота. Имеются лошадь-цзя, бык-цзя, боров-цзя, собака-цзя, собака-ши» (Кюннер, 1961: 228).

По поводу финали -цзя экзонимов типа хуба-цзя возможно с осторожностью предположить о том, что это лексический рефлекс оригинального китайского 家 [цы] ‘род’ (см.: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%AE%B6>), что позволяет понимать, к примеру, хуба-цзя как переводной вариант «аборигенных» этнонимов типа «лошадь-цзя, бык-цзя, боров-цзя, собака-цзя». В итоге возможно сопоставить финаль экзонимного хэ-цы с финалью экзонимов лошадь-цзя, бык-цзя, боров-цзя, собака-цзя, т. е. «род лошади», «род быка», «род борова» (?), «род собаки». Данный иероглиф 家 имеется в словах «1) семья, семейство; род; дом, двор (как семья); дома, в семье; домой; семейный, фамильный; 4) свой дом, своя семья; родные места; родной; мой (обычно о родственниках, чаще о старших); 5) родня, родственники; самый родной человек; муж; жена», что коррелирует с основным значением/понятием данного иероглифа – 家 [цы] ‘род’. Однако при этом остается неясным значение китайского экзонима хэ- онима хэ-цы, а также то, каким образом хэ-цы соотносится с хэ-ла.

Ранее мы уже предположили, что первоначально лексическая форма позднего генонима Хуацай как Киасей² могла быть šəŋ ‘люди, народ’ + æssə /сельк. кет. д./ ‘отец’ (Жамсаранова, 2009: 62). И вот почему. Боевым кличем у некоторых родов хори-бурят – Бодонгут, Батанай, Хальбин, Саган – считают восклицание шиу-а-о/шиуу-а, непередаваемое с монгольских языков. Возможно, что боевой клич обнаруживает лексическую связь с былым самоназванием šəŋ ‘люди, народ’, которое в транскрипции сопоставимо с боевым кличем чиэнг [tʃiæŋ]. Почему бы не предположить, что в качестве боевого клича племя использовало свое самоназвание, которое со временем, утратив свое исконное значение, тем не менее осталось у поздних родоплеменных сообществ? Во всяком случае бурятское шиу-а-о по звучанию близко к этнонимному šəŋ [tʃiæŋ]. На основании этих сопоставлений геноним Хуацай можно считать одним из древних этнонимных названий Северной Азии, что, естественно, не исключает и появления вторичного семантического плана этого названия.

Вторичное значение могло появиться на базе версии Ц. Б. Цыдендамбаева о тюркоязычном происхождении генонима Хуацай, а именно, что «в тюркских языках употребительно слово „куба“ в значении „светлый, светло-серый“, которое в якутском языке значит и „лебедь“» (см.: Цыдендамбаев, 2001: 151). Если следовать гипотезе Ц. Б. Цыдендамбаева, которая связывает этимологию генонима Хуацай с именованнием масти коня, то в древнетюркском словаре находим *guba* ~ *хуба* – ‘цвет между красным и желтым; *guba at* – ‘светло-бурая (~саврасая) лошадь’. Очевидно лексико-семантическое совпадение древнетюркского *guba* с бурятским хуаа ‘песочного цвета, каурый (о масти лошади)’ или ухаа ‘каурый (о масти); светло-каштановый (о цвете)’. Не исключено, что в структуре онима произошедшие трансформации обусловили «потерю» интервокального -б- онима Хуба-цзя ‘конь саврасый-цзя’ (д.-тюрк.) и «появление» Хуа-цзя. По своему значению оним Хуа-цзя совпадает с *guba* ~ *хуба* – ‘цвет между красным и желтым /д.-тюрк./, синонимично *ухаасай* ‘каурый’ /бур./. Заметим, что в бурятском языке слова хуаа и ухаа ‘каурый, светлорыжий – о коне’ представляют собой синонимы. При

² В документах Г. Ф. Миллера название Хуацай передано как Киасей (Коацейский, Коацайский), который в 1723 г. насчитывал 240 душ ясачных инородцев. У Б. О. Долгих также дано как Киасей/Коацейский/Коацайский (Долгих, 1962: 331).

этом проявляется явление метатезы в лексической форме синонимов, однако восходят, как и все другие лексемы монгольских языков именованию масти коня, к древнетюркской праформе *guba* ~ *хуба* (Рассадин, 1982: 41–42). Семантическое тождество бурятских атрибутивов *хуаа* и *ухаа* подтверждается и нашими полевыми материалами, в которых название Хуацай записано как Ухаасэ (Ухаасай)³. Из полевых записей очевидно, что у бурят неразличимы понятия «саврасый» и «каурый» как масти коня.

Если учитывать то, что народ Бома обитал и на территориях, которые сейчас относятся к ойкумене бурят, связывая протобурят с Бома, Алакчин и олхонутами (а также поздней Пегой Ордой монголов), то выявляется возможность связи ранних Бома и Пегой Орды с поздней Пегой Ордой под предводительством селькупского князька Вони, границы которой сместились намного к западу, вплоть до Западной Сибири, согласно картам XVII в.

Учитывая описанные селькупско-бурятские лексические соответствия, мы полагаем, что эти Бома (сосуществовавшие с китайцами. – Р. Ж.) действительно были самодийцами. Прежде всего, северно-самодийцами, утратившими к VII–VIII вв. оленеводство и начавшими переход к скотоводству, органично вливаясь в орбиту монгольского мира. Однако и селькупы как южно-самодийское племя также составили основу части хори-бурятских родов. Причем через «посредство» такого экзонима, как хамниган(е), под которыми разные исследователи «подозревают» разные этносы, этнические группы. Мы же в свою очередь судим прежде всего о самоедах, «превратившихся» в хамниган, основываясь на лексических соответствиях селькупского и бурятского языков.

В китайском сочинении «Вэньсяньтункао» говорится о том, что народ туцзюэ называют бома хэла или хэцы, а их государство – Хэла/Хэцы. Страны их близки к Северному морю (Байкалу) (Кюннер, 1961: 52). Территориально это совпадает с расселением собственно хори-бурят, одним из многочисленных родов которых и считается род Хуацай. Обращает на себя внимание одно из приведенных названий народа бома – хэцы. Не может ли быть название хэцы аналогом бурятского генонима Хуацай?

В ненецком языке самоназванием является древнее хасово (хасава /нен./ ‘1. мужчина. 3) восточный ненец (самоназвание)’), тогда как современное именование – ненэй/ненэче, нещанг. Устаревшие названия – экзонимы, т. е. так называли эти племена соседние с ними народы, это самоеды, юраки. Так, в ненецко-русском словаре Н. М. Терещенко мы обнаружили, помимо ряда лексем с основой хас-, и апеллятивное хасё ‘1. образн. мужчина; 2. (с прописной) Хасё (имя собств. мужск.)’ (НРС, 1965: 757), от которого, вероятно, и могло «образоваться» родовое название Хуацай, или Хоацай, через личное имя ХАСАЕВЪ (исходное ХАСА). Вероятно, что данное имя представляет собой исторический антропоним, впоследствии возможно и эпоним, так как именно от данного имени, значением которого является ненецкое «мужчина», впоследствии апеллятив со значением «человек» перешло в статус сначала эпонима, а впоследствии – поздней формой генонима Хоацай или Хуацай. Известно, что при переходе с одного языка на другой в условиях билингвизма наиболее устойчивой является архаичная лексика, к которой можно отнести и родоплеменные названия. Поэтому предположительно некогда бывшее самоназвание бывших самодийцев как Хасё «пережило» передачу посредством разных языков. Когда наименование рода или племени «используется» разными народами посредством разных языков, оно поневоле становится то экзонимом, то этнонимом. Поэтому этнонимное, к примеру, Хасё, превратившись со временем в экзоним, т. е. именование соседнего рода или племени неким иным народам, например, тем же маньчжурам или монголам эпохи Цинь, вынуждено было «приспособиться» к языковым нормам автохтонного населения. Как правило, из-за этих условий чрезвычайно сложно реконструировать исходную морфоло-

³ Устное сообщение Будаевой Лыгжит, 1907 г.р., из рода Ухаасэ (Барун-Хуацай), проживавшей в Хилокском районе, ст. Бада (ПМА, 1992).

гию, а заодно и значение как этнонима, так и экзонима. Экзоним со временем, как это часто бывает в истории, стал именованием уже изменившегося этноса, «приобретая» при этом и так называемый вторичный план значения, помимо своего исконного значения. Мы уже писали о том, что этнонимы и экзонимы имеют два плана значения – собственное («вторичное») значение и до-этнонимное значение (Жамсаранова, 2014: 42–51). Как правило, до-этнонимное значение со временем в сознании человека/народа утрачивается, «стирается», так как исчезает язык, из лексики которого и появилось данное имя или название. В условиях уже иного языкового сознания «образуется» другое значение – собственное или вторичное.

В плане этимологии экзонимное Хуацай/Ухаасэ возникло позже, чем собственно этноним Киасей от *šeñ* ‘люди, народ’ древнего самоназвания палеоазиатов-енисейцев⁴. Затем оно стало обозначать родовое объединение уже иного по своей языковой принадлежности народа, имеющего этническую связь с самодийцами в своем историческом прошлом. И, по-видимому, именно от такого имени личного, как ненецкое Хасё, и появилось «новое» Хуацай. Посредством маньчжурского языка образовалось финальное -цай от китайского -цзя. Основа родоплеменного имени хуа- «образовалась» в условиях тюркоязычности автохтонов, т. е. посредством какого-либо тюркского, вероятно якутского, или южно-сибирских языков как перестройка формы в угоду меняющегося значения именованного. Добавим, что в своде до-тибет-монгольских имен рода Хуацай, а именно Зунь-Хуацай, обнаружились личные имена ХОСЫ; ХОЦОНА⁵ (Словарь, 2022: 243–244), которые возможно сравнить с ненецким Хасё.

Таким образом, до-этнонимное значение онима, выражающее самоназвание племени времен древних палеоазиатов (кетов или юкагиров), в следующую эпоху – тюркскую – приобрело вторичную семантику, связанную с обозначением уже масти коня. Трансформации значения онима органично связаны и с эпохой той этнической единицы, языковое пространство которой он обслуживает, а также со временем своей функциональной значимости. В последующие времена оним «остался» только как геноним Хуацай/Хоацай уже монголоязычных бурят, потеряв, естественно, свое исходное значение, как и форму. Исследование до-тибет-монгольских личных имен бурят рода Зунь-Хуацай позволило доказательно постулировать ненецкое начало генонима от апеллатива хасё «мужчина», т. е. «человек».

Немаловажны и этнографические сведения о ценности понятия «пёстрый» у бурят вообще. В фольклорных текстах бурят понятие «пестрый» транслируется посредством ряда зооморфных образов. В фольклоре эхиритов⁶ имеется мотив первопредка пестрой рыбы-налима, в фольклоре тункинских бурят функционально значим мотив пестрого пороза-быка как первопредка. При этом следует также иметь в виду, что рыба-тотем – тотем самодоязычных селькупов, в частности именно налим⁷, отличающийся «пестротой» окраса, т. е. на боках рыбы имеются светлые округлые пятна на сером или буром фоне основного окраса. Бык-тотем – тотем тюркоязычных народов, распространенный у многих сибирских тюрков. У тункинских бурят тотемным первопредком является бык-пороз – Буха-Нойон.

Таким образом, исследованный семантический потенциал средневековых этнонимов, сохранившихся посредством китайских хроник, обнаруживает понятийную «премственность», лексическую «изменяемость» или вариативность с учетом передачи посредством разных одного и того же концептуального значения в разные эпохи. Корреляция семантики исторических онимов позволяет связать в единое этноязыковое сообщество поздних хори-бурят че-

⁴ В юкагирско-русском словаре имеется лексема чии «люди» (С. 549), схожая с самоназванием енисейцев *šeñ* ‘люди, народ’.

⁵ Есть и другие имена: Хаши, Хашинь, Хоши, Хошихоев, Хошиев, Хошкеев, Хошияхай – всего 32 единицы личных имен с антропоосновой хаш-/хош-. В ауслауте -с обычно «переходит» в -ш или в -ц в бурятском языке.

⁶ Эхирит(ы) – название одной из двух групп западных бурят.

⁷ Имеется подвид у рода Хальбин хори-бурят – Гутаар-Хальбин, где гутаар ‘налим’ (бур.).

рез геноним Хуацай/Хоацай с Пегой Ордой, Олхонүүд эпохи монголов, страной Алакчин времен господства тюрков как бывших кето- и самоедоязычных племен далекого исторического прошлого монгольской ойкумены.

Литература:

- Бичурин Н. Я.** (Иакинф). Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1950. 381 с.
- Бичурин Н. Я.** Статистическое описание Маньчжурии, Монголии, Восточного Тюркистана и Тибета // Статистическое описание Китайской империи: в 2 ч. М.: Вост. дом, 2002. 464 с.
- Буряад-ород словарь = Бурятско-русский словарь (БРС)** / сост. К. М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.
- Государственный архив Забайкальского края.** Ф. 55, оп. 2, д. 4. 1107 л. Кужертаевская: налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в думу. Ведомости об оспопрививании, состоянии хлебозапасных магазинов, взыскание долгов. Материалы по уголовным преступлениям.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II. 448 с.
- Гумилев Л. Н.** Древние тюрки. М., Л.: Наука, 1967. 512 с.
- Гумилев Л. Н.** Древние тюрки. СПб.: СЗКЭО: Кристалл, 2003. 576 с.
- Гумилев Л. Н.** Хунну. М.: Наука, 1960. 260 с.
- Гурулев С. А.** Что в имени твоём, Байкал? 2-е изд., перераб. и доп. / ответ. ред. Л. Д. Шагдаров. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. 168 с.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. // [соч.] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп. / изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903–1911.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 622 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование. Чита: РИК ЧитГУ, 2009. 228 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита: Экспресс-издательство, 2013. 288 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Онимы Нелюдский острог (Нерчинский острог), Никанское царство и государство Гоу-Го в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2014. № 2 (4). С. 42–51.
- Жамсаранова Р. Г.** Экзонимно-этнонимные названия самоед и хамниган // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3 (21). С. 87–96.
- Зуев Ю. А.** Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, яньмо, гуй) // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 104–122.
- Зуев Ю. А.** Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Илюшенко С. И.** К вопросу о нахождении и культурной принадлежности алатов во второй половине I тыс. н. э. // Древний и средневековый Восток. М.: Наука, 1985. Ч. 1. С. 127–138.
- Илюшин А. М.** Страна Бома. Миф или реальность? // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2007. С. 109–113. <https://cyberleninka.ru/article/n/strana-boma-mif-ili-realnost/viewer> (дата обращения: 20.10.2021).
- Китайско-русский словарь (КРС)** / под ред. Ся Чун И. Пекин: Изд-во Ун-та иностр. языков г. Шанхая, 1992. 1250 с.
- Козин С. А.** Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 318 с.
- Кюннер Н. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 390 с.
- Максимов С. В.** На Восток / Собр. соч. Ч. II. СПб., 1909. 3-е изд. 360 с.
- Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.
- Монгол-орос толь = Монгольско-русский словарь (МРС)** / под общ. ред. Лувсандэндэва. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 715 с.
- Ненецко-русский словарь** / сост. Н. М. Терещенко. М.: Советская энциклопедия, 1965. 942 с.
- Пелих Г. И.** Материалы по селькупскому шаманизму // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
- Попов А. И.** Названия народов СССР: Введение в этнонимистику. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 172 с.
- Рассадин В. И.** Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

- Савинов Д. Г.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. 215 с.
- Савинов Д. Г.** Основные этапы этнической истории алатов // Историческая этнография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 30–37.
- Селезнёв А. Г.** Алат и йылан (историко-этнографический этюд) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (этнография). Омск: ОГУ, 1992. С. 28–32.
- Селезнёв А. Г.** Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Селькупско-русский диалектный словарь (СРДС)** / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
- Словарь исторической антропоники хори-бурят** / Р. Г. Жамсаранова, В. И. Алтаева, З. Д. Бардаханова; науч. ред. Р. Г. Жамсаранова. Чебоксары: Среда, 2022. 332 с.
- Сундуева Е. В.** Топонимия Ольхона и Приольхонья (семантика онимических основ). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 128 с.
- Ушницкий В.** Загадка племени бома // Северо-восток России на рубеже XIX–XX веков: власть и общество: материалы Всероссийской научно-практ. конф. с межд. участием, посв. 150-летию со дня рождения губернатора Якутской области И. И. Крафта (20 мая 2011 г.). Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2012. 185 с. С. 103–109.
- Ушницкий В.** К вопросу о прибайкальской локализации племени бома-алаты (по сведениям китайских источников) // Проблемы востоковедения. 2015. № 4 (70). С. 45–48.
- Харинский А. В.** Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2001. 199 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.** Бурятские исторические хроники и родословные как источники по истории бурят. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. 256 с.
- Чиндина Л. А.** Пегая орда – большого лося сильный народ // Вестник Томского государственного университета. История, 2013. № 3 (23). С. 91–96.
- Юкагирско-русский словарь (ЮРС)** / автор-сост. Г. Н. Курилов. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- Comprehensive Dictionary of Ket. Vol. 1 / Edited by Elizaveta Kotorova, Andrey Nefedov, 2015 / Большой словарь кетского языка. Т. 1. LINCOM GmbH. Published by LINCOM GmbH. 2015. Muenchen.

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна.

Доктор филологических наук, доцент, профессор.

Забайкальский государственный университет.

Ул. Александрово-Заводская, 30, Чита, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28 мая 2023 г.

R. G. Zhamsaranova

PEGAYA (MOTLEY) HORDE OR BOMA: THE SEMANTICS OF ONYM AND THE CONCEPTUAL MEANING

The article is devoted to another attempt to determine the ethnolinguistic affiliation of one of the most enigmatic polytonyms of pre-Russian Siberia – Pegaya Horde as a name for the entire population of a given territory, without taking into account their ethnic, linguistic, and cultural identity. Under the politonym, Pegaya Horde all nomadic peoples of Siberia were united in the post-Mongol era. In the pre-Mongol (or Mongol) era, Chinese chronicles recorded the polytonym Boma “skewbald” (騃马 [bo-ma] 'skewbald (spotted) horse') or Alakchin (as well as Alats) as the name of a particular tribe that had skewbald (different, motley) horses. If the first part of the socionym Pegaya Horde is conceptually connected with Boma, Alakchin, Alats, and the Olkhonud tribe of Mongols, the base of which is connected with the Altaic appellative alag / alha 'motley, piebald,' then the second part of the socionym – Horde, is connected with the Mongolian ard 'l. arat, worker; people; ard tumen *parn.* people'. The mysterious Boma's localization corresponds to the Mongol ecumene area, which geographically coincides with the northeastern part of the modern Transbaikalian territory, including the northern areas of China – Manchuria, Khulunbuir and Hailar. An analysis of the meaning of these onyms, usually associated with Mongol ecumenism, allowed us to assume that the Olkhonyyd onym of the Mongols, as well as Boma, Alakchin and Alat ('s), have a Samoyedic origin. Note that the term "motley" is ethnographically embedded in key images of the Buryat-Mongol world. In addition, we have compared the synonymous Boma onym as *hetsy* (or *khela*),

recorded by Chinese chroniclers as another name for the Boma people, with the genonym Huatsai / Hoatsai Khor-Buryat. The genonym Huatsai / Hoatsai as the name of one of the largest clans of the eastern group of the Buryats – the Khor-Buryats – has a similar meaning to the anthroponym KHASAEV, which was recorded in the census of the indigenous people of the Irkutsk province of Aginsky Steppe Duma for 1830 and is the personal name of the Buryats of the Huatsai clan. We compare the name KHASAEV (in the name of KHASA) in the Buryat census for 1830 with the Nenets Khasyo, but without excluding the possibility of comparing this historical anthroponym with the proper name of the Nenets – Khasava '1) male; khasava Ытсеky boy'; hasava nu 'son.' Further analysis of this personal name KHASAEV made it possible to compare its meaning with the Nenets hasho '1. figurative man; 2. (with a capital) Hasyo (masculine proper name)', which suggests to us that the genonym Huatsai was formed from this name, which was once an eponym. The Samoyedic-speaking beginning (and some Ket-speaking tribes) is observed in the genonymy of the Khor-Buryats and Tungus of Gantimur in the Nerchinsk district of the 17th–19th centuries as the autochthonous population of the historical Dauria of the Russian period in the history of Eastern Transbaikalia. Based on the onomasiological approach, the method of conceptual metaphor as an effective method, coupled with the method of conceptual metonymy, was constructive and allowed to describe the pre-ethnonymic and self-ethnonymic meanings of historicalonyms in the projection of nomadism, which have a self-descriptive (including Ket) ethnolinguistic origin.

Keywords: Boma, Pegaya Horde, Alakchin, Olkhonyy of the Mongols, Chinese hetsy, genonym Huatsai / Hoatsai Khor-Buryat, revisionary narratives of 1830, piebald, Samoyedic-speaking tribes, “motley”

References:

- Bichurin N. Ya.** (Iakin). Sbranie svedenij o narodah obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena. [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Vol. 1. M.; L.: Nauka, 1950. 381 p. (in Russian).
- Bichurin N. Ya.** Statisticheskoe opisanie Man'chzhurii, Mongolii, Vostochnogo Tyurkistana i Tibeta. [Statistical description of Manchuria, Mongolia, Eastern Turkistan and Tibet]. Statisticheskoe opisanie Kitajskoj imperii: V 2-h ch. M.: Vost. Dom, 2002. 464 p. (in Russian).
- Buryad-orod slovar' = Buryatsko-russkij slovar' (BRS)** [Buryad-Russian Dictionary]. / sost. K. M. Chermisov. M.: Sov. encikl., 1973. 804 p. (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Zabajkal'skogo kraja.** F. 55, op. 2, d. 4. 1107 l. Kuzhertaevskaya: nalogovye dokumenty. **Svedeniya o rodishih i umershih.** Materialy ob izbranii zasedatelej v dumu. Vedomosti ob ospoprivnii, sostoyanii hlebozapasnyh magazinov, vzyskanie dolgov. Materialy po ugovnym prestupleniyam. [Kuzhertaevskaya: tax documents. Information about births and deaths. Materials on the election of assessors to the Duma. Newsletters about smallpox vaccination, the state of grain stores, debt collection. Materials on criminal offenses].
- Grumm-Grzhimajlo G. E. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskij kraj. [Western Mongolia and Uryankhai region]. L., 1926. Vol. 2. 448 p. (in Russian).
- Gumilev L. N.** Drevnie tyurki. [The ancient Turks]. M.; L.: Nauka, 1967. 512 p. (in Russian).
- Gumilev L. N.** Hunnu. [Hunnu]. M.: Nauka, 1960. 260 p. (in Russian).
- Gurulev S. A.** Chto v imeni tvoem, Bajkal? [What's in your name, Baikal?]. 2-e izd. pererab. i dop. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1991. 168 p. (in Russian).
- Dal' V. I.** Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: v 4 t. Vol. 1–4. Sankt-Peterburg; Moskva: t-vo M. O. Vol'f, 1903–1911. (in Russian).
- Dolgi B. O.** Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke [Clans and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. / B.O. Dolgi. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. 622 s. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G.** Etnonimy i genonimy hori-buryat: lingvo-istoricheskoe issledovanie [Ethnonyms and genonyms of the Khor-Buryats: a linguo-historical study]. Chita: RIK ChitGU, 2009. 228 p. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G.** Konceptosfera srednevekovoj mongol'skoj etnonimii [Conceptual sphere of Mongol ethnonymy]. Chita: Ekspress-izdatel'stvo, 2013. 288 p. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G.** Onimy Nelyudskij ostrog (Nerchinskij ostrog), Nikanskoe carstvo i gosudarstvo Gou-Go v aspekte civilizacionnyh processov Severnoj Azii [Onims Nelyudsky Ostrog (Nerchinsky Ostrog), the Nikan Kingdom and the State of Go-Go in the Aspect of Civilizational Processes of North Asia] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2014. No 2 (4). P. 42–51. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G.** Ekzonimno-etnonimnye nazvaniya samoed i hamnigan [Exonymous (alloethnonimic)-ethnonymous names Samoyed and Hamnigan] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2018. No 3(21). P. 87–96. (in Russian).

- Slovar' istoricheskoy antroponimii hori-buryat** [Dictionary of historical anthroponimic system of Khor-Buryats]. / Zhamsaranova R. G., Altaeva V. I., Bardahanova Z. D. / nauch. red. R. G. Zhamsaranova. Cheboksary: OOO «Sreda». 332 p. (in Russian).
- Zuev Yu. A.** Iz drevnetyurkskoj etnonimiki po kitajskim istochnikam (boma, yan'mo, gui) [From ancient Turkic ethnonyms according to Chinese sources (Boma, Yanmo, Gui)]. // Tr. IIAE AN KazSSR. Vol. 15. Alma-Ata, 1962. P. 104–122 (in Russian).
- Zuev Yu. A.** Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii. [The Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty: Dajk-Press, 2002. 338 p. (in Russian).
- Ilyushenko S. I.** K voprosu o nahozhdenii i kul'turnoj prinadlezhnosti alatov vo vtoroj polovine I tys. n.e. [On the question of the location and cultural affiliation of the Alats in the second half of the 1st millennium AD] // Drevnij i srednevekovyj Vostok. M.: Nauka, 1985. Ch. 1. P. 127–138 (in Russian).
- Ilyushin A. M.** Strana Boma. Mif ili real'nost'? [Boma country. Myth or reality?]. // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2007. P. 109–113. (in Russian).
- Kitajsko-russkij slovar' (KRS)** [Chinese-Russian Dictionary]. / pod red. Sya CHun I. Pekin: Izd-vo Un-ta inostr. yazykov g. Shan'hai, 1992. 1250 p. (in Russian).
- Kozin S. A.** Sokrovennoe skazanie mongolov [The Secret History of the Mongols]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1990. 318 p. (in Russian).
- Kyuner N. V.** Kitajskie izvestiya o narodah YUzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka [Chinese news about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East]. M., 1961. 390 p. (in Russian).
- Maksimov S. V.** Na Vostok [To the East]. / Sobr. soch. Ch. 2. SPb., 1909. 3-e izd. 360 p. (in Russian).
- Malyavkin A. G.** Tanskije hroniki o gosudarstvakh Central'noj Azii. Teksty issledovaniya [Tang chronicles about the states of Central Asia. Study texts]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 432 p. (in Russian).
- Mongol-oros tol' = Mongol'sko-russkij slovar' (MRS)** [Mongol-Russian Dictionary]. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovaroj, 1957. 715 p. (in Russian).
- Nenecko-russkij slovar'** [Nenets-Russian Dictionary]. / sost. N. M. Tereshchenko. M.: Sov. encikl., 1965. 942 p. (in Russian).
- Popov A. I.** Nazvaniya narodov SSSR: Vvedeniye v etnonimiku [Ethnonimic names of the peoples of the USSR; Introduction into the ethnonimic system]. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1973. 172 p. (in Russian).
- Pel'ih G. I.** Materialy po sel'kupskomu shamanizmu [Materials on Selkup shamanism] // Etnografiya Severnoj Azii. Novosibirsk: Nauka, 1980. P. 5–70. (in Russian).
- Rassadin V. I.** Ocherki po istoricheskoy fonetike buryatskogo yazyka [Essays on historical phonetics of the Buryat language]. M.: Nauka, 1982. 199 p. (in Russian).
- Savinov D. G.** Gosudarstva i kul'turogenez na territorii YUzhnoj Sibiri v epohu rannego srednevekov'ya. [States and cultural genesis on the territory of Southern Siberia in the early Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994. 215 p. (in Russian).
- Savinov D. G.** Osnovnye etapy etnicheskoy istorii alatov [The main stages of the ethnic history of the Alats] // Istoričeskaya etnografiya. L.: Izd-vo LGU, 1985. P. 30–37. (in Russian).
- Seleznyov A. G.** Alat i jylan (istoriko-etnograficheskij etyud) [Alat and jylan (historical and ethnographic study)] // Et-nicheskaya istoriya tyurkskih narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij (etnografiya). Omsk: OGU, 1992. P. 28–32. (in Russian).
- Seleznyov A. G.** Barabinskie tatary: istoki etnosa i kul'tury [Baraba Tatars: origins of ethnos and culture]. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (in Russian).
- Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' (SRDS)** [Selkup-Russian Dictionary]. / pod red. prof. V.V. Bykonya. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2005. 348 p. (in Russian).
- Sundueva E. V.** Toponimiya Ol'hona i Priol'hon'ya (semantika onimicheskikh osnov) [Toponymy of Olkhon and Olkhon region (semantics of onymic bases)]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2010. 128 p. (in Russian).
- Ushnickij V.** Zagadka plemeni Boma [Boma Tribe Mystery] // Severo-vostok Rossii na rubezhe XIX–XX vekov: vlast' i obshchestvo: materialy Vserossijskoj nauchno-prakt. konferenc. s mezhd. uchastiem, posv. 150-letiyu so dnya rozhdeniya gubernatora YAKutskoj oblasti I. I. Krafft (20 maya 2011 g.). Yakutsk: Izd-vo IGLIPMNS SO RAN, 2012. P. 103–109. (in Russian).
- Ushnickij V.** K voprosu o pribajkal'skoj lokalizacii plemeni boma-alaty (po svedeniyam kitajskih istochnikov) [On the issue of the Baikal localization of the Boma-Alaty tribe (according to Chinese sources)] // Problemy vostokovedeniya. 2015. No 4 (70). P. 45–48. (in Russian).
- Harinskij A. V.** Predbajkal'e v kon. I tys.do n.e. – ser. II tys.n.e.: genezis kul'tur i ih periodizaciya. [Cisbaikalia in con. I millennium BC – mid. II millennium AD: the genesis of cultures and their periodization]. Irkutsk, Izd-vo IGTU, 2001. 199 p. (in Russian).

Cydendambaev C. B. Buryatskie istoricheskie hroniki i rodoslovnye kak istochniki po istorii buryat [Buryat historical chronicles and genealogies as sources on the history of the Buryats]. Ulan-Ude: OAO «Respublikanskaya tipografiya», 2001. 256 p. (in Russian).

Chindina L. A. Pegaya orda – bol'shogo losya sil'nyj narod [Motley horde - big elk's strong people] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, 2013. No 3(23). P. 91–96. (in Russian).

Yukagirsko-russkij slovar' (YURS) [Yukagir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2001. 608 p. (in Russian).

Comprehensive Dictionary of Ket. Vol. 1. Muenchen: LINCOM GmbH, 2015. (in Russian).

Zhamsaranova Raisa Gandybalovna.

PhD of Philology, assistant professor, professor of the Chinese department.

Transbaikal State University.

Aleksandro-Zavodskaya st., 30, Chita, Russia, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru

М. В. Куцаева

НА ДЕРЕВНЮ НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ: К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИКАХ И ИДЕОЛОГИЯХ В ЧУВАШСКОЙ И МАРИЙСКОЙ ДИАСПОРАХ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

В статье на материале данных, полученных в результате проведения социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах Московского региона, рассматриваются языковые практики представителей этнических групп, проживающих в условиях внутренней диаспоры, демонстрирующих высокий уровень языковой лояльности и стремление сохранить этнический язык в качестве одного из ключевых маркеров этнической идентичности. Тем не менее уровень языковой лояльности респондентов не коррелирует со степенью сохранности языка, о чем свидетельствует низкая межпоколенческая передача этнического языка в выборках. Задача по трансмиссии языка детям закрепляется представителями диаспоры за этнической деревней. Особое место в работе отводится анализу языковых идеологий, лежащих в основе подобных языковых практик, и описанию механизма (не)передачи этнического языка, характерного для исследуемых сообществ в условиях города. Наиболее устойчивыми представляются идеология легитимности (аутентичности), «приковывающая» язык к определенной местности, в пределах которой проживают традиционные носители, и идеология анонимности, распространенная в урбанизированной среде и де факто предполагающая, независимо от этнической принадлежности говорящего, использование русского языка в качестве немаркированной лингвистической и социальной нормы. Определяющее значение в процессе непередачи этнического языка в диаспорной среде имеют стереотипы, устоявшиеся представления и убеждения в отношении изучаемых языков, а также отрицательный и травмирующий опыт, прослеживаемый в языковых биографиях опрошенных. Результаты обследований позволяют получить представление о языковой ситуации в чувашской и марийской деревне в диахронии и синхронии и свидетельствуют о том, что этническая деревня в настоящее время не способна справиться с возложенной на нее задачей по бесперебойной трансмиссии языка, поскольку языковой сдвиг затронул и традиционные компактные места проживания данных этнических групп. Автором делается вывод о необходимости пересмотра существующих в диаспорной среде языковых практик в целях выработки новых и более эффективных стратегий по передаче этнического языка, предполагающих – в случае представителей диаспоры – сознательную корректировку актуальных моделей речевого поведения в деревне, а также осознание собственной меры ответственности за передачу языка будущему поколению.

Ключевые слова: *марийский язык, чувашский язык, этнический язык, Московский регион, внутренняя диаспора, языковые практики, языковые идеологии, трансмиссия языка, языковой менеджмент, языковая политика, языковая ситуация, языковой сдвиг*

Введение

Чуваши и марийцы, автохтонное население Среднего Поволжья, в силу исторических причин проживают не только в Чувашии и Марий Эл, но и за пределами соответствующих республик, образуя старые диаспоры на территории других административных образований (например, марийская диаспора, проживающая в Башкортостане, Татарстане, Кировской, Свердловской областях, Пермском крае и др., чувашская диаспора – в Башкортостане, Татарстане, Ульяновской, Самарской, Пензенской областях и др.). Значительная часть чувашей и марийцев также проживает дисперсными группами, образуя новые внутренние диаспоры на территории Российской Федерации.

В 2014–2017 и 2019–2021 гг. автором проводились социолингвистические обследования в чувашской и марийской диаспорах Московского региона. Численность чувашей в Москве и области составляла на тот период 26 779 человек, марийцев – 4 655 человек (ВПН). Цель обследований заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. В соответствии с целью исследования был поставлен ряд задач, в частности, изучить актуальное использование этнического языка (сферы использования языка и распределение функций по когортам и поколениям), а также определить перспективы сохранения этнического языка в рамках интеграционных процессов в поликультурном про-

странстве Московского региона (Куцаева, 2020а: 7). Обе выборки являются репрезентативными (100 человек в чувашском обследовании, 106 человек – в марийском) и включили представителей первого поколения, которые переселились в Московский регион, и представителей второго поколения, которые родились в Московском регионе. Все опрошенные идентифицируют себя в качестве этнических чувашей или марийцев соответственно.

Этнический язык является одним из ключевых маркеров этнической идентичности в выборах наряду с «малой родиной» и «знанием традиций, обычаев своего народа» (Куцаева, 2020а: 183; 2020b: 126). Выделение языка в качестве *центральной ценности*, образующей с некоторыми другими определяющими компонентами сердцевину культуры группы, указывает на то, что члены группы рассматривают в том числе и язык в качестве основной преграды против ассимиляции. Поддержание своего языка и культуры в условиях мультикультурного общества позволяет группе сохранить устойчивые границы, в то время как его утрата приводит к размыванию границ группы и ее неспособности поддерживать в дальнейшем свою аутентичность (Smolicz, 1992: 278–280). Подавляющее большинство опрошенных в наших выборах демонстрирует высокую языковую лояльность (в частности, 55 % в чувашской выборке признают чувашский родным, 19 % – чувашский и русский (Куцаева, 2020а: 158); в марийском обследовании 81 % опрошенных указал марийский язык, 9 % – марийский и русский (Куцаева, 2020b: 128) и стремление сохранить этнический язык. Однако такие факторы, как урбанизация, глобализация и связанные с ними социальные и культурные расслоения, приводят к дисбалансу в соотношении престижа и мощи между миноритарным языком и культурой, с одной стороны, и языком (языками) более широкой коммуникации и доминантной культуры – с другой. Под влиянием этих факторов изменяются языковые практики, формируются стереотипы и негативные установки (социально незащищенное положение носителей миноритарных языков прочно ассоциируется с их языком и культурой, а знание таких языков, как полагают, становится препятствием на пути к социальному и экономическому развитию), что влечет за собой языковой сдвиг (Grenoble, 2011: 33–35). Другим фактором запуска механизма языкового сдвига являются миграции, способствующие формированию диаспор (Spolsky, 2021: 19). Очевидно, что проживание в условиях внутренней диаспоры в мегаполисе неизбежно влияет на языковые практики этнического сообщества, невзирая на манифестируемое его членами положительное отношение к своему языку.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть текущие языковые практики изучаемых этнических групп с опорой на теорию языковой политики, выдвинутой в (Spolsky, 2004) и получившей дальнейшую разработку в (Spolsky, 2009) и (Spolsky, 2021). Выбор языка осуществляется говорящими на базе регулируемых моделей, признанных языковым сообществом (или сообществами), членами которого они являются. В некоторых случаях подобный выбор является результатом *менеджмента*, отражающего сознательные и эксплицитные усилия языковых менеджеров по установлению контроля над выбором языка (Spolsky, 2009: 1). В данной работе, используя предложенную модель, которая включает три взаимосвязанных, однако независимо описываемых компонента: практики, убеждения, языковой менеджмент (Spolsky, 2004: 9–15), мы проведем анализ актуальных языковых практик и идеологий, характерных для представителей чувашской и марийской диаспор Московского региона и проявляющихся, в частности, в готовности перенести ответственность за передачу этнического языка следующему поколению на деревню.

Языковые практики и идеологии чувашей и марийцев, проживающих в Московском регионе

Языковые практики и связанный с ними выбор языка касаются того, «кто говорит на каком языке, с кем и когда в ситуациях, которые характеризуются широко распространенным

и относительно стабильным многоязычием» (Фишман, 2012: 63). По сообщению опрошенных в обеих выборках, в Московском регионе они используют русский язык и «свой», при этом большинство респондентов признало, что доминирующее положение занимает русский язык (Куцаева, 2020а: 112–121), ввиду того что «в Москве же везде русский» (Ч., I, № 5, М., 71)¹. Этнический язык употребляется во внутренней диаспоре в меньшей степени: максимальное соотношение в использовании русского и этнического языков, по утверждению некоторых, составило 50 на 50: «На работе по-русски, дома по-марийски» (М., I, № 7, Ж., 56). Как было отмечено в (Куцаева, 2021b: 59) и (Куцаева, 2020а: 125–153), за этническим языком, помимо коммуникативной, закрепляются и другие функции: символическая, фатическая, эмоциональная, сакральная и др. В общении респондентов с подрастающим поколением набор функций «своего» языка значительно сокращается: он едва ли используется в собственно коммуникативной функции и чаще выполняет роль, во-первых, тайного языка, во-вторых, употребляется в эмоциональной функции. Этнический язык широко используется во внутрисемейном общении между родителями с целью обсудить «взрослые» вопросы в присутствии ребенка: «Ну вот хочу сказать то, что, допустим, я бы не хотела, чтобы дети услышали, – мы с мужем начинаем на чувашском общаться» (Ч., I, № 27, Ж., 27). «Это очень хорошая возможность шифроваться! Если нужно скрыть информацию от детей, мы говорим по-марийски» (М., I, № 63, Ж., 44). Кроме того, этнический язык используется в эмоционально окрашенной ситуации: «Я еще ему говорила: „Слышишь, если ты чем-то недоволен, давай уже – не надо при детях ругаться! Если хочешь при детях поругаться, нахамить даже, то давай сразу по-марийски лепи! Чтобы дети не видели. Чтобы не расстраивались, что мы ругаемся. Зачем это им надо?“ Вот так вот у нас с ним было» (М., I, № 26, Ж., 60). «У меня папа, если вот мы дома, и я говорю – если ему что-то не нравится, он начинает со мной только по-марийски разговаривать» (дев., 9 лет, дочь респондента М., I, № 7, М., 49). Этнический язык употребляется также в собственно эмоциональной функции в диаспоре: «Мы с мужем все время на марийском здесь. Если с сыном, то мы по-русски. С сыном говорю на марийском иногда. Разные слова. Ну, говорю ему ласковые слова на марийском» (М., I, № 88, Ж., 40).

Респонденты отметили, что «в Москве русский, но языки родителей детям нужно знать, чтобы понимать бабушек-дедушек» (Ч., I, № 74, М., 32), «потому что если взять наш мозг, то это биокомпьютер, и программы составлялись там на марийском языке, и программы записаны там на марийском языке. И если человек хочет себя перепрограммировать, то это нужно делать на марийском языке» (М., I, № 28, М., 47). При этом второе поколение, по наблюдению респондентов, слабо владеет этническим языком. Дело в том, что семья не является закрытой герметичной сферой и семейные языковые практики подвергаются воздействию со стороны окружения (в случае урбанизации, миграции), школы, сверстников и других внешних факторов (Spolsky, 2009: 29). Внутренними факторами являются межэтнические браки (Spolsky, 2021: 23), а также различный уровень владения этническим языком или принадлежность к разным субэтническим группам и, следовательно, разным идиомам – в случае марийского в выборке, о чем мы писали (Куцаева, 2021а: 53).

Выбор языка в условиях внутригруппового многоязычия далеко не случаен и не является результатом сиюминутного предпочтения (Фишман, 2012: 63). Описание механизма выбора (принадлежность к группе, ситуация, тема) послужило отправной точкой для дальнейших исследований, посвященных глубинным принципам, лежащим в основе такого выбора на уровне более крупных групп или культур (там же: 63–64), что позволило расширить емкое «кто говорит на языке, когда и где» до «как и почему» (Sallabank, 2013: 81). Языковые идеологии

¹ Здесь и далее в скобках последовательно приводится указание на обследование (принятые сокращения: Ч. – чувашское, М. – марийское), номер анкеты респондента, поколение в выборке (принятые сокращения: I – первое, II – второе), пол респондента, возраст респондента.

(в терминологии В. Spolsky – убеждения (Spolsky, 2011: 150)), основанные на представлениях носителей языка о ценности конкурирующих идиомов, являются центральным элементом языковой политики сообщества и составляют второй компонент в теории языковой политики (Spolsky, 2004). Они настолько укоренены в обществе, что воспроизводятся и воспринимаются в качестве совершенно естественных и здравых суждений, маскируя процессы социальной конструкции в действии (Smith-Christmas et al., 2018: 25). Эти убеждения передаются через различных агентов, включая учителей, ровесников, семью, СМИ (Dołowy-Rybińska, Hornsby, 2021: 106). Приведем некоторые выдержки из интервью с респондентами, в которых они констатируют изменения в языковых практиках в моноэтнической семье, связанные, в частности, с рождением детей и их последующей социализацией в Московском регионе. «Когда у нас дети появились и нужно было водить в детский садик, мы автоматически, видимо, не знаю, на каком уровне – на подсознательном или каком – перешли на русский язык. Чтобы ребенок знал русский язык, разговаривал на русском языке. То есть первые буквы, первые лепетания были на русском языке. Видимо, на подсознательном уровне это пошло. Именно я помню рождение детей. Хотели детям успеха. Чтобы без акцента ребенок разговаривал. Чтобы он чувствовал себя в своей стихии. А не каким-то отверженным. Потому что так было удобнее и нужно просто. Насколько я знаю, ни у меня, ни у моих подруг другого варианта не было. Мы все разговаривали дома на русском языке из-за детей исключительно!» (М., № 24, I, Ж., 61). «Когда родили, на чувашский всё. А сейчас по-русски. Потому что, когда мы сюда приехали, садик ходили, сказали: “Их надо чувашский не разговаривать! Дети плохо разговаривают!” Ну вот, русский язык плохо знают. Да хоть так и так, у нас чуваш... Ну они (воспитатели. – М. К.) хотели, чтоб дети хоть знали русский язык. А для жизни детям все равно нужен русский язык» (Ч., I, № 23, Ж., 58).

Уверенность в пользе изучения исключительно большого языка и отсутствии необходимости передавать малый язык детям разделяется носителями миноритарных языков по всему миру (см. например, (Austin, Sallabank, 2011: 11)), часто причиной отказа от миноритарного языка является ориентация на экономический и социальный успех. На «лингвистическом рынке» экономический капитал ассоциируется с материальным богатством, тогда как культурный капитал включает язык, и в случае, когда культурные и экономические ценности вступают в конфликт, как правило, побеждают экономические (Bourdieu, 1991, цит. по Sallabank, 2011: 286). Респондентам был задан вопрос о том, какие языки могут понадобиться в будущем их детям. В чувашском обследовании в ответах почти половины представителей когорт 20–30 и 31–40 лет (многие опрошенные воспитывают детей или являются потенциальными родителями) чувашский язык не фигурировал. В марийской выборке около 40 % респондентов, указавших на владение марийским, не намерены передавать его детям. «Чувашский – не думаю, что он жизненно необходим» (Ч., I, № 71, М., 29). «Потому что в жизни марийский – он не нужен. Например, ты не поедешь с ним за границу, не будешь на нем разговаривать как минимум. Он может идти как информативный – для интереса, может быть, но точно не для общения» (М., I, № 53, Ж., 30). Таким образом, за решением родителей, на каком языке говорить и использование каких языков поощрять дома, как правило, кроется неравноценное отношение к стандартному и херитажному языкам (Spolsky, 2009: 6); об утрате последнего свидетельствуют многочисленные исследования в области семейной языковой политики (Spolsky, 2021: 18), которая в настоящее время занимает центральное место в вопросе поддержания миноритарных языков (Smith-Christmas, 2016: 12).

Языковой менеджмент, третий компонент в теории языковой политики (Spolsky, 2004), представляет собой эксплицитные и видимые усилия, предпринимаемые индивидом или группой с тем, чтобы видоизменить и скорректировать языковые практики и убеждения членов сообщества: так, усилия родителей-мигрантов по поддержанию своего языка в семье являются примером языкового менеджмента (Spolsky, 2009: 4–5). В марийской выборке 33 рес-

пондента, имеющие детей или внуков младшего или среднего школьного возраста, полагают, что погружение в языковую среду в этнической деревне – действенный способ сохранить язык в диаспоре (Куцаева, 2021а: 50). Эти же взгляды разделяют и представители чувашской диаспоры (Куцаева, 2020а: 171), кажется, подобные методы детских летних «стажировок» в местах традиционного проживания группы распространены и в некоторых других диаспорных группах (об этом см.: Spolsky, 2021: 24). «Для детей чувашский... они поживут в деревне – они всё познают» (Ч., I, № 36, М., 39). «Когда она родилась, еще сказали, что постаремся, чтобы она чувашский знала обязательно. Но достичь этого практически сложнее, потому что мы не оставляем ее (в деревне. – М. К.). Вот если бы, может, на три месяца оставляли – тогда вот» (Ч., I, № 81, Ж., 32).

Здесь необходимо сделать важную оговорку. Языковой менеджмент, существенно влияющий на выбор языка, вряд ли будет успешным, если в нем отсутствует *менеджер*. В модели (Spolsky, 2004) выбор языка объясняется с точки зрения действующих внутренних сил, обусловленных языковыми практиками, языковыми убеждениями (идеологиями) и языковым менеджментом внутри соответствующей сферы (Spolsky, 2009: 6). Приведенные выше цитаты едва ли свидетельствуют об *эксплицитных* и *наглядных* попытках опрошенных передать этнический язык детям, что подтверждается и высказываниями других респондентов: «У меня два сына, они в Москве родились. Им надо знать. Но лично вот так, чтобы их натаскивать – я не пробовал и не хочу. Если они сами захотят – дети мои, то пускай учатся» (Ч., I, № 57, М., 51). «Сильно я не хотела ей чувашский дать, она сама должна была выбирать. Единственное – желания у нее особого не было» (Ч., I, № 37, Ж., 53). «Сама я не видела необходимости, потому что я понимала, что мы будем ездить туда. Если ей будет интересно, она и так это выучит. А просто так тратить на это время – ну для чего? А там методом погружения, получается. Когда попадаешь в определенную атмосферу – люди, когда только разговаривают на марийском языке, – то через какое-то время тоже понимаешь, о чем они говорят. Ну то же самое, получается, с детьми» (М., I, № 32, Ж., 37). «Старший сын у меня чуть-чуть понимает, а младший – он у меня русский. Ну в смысле, он говорит только по-русски, не говорит по-марийски вообще, потому что он здесь в Москве как бы. Так надолго просто мы в деревню еще не выезжали, из-за этого, видимо, он и не знает» (М., I, № 9, Ж., 31). Эти установки, с нашей точки зрения, не указывают на какие бы то ни было усилия родителей поддержать в семье этнический язык. Кроме того, о сомнительности подобного «самостоятельного выбора» со стороны ребенка мы говорили в (Куцаева, 2020а: 142): выбор языка (языков), на которых проходит социализация и обучение ребенка, совершают за него взрослые, ответственные за его социализацию и обучение, они же определяют и его окружение (Wright, 2016: 282).

Базисом для трансмиссии материнского языка выступает межпоколенческая передача языка в семье (Fishman, 2001: 466). В выборках респонденты отметили, что внутрисемейное общение, по их мнению, способствует сохранности этнического языка в диаспоре, однако на практике в Московском регионе детям в лучшем случае отводится роль пассивных слушателей «взрослых» разговоров родителей на этническом языке (Куцаева, 2021а: 50, 53), хотя, безусловно, даже это может вызвать интерес у представителей второго поколения: «Но мне он (чувашский. – М. К.) нужен! Ну, чтобы понять... что, может, от меня скрыли чего-нибудь. Мне он интересен!» (Ч., II, № 31, Ж., 35). Формирование языкового репертуара индивида зависит от языков, с которыми он имеет дело в повседневной жизни, тогда же складывается и его отношение к языкам, носителям и оценка их потенциальной значимости (Spolsky, 2021: 12). Ценностное отношение к этническому языку в семье порой кардинально отличается; в дальнейшем это усугубляется влиянием внешних факторов, таких как социализация в детском саду и школе, влияние сверстников, в итоге ситуация в отдельно взятой семье, по сути, отражает языковые конфликты в широком общественном контексте, когда дети отвергают язык своих родителей (Spolsky, 2009: 22). В нашей выборке некоторые респонденты, состоящие в этнически

смешанном браке, говорили о том, что супруг, случалось, возражал против использования ими чувашского (марийского) с детьми или при детях.

В качестве заключительной ремарки приведем отрывки из интервью с марийской семейной парой, воспитывающей детей дошкольного возраста. «Потому что я считаю, что он им не нужен. Для чего голову забивать ребенку этим непонятным языком, который ему вообще в жизни не пригодится? Мой муж считает, что он будет изучать, но посмотрим» (М., I, № 33, Ж., 27). Супруг респондентки в свою очередь заявил, что намерен вначале «показать» детям марийский и оставить их на лето в деревне: изучать язык они будут, когда подрастут, если им, конечно, понравится и они выразят желание. И он будет совершенно «не против этого» и тогда уже точно будет «с ними разговаривать по-марийски» (М., I, № 35, М., 28). Иначе говоря, для многих родителей, которые заявляют о необходимости изучения их детьми этнического языка, характерна *стратегия избегания*: свободно владея языком, они не используют его в общении с детьми, полагая, что последние магическим образом выучат язык по какому-то другому каналу и что в общем язык выживет потому что кто-то другой говорит на нем где-то (Dauenhauer and Dauenhauer, 1998: 68–69). Респонденты целиком и полностью полагаются на чувашскую и марийскую деревню соответственно на том основании, что «эта культура – маленькая и древняя, но она крепко стоит на ногах, ей ничего не грозит. И языку тоже» (Ч., I, № 91, Ж., 31). В связи с этим представляется необходимым рассмотреть языковую ситуацию в чувашской (марийской) деревне с тем, чтобы понять, насколько успешно деревня способна в настоящее время справиться с возложенной на нее задачей по трансмиссии этнического языка.

Языковые практики и идеологии в чувашской и марийской деревне

Автору статьи неоднократно доводилось слышать от респондентов утверждение о том, что «в деревне же всё по-чувашски (по-марийски)». Эти языковые практики характерны для уроженцев сельской среды, однако они едва ли распространяются в полной мере на приезжих из города родственников.

Доля чувашей и марийцев в городском населении республик неуклонно растет, несмотря на то что они по-прежнему являются преимущественно сельчанами: марийцы составляют 70,1 % сельского населения Республики Марий Эл, чувашаи – 84,2 % в Чувашской Республике. Формирование полиэтнической городской среды в Чувашии осуществлялось за счет, с одной стороны, притока представителей других национальностей (как в годы войны – вследствие эвакуации в Чувашию промышленных предприятий, так и в последующие десятилетия – в ходе строительства крупных индустриальных объектов); с другой стороны, интенсивного миграционного оттока чувашей из сельской местности. Языком межнационального общения в городе выступал русский язык; среди городских чувашей наблюдались значительные ассимилятивные процессы (Фомин, 2016: 825). Эта ситуация была характерна и для Республики Марий Эл (Марийцы, 2013: 130). Кроме того, миграции советского периода привели к образованию дисперсно расселенных групп чувашей и марийцев за пределами соответствующих административных образований. Однако летние каникулы дети городских чувашей и марийцев неизменно проводили в деревне. «Городские дети были, они есть и будут. Потому что пока будут существовать родственные связи, дяди и тети, бабушки и дедушки, городские дети всегда будут приезжать в деревню» (М., I, № 101, М., 67).

Способом освоения этнического языка для представителей первого поколения, выросших в городской среде, являлось, по их словам, пребывание в деревне летом. Как показал анализ языковых биографий по когортам, в частности в (Куцаева, 2022: 145), контакты представителей старших когорт в выборке имели двухсторонний характер – обучаясь в деревне марийскому, городские в свою очередь обучали деревенских русскому. «Кстати говоря, у нас приезжали из Йошкар-Олы. За лето не мы переходили на русский язык, а они начинали

общаться на марийском языке! Тут сыграл роль фактор численности. Представьте, пяток ребятишек на улице. А у нас село огромное. Пяток ребятишек, которые приезжают, им переподчинить численно общение 20–30 ребятишек местных – это сложно, и они вынуждены считаться. Но вместе с тем нам тоже было очень интересно разговаривать с ними на русском языке» (М., I, № 101, М., 67). Каналами приобщения деревенских детей к русскому языку, помимо языковых контактов с городскими детьми, являлись радио и телевидение, система воспитания и обучения в дошкольных и школьных учреждениях и др. (Куцаева, 2022: 141–147).

В настоящее время существенным фактором влияния являются, по мнению опрошенных, новые технологии и социальные сети, которыми активно пользуются в том числе деревенские дети и подростки; используемый ими контент едва ли представлен на этническом языке. «Сейчас телефоны всё вытесняют. Они же в телефонах зависают, всякие мультики и так далее. Поэтому родной язык из семьи вытесняется, и родители уже привыкли в учебе с ребенком на русском разговаривать. “Да, – говорят, – привыкли”. – “Ну, привыкли, – говорю, – это ВЫ так сделали! Телефон сунули – и чего, ребенок занят сам с собой, и всё – и язык вытесняется!” Он же слышит больше в телефоне на русском языке речь, чем на родном», – подчеркнула педагог марийского языка, проживающая в марийской деревне в Свердловской области. Она же отметила и тенденцию к ускоренной русификации в этнической деревне: «На лето приезжают внуки, дети. Но они все, конечно, на русском языке. Соответственно – на улицу вышли... Раньше такой тенденции не наблюдалось, раньше все на марийском разговаривали. Вот лет пять точно началось. Это раньше было можно выучить в деревне. А сейчас невозможно. Знаете, почему невозможно? Я свою бабушку, дедушку помню. Они на русском языке почти разговаривать не умели, и, если ты хочешь с бабушкой разговаривать, ты садился учиться – внуку с города приехавшему – за лето разговаривать на марийском. Потому что все в деревне разговаривали на марийском языке. Сейчас этого нет, все практикуются на русском языке. И поэтому те, кто даже приехал, они... ну такие обыденные слова – *мама, папа, бабушка, дедушка, дай, покушать сели, спать легли*, – вот такие, примитивные слова знают, а чтобы предложения составлять – это все-таки уже тяжело. Надо родной язык с рождения давать, и это дается в семье – я в этом не раз убеждаюсь».

Наши респонденты упоминали фигуру бабушки как ключевую в деревне, именно с ней связываются надежды на передачу этнического языка детям (Куцаева, в печати). Характерно, что уроженцы городов в выборке, не заставшие бабушку в живых, считают, что, если бы бабушка была жива, они бы усвоили чувашский (марийский) язык. Это же в полной мере относится и к позиции сиблинга в семье: старшие дети, с большей вероятностью заставшие бабушку, по их словам, знают язык, тогда как младшие в выборке – нет. «В деревне я много времени проводила, лет до 13 точно. Практически сразу переходила на чувашский. Вот мои сестра и брат, они уже не ездили потом, потом бабушка умерла. То есть я ездила и знала, а они, получается, не ездили и не знали» (Ч., I, № 22, Ж., 62). Общение с бабушкой в настоящее время для представителей второго поколения проходит на русском языке или в лучшем случае – с использованием дуально-лингвальной модели, что будто бы способствует пассивному усвоению этнического языка – «чтобы хотя бы понимал». Времена «непреклонных» бабушек, которые говорили с городскими внуками исключительно на своем языке (как правило, в силу слабого владения русским), остались в прошлом, в наших выборках лишь прабабушки, кажется, еще говорят с городскими детьми на марийском или чувашском. Современные бабушки прекрасно владеют русским и используют этнический язык не в собственно коммуникативной функции, а в эмоциональной, «по настроению, оно какое-то игривое должно быть» (М., I, № 53, Ж., 30). В случае когда бабушка все же обращается к ребенку по-марийски (по-чувашски), в основном в форме императивных конструкций, на помощь ему приходят родители: «Моя мама говорит ей: „Принеси ведро!“ А я уж перевожу» (М., I, № 63, Ж., 44).

Сверстники в деревне также используют русский язык в общении с приезжими детьми, это одна из причин, по которой, по мнению опрошенных, городские дети не осваивают этнический язык в деревне: «А так бы, может, и научился бы марийскому языку. Если бы деревенские по-марийски разговаривали» (М., I, № 29, Ж., 53). О причинах широкого использования русского языка и охватившем деревню языковом сдвиге мы упоминали выше.

Родственники в большой семье в деревне не всегда, кажется, создают соответствующую языковую среду для городского ребенка: они не только редко используют этнический язык, обращаясь непосредственно к ребенку, но и неумело реагируют на робкие попытки городского жителя практиковать этнический язык. «Потому что я, когда приходил в деревню, пытался практиковать его, зачастую надо мной смеялись. Ну это более старые люди, мои родители и сестра там. Родственники. Это возраст мамы. Ну я понимал, что мне не стоит на нем разговаривать, я могу разговаривать на русском, они меня поймут» (М., II, № 93, М., 17). «Я раньше читал ибресинскую газету в деревне „Сёнтёруйшён“ („За победу“). Когда я читал, озвучивал, они смеялись над моим произношением» (Ч., I, № 99, М., 63).

В этом месте работы необходимо остановиться на рассмотрении идеологии легитимности (аутентичности), с одной стороны, и анонимности – с другой, которые, в сущности, и формируют подобное отношение к языку, носителям языка и определяют языковые практики.

Идеология легитимности (аутентичности) предполагает наличие идеализированных социокультурных и лингвистических моделей носителей языка, неких концептуализаций – как *следует* быть носителям определенного языка и какую форму *должны* принимать их языковые практики (Smith-Christmas et al., 2018: 5). Традиционные носители языка, для которых он выступал языком первичной социализации, квазиавтоматически наделяются определенным авторитетом и опытом. Идеология легитимности присуща многим языковым сообществам (см. Sallabank, 2013: 136). В ее недрах культивируется связь между языком и принадлежностью к некой социальной и даже этнической группе: полноправные «владельцы» языка имеют возможность определять будущее языка в силу своего положения в данном сообществе, они же наделены полномочиями закреплять *аутентичный* и *настоящий* вариант языка, то есть языковая аффилиация обусловлена скорее принадлежностью к группе, а не собственно языковой компетенцией; их авторитет признан и другими членами группы (Grenoble, Whaley, 2006: 166). Кроме того, решающей признается связь между языком и определенным местом, точнее, отношением между языком и *опытом* определенного места: язык «прикован» к определенной местности, именно здесь и *только здесь* на нем разговаривают. Однако это не просто ассоциация между языком и географической территорией, сюда включена связь между местностью и определенной социоисторической траекторией (Smith-Christmas et al., 2018: 143) – всё то, что в конечном счете представляет собой *акт социальной магии*, реализацию принципа *regere fines, regere sacra* (Bourdieu, 1991: 223).

Традиционным носителям противопоставляются так называемые *новые носители*. Идеализированные социокультурные и лингвистические модели традиционных носителей языка лишают легитимности новых носителей, помещая их в самом низу социально конструируемой иерархии. Новые носители, как правило, нарушают социокультурные профили воображаемого идеального носителя, кроме того, они нередко выходят за рамки того, что считается аутентичным, допустимым и правильным использованием языка, в итоге новые носители и их практики рассматриваются в качестве девиантных, поскольку они не соответствуют имплицитно принятой модели (Smith-Christmas et al., 2018: 5). С этой точки зрения на чувашском или марийском *следует* разговаривать *исключительно* в чувашской (марийской) деревне, способностью *правильно* употреблять этнический язык обладают уроженцы деревень – попытки тех, чьи языковые биографии выбиваются из общепринятой схемы (в данном случае представители второго поколения диаспоры, городские дети и т. д.), не рассматриваются всерьез и практически не имеют шансов на успех.

На противоположном полюсе действует *анонимность*, предоставляемая говорящему на больших языках. У него нет необходимости быть знакомым со своими собеседниками, иметь аффилиацию и связь с определенной местностью и даже культурой, чтобы быть принятым другими членами сообщества (Woolard, 2008, цит. по: Smith-Christmas et al., 2018: 159). Именно по этой причине в этнической деревне наши респонденты, де факто *новые носители*, столкнувшись с насмешками со стороны традиционных носителей, отказываются от своих притязаний на этнический язык и предпочитают *анонимность*.

Языковые идеологии обозначают консенсус языкового (речевого – в терминологии Spolsky) сообщества относительно ценности, приписываемой той или иной языковой переменной или разновидности, составляющей его репертуар. Иначе говоря, языковая идеология является языковой политикой, в которой не учитывается менеджер (Spolsky, 2004: 14). Несмотря на эксплицитно выражаемое желание наших респондентов передать язык детям (пусть и посредством языкового погружения в деревне), они едва ли являются языковыми менеджерами в подлинном смысле этого слова. Дело в том, что отрицательные языковые идеологии, преобладающие в доминирующем сообществе в отношении миноритарных языков или языков, находящихся в миноритарной ситуации, иногда настолько глубоко усваиваются, что, даже будучи стертыми на сознательном уровне, они все равно просачиваются в реальные языковые практики, т. е. при наличии позитивного отношения к языку выявляются негативные языковые практики (Dołowy-Rybińska, Hornsby, 2021: 113) (об этом противоречии, коренящемся в асимметрии миноритарного и мажоритарного языков, и расхождении между выражаемыми идеалами и подлинной поддержкой см. (Dauenhauer and Dauenhauer, 1998: 67). В наших выборках нередко говорили об *акценте* в русском языке, коррелирующем, в представлении опрошенных, с уровнем владения чувашским (марийским). «Моя мама почти пятьдесят лет прожила в поселке, говорила с акцентом, поэтому не хотела, чтобы у нас акцент был в русском. С нами говорила только по-русски» (Ч., I, № 97, Ж., 50). «Человек, который знает чувашский, по крайней мере, это мое субъективное мнение, он сразу обладает диалектом. Я не знаю, почему это происходит, но даже молодежь, которая хорошо знает чувашский, – это сразу видно! У них такой акцент! Даже если они как бы стараются его не показывать, это все равно заметно, когда человек знает чувашский. Вот по крайней мере я сразу определяю, знает ли человек чувашский или нет. Вот что-то такое деревенское, я считаю» (Ч., I, № 58, Ж., 33). «Мама говорила по-чувашски и по-русски – с акцентом. Со мной только по-русски. Не хотела мне ломать русский язык. В семье у нас теперь русский» (Ч., II, № 76, Ж., 46).

Этническая деревня, переживающая ныне языковой сдвиг (см., к примеру (Алос-и-Фонт, 2015: 136–164), не способна в полной мере удовлетворить запросы московских чувашей и марийцев, отправляющих туда на лето детей. Кроме того, родители и сами не стремятся к тому, чтобы ребенок выучил марийский (чувашский) язык, их бы вполне устроило, чтобы «ребенок немножко понимал речь», «было хотя бы понимание», «чтобы без усилий, не как основной», «знал, как будет по-чувашски „Я тебя люблю“». На более глубинном уровне это маскирует травмирующий опыт: «Если они вернутся из деревни и будут по-чувашски говорить, я буду... как говорится, больше рад за бабушек-дедушек. Что они привили это... чувашский язык. Но – детям... Ну, потому что им самим будет тяжело потом. В садике по-русски и по-чувашски. И это будет им тяжелее. Мне-то это спокойно переносить» (Ч., I, № 36, М., 39). За этим кроется страх родителей повторить болезненный опыт – свой или своих родителей, вписанный в семейную историю в виде лингвистических биографий.

Заключение

В работе был проведен анализ языковых практик представителей чувашской и марийской диаспор, проживающих в Московском регионе. Эти практики заключаются в том, что,

поскольку межпоколенческая передача языка в семье является крайне слабой, функции по трансмиссии этнического языка перекадываются родителями на чувашскую и марийскую деревню соответственно. Однако в силу охватившего деревню языкового сдвига она не может в полной мере справиться с возложенной на нее задачей.

Анализ был осуществлен нами на основе теории языковой политики (Spolsky, 2004), включающей три компонента: языковые практики, убеждения (языковые идеологии) и языковой менеджмент. Каждый из этих компонентов является фактором, обуславливающим выбор языка. Языковые практики способствуют изучению языка, созданию необходимых условий для выбора языка; убеждения связаны с ценностями, которые помогают учесть индивидуальный выбор; менеджмент может оказывать влияние на говорящих и модифицировать их практики и убеждения (Spolsky, 2009: 5–6).

Важнейшим фактором трансмиссии языка является общение дома, в семье, в ближайшем окружении с соседями и местном сообществе (Fishman, 1991: 398). Критическая роль семьи проявляется в факторе естественной передачи языка от старшего поколения младшему, в убежденности в том, что с детьми дошкольного и младшего школьного возраста необходимо разговаривать на «своем» языке, что создает оптимальные условия для его поддержания. Решение семьи использовать херитажный язык формирует среду, в которой дети, наиболее гибкие и податливые в овладении языком, могут легко расширять и развивать свой языковой репертуар. Несмотря на вероятность давления со стороны сверстников и школьной системы образования в последующем, такая семейная языковая политика является прочным фундаментом и закладывает основы языкового репертуара индивида (Spolsky, 2021: 24). Приведем один из немногих, кажется, примеров успешного овладения этническим языком в наших обследованиях. Представительница второго поколения (Ч., II, № 56, Ж., 28) с раннего детства проводила каждое лето в деревне; будучи младшей школьницей, посещала в Москве кружок чувашского языка, увлекалась чувашскими танцами. «До четырех лет я вообще говорила только на чувашском! Дело в том, что как раз тот период, когда ребенок начинает разговаривать, мы поехали к бабушке, и, когда приехали обратно в Москву, я не умела разговаривать по-русски! То есть я научилась только в садике. В четыре года меня отдали в садик. И мне вообще очень приятно, что так все получилось. В садике никакого стресса не было, потому что все равно дети быстро друга друга понимают. В школе уже все было на русском. Чувашский остался в семье, и вот еще кружок чувашского языка – так он назывался, там был чувашский, мы писали, читать и считать нас учили. А заслуга мамы в том, что она не ленилась, возила меня. С родителями тоже иногда говорили. У меня брат есть родной, младший, он тоже знает чувашский язык, он разговаривает. Мы каждый год отдыхаем у бабушки в Чувашии. И вот бабушка наша, она всегда была рада, что мы его знаем – язык, что мы на нем разговариваем. Не раз слышала в свой адрес, что для человека, который родился в Москве в наше время и так знает язык, – такое удивление со стороны друзей, конечно, сначала есть!» – говорит респондентка. Как видим, лишь совокупное влияние факторов (пребывание в деревне летом, поддержание языка во внутрисемейном общении в Москве и др.) обеспечивает достижение представителями второго поколения диаспоры адекватного уровня владения языком. С опрошенной, в частности, мы познакомились на одном из культурных мероприятий, организованных чувашским землячеством в Москве, куда она пришла с сыном-дошкольником. По ее признанию, чувашская культура ей близка и понятна. О том, что по мере взросления представители второго поколения теряют интерес к этнической культуре, мы указывали (Куцаева, 2021а: 53), одна из причин заключается в слабом владении ими языком. Язык и культура «выросли вместе» и наилучшим образом сонастроены друг на друга, им свойственна парциальная идентичность, т. е. элементы культуры выражаются, имплементируются и реализуются посредством языка, с которым данная культура теснейшим образом ассоциируется (Fishman, 1991: 20–24), т. е. для постижения глубинного смысла, к примеру, этнической песни вне собственно эстетического наслаждения, безусловно, требуется знание языка.

В дальнейшем в теорию языковой политики (Spolsky, 2004) вносились уточнения, одним из существенных дополнений стала разработка такого аспекта, как *self-management* (саморегулирование), и роли, выполняемой индивидом (Spolsky, 2021: 9). В случае наших респондентов, представителей второго поколения или первого («городских» детей в прошлом), эти усилия состоят в попытке самостоятельного овладения этническим языком (через самоучитель, языковые курсы и др.), по сути, это их становление в качестве *новых носителей* чувашского или марийского. Такие усилия выходят за рамки привычного набора убеждений и ценностей, вступают в противоречие с господствующими в обществе языковыми практиками (Spolsky, 2004: 14), в результате индивиды расширяют собственный языковой репертуар, отличный от большинства (Spolsky, 2021: 14) и модифицируют языковые практики своего окружения. По нашим наблюдениям, проживание в Московском регионе влияет на изменение языковых практик, в частности, представителей первого поколения, уроженцев городской среды. «С родителями я раньше разговаривал на русском в городе, а когда после четырех лет жизни в Москве я вернулся, очень захотел, чтобы у меня практика была на чувашском. Сначала они очень отрицательно это восприняли, когда я заявил, что не понимаю по-русски, только по-чувашски. Что я буду исключительно с ними общаться на чувашском. У них всё очень русифицировано было, особенно у мамы. Примерно год они сопротивлялись, а сейчас это норма у нас. Я по телефону общаюсь с ними по-чувашски. Теперь общаюсь здесь с сестренкой, она тоже переехала. У нее после переезда такая тяга возникла к чувашскому! Теперь я отвоевал это право у родителей – говорить с ними по-чувашски. На родине сейчас это в основном чувашский язык. Я многое теперь демонстративно на чувашском делаю. В Чувашии, я считаю, это мое право говорить на чувашском языке. Это второй национальный язык» (Ч., I, № 100, М., 30). Число новых носителей чувашского и марийского в выборках незначительно (см. аналогичные результаты в (Dauenhauer and Dauenhauer, 1998: 98)), однако это оставляет исследователю надежду на то, что изучаемые нами языковые практики и лежащие в их основании языковые идеологии могут видоизменяться (см. также (Sallabank, 2013: 65–69)), в том числе под влиянием эффективных механизмов языкового менеджмента, а значит, этнический язык сможет более успешно функционировать во втором поколении внутренней диаспоры.

Литература:

- Алос-и-Фонт Э.** Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 2015.
- ВПН** – Всероссийская перепись населения 2010 года // URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf, 2010.
- Куцаева М. В.** Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М., СПб.: Нестор-История, 2020a.
- Куцаева М. В.** Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020b. № 2. С. 124–150.
- Куцаева М. В.** Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021a. Вып. 3 (33). С. 49–58.
- Куцаева М. В.** Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021b. Вып. 4 (34). С. 58–72.
- Куцаева М. В.** Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022. № 1 (44). С. 116–153.
- Марийцы. Историко-этнографические очерки.** 2-е изд., доп. Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2013.
- Фишман Дж. А.** Кто говорит на каком языке, с кем и когда? // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 63–83.
- Фомин Э. В.** Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 824–833.
- Austin P. K., Sallabank J.** Introduction // P. K. Austin, J. Sallabank J. (eds), *Endangered Languages*. Cambridge University Press, 2011. P. 1–24.

- Bourdieu P.** Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Dauenhauer N. M., Dauenhauer R.** Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // L. A. Grenoble & L. J. Whaley (eds), *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press, 1998. P. 57–98.
- Dołowy-Rybińska N., Hornsby M.** Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation // J. Olko, J. Sallabank J. (eds), *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge University Press, 2021. P. 104–116.
- Fishman J. A.** Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. *Multilingual Matters*: 76. Clevedon. 1991.
- Fishman J. A.** Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: *Multilingual Matters*, 2001.
- Grenoble L. A.** Language ecology and endangerment // P. K. Austin, J. Sallabank (eds), *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge University Press, 2011. P. 27–44.
- Grenoble L. A., Whaley L. J.** *Saving Languages. An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge University Press, 2006.
- Sallabank J.** *Attitudes to Endangered Languages: Identities and Policies*. Cambridge University Press, 2013.
- Smith-Christmas C.** *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Macmillan, 2016.
- Smith-Christmas C. et al. (eds)** *New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices*. Palgrave Macmillan, 2018.
- Smolicz J. J.** *Minority Languages as Core Values of Ethnic Cultures: A Study of Maintenance and Erosion of Polish, Welsh, and Chinese Languages in Australia*.
- Fase W., Jaspaert K., Kroon S. (eds)** *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1992. P. 277–305.
- Spolsky B.** *Language Policy*. Cambridge University Press, 2004.
- Spolsky B.** *Language Management*. Cambridge University Press, 2009.
- Spolsky B.** *Rethinking Language Policy*. Edinburgh University Press Ltd, 2021.
- Wright S.** *Language Policy and Language Planning*. Palgrave Macmillan, 2016.

Куцаева Марина Васильевна.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, Москва, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 23 июня 2023 г.

M. V. Kutsaeva

THE VILLAGE HELPS THOSE WHO HELP THEMSELVES: ON THE QUESTION OF LANGUAGE PRACTICES AND IDEOLOGIES IN THE CHUVASH AND MARI DIASPORAS IN THE MOSCOW REGION

The article is based on the data obtained through sociolinguistic research in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region. It examines the linguistic practices of representatives of ethnic groups living in the internal diaspora. These show a high level of linguistic loyalty and a desire to preserve their ethnic language as one of the main features of ethnic identity. Nevertheless, the respondents' linguistic loyalty level does not correlate with the level of language maintenance, as shown by the low level of intergenerational transmission of the ethnic language in the samples. Passing the language on the children is transferred from the diaspora representatives to the ethnic village. Special attention is paid in this paper to the analysis of the language ideologies underlying such practices and to the description of the mechanism of (non)transmission of the ethnic language characteristic of these communities living in urban environments. These are an ideology of legitimacy (authenticity), which confines the language to a specific area where traditional speakers live, and an ideology of anonymity, which is widespread in urban spaces and de facto presupposes the use of Russian as an unmarked linguistic and social norm, regardless of the identity of the speakers. Stereotypes, deeply rooted beliefs, attitudes towards the respective languages, and negative and traumatic experiences traced in the linguistic biographies of the respondents are crucial to ethnic language maintenance in the internal diaspora. The results of the survey provide a comprehensive picture of the language situation in Chuvash and Mari villages in diachrony and synchronicity and show that the ethnic village is

currently unable to cope with the task of uninterrupted language transmission, as the village itself, which is considered the traditional compact place of residence of these ethnic groups, is affected by the language shift. The author concludes that there is an urgent need to revise existing language practices in the diaspora in order to develop new and more effective strategies for ethnic language transmission. This requires – in the case of the representatives of the internal diaspora – a conscious adaptation of their current language practices in the village, as well as a growing awareness of their own responsibility for the transmission of their ethnic language to the future generation.

Keywords: *Mari language, Chuvash language, ethnic language, Moscow region, internal diaspora, language practices, language ideologies, language transmission, language management, language policy, language situation, language shift*

References:

- Alos-i-Font H.** Issledovanie jazykovej situacii v Chuvashskoj Respublike: sbornik statej [The Survey of Language Situation in the Chuvash Republic: a collection of papers]. Cheboksary, 2015.
- VPN** – Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda [All-Russian 2010 Census]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf, 2010.
- Kutsaeva M. V.** Funkcionirovanie jetnicheskogo jazyka v chuvashskoj diaspore moskovskogo regiona [Functioning of ethnic language in Chuvash diaspora of Moscow region]. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2020a.
- Kutsaeva M. V.** Marijcy Moskvy: jetnicheskaja identichnost' i jazykovaja lojal'nost' v uslovijah vnutrennej diaspory [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty] // Rodnoj jazyk. Lingvisticheskij zhurnal [Native Language. Linguistic Journal]. 2020b. No 2. P. 124–150.
- Kutsaeva M. V.** Rannee osvoenie jetnicheskogo jazyka v marijskoj diaspore moskovskogo region [Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2021a. No 3 (33). P. 49–58.
- Kutsaeva M. V.** Funkcii jetnicheskogo jazyka v marijskoj diaspore moskovskogo regiona [Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2021b. No 4 (34). P. 58–72.
- Kutsaeva M. V.** Yazykovye biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rajonov rasprostraneniya lugovogo marijskogo jazyka v Respublike Marij El) [Language biographies of the Maris of the Moscow region — the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the republic of Mari El] // Uralo-altaiskie issledovaniya [Ural-Altaic Studies]. 2022. No 1 (44). P. 116–153.
- Marijtsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki** [Maris. Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola, 2013.
- Fishman J. A.** Kto govorit na kakom jazyke, s kem i kogda? [Who speaks what language to whom and when?] / Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija [Sociolinguistics and sociology of language. A textbook, transl. from English]. SPb., 2012. P. 63–83.
- Fomin E. V.** Jazykovaja situacija v Chuvashii [Language situation in Chuvashia] // Jazyk i obshchestvo. Jenciklopedija [Language and Society. Encyclopedia]. Moscow, 2016. P. 824 – 833.
- Austin P. K., Sallabank J.** Introduction / P.K. Austin, J. Sallabank. Endangered Languages. Cambridge University Press, 2011. P. 1–24.
- Bourdieu P.** Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Dauenhauer N. M., Dauenhauer R.** Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska / L. A. Grenoble & L. J. Whaley (eds), Endangered languages: Current Issues and Future Prospects. Cambridge University Press, 1998. P. 57–98.
- Dołowy-Rybińska N., Hornsby M.** Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation / J. Olko, J. Sallabank J. (eds) Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 104–116.
- Fishman J. A.** Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters: 76. Clevedon. 1991.
- Fishman J. A.** Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 2001.
- Grenoble L. A.** Language ecology and endangerment / P. K. Austin, J. Sallabank (eds) The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge University Press, 2011. P. 27–44.
- Grenoble L.A., Whaley L. J.** Saving Languages. An Introduction to Language Revitalization. Cambridge University Press, 2006.
- Sallabank J.** Attitudes to Endangered Languages: Identities and Policies. Cambridge University Press, 2013.

- Smith-Christmas C.** Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home. Palgrave Macmillan, 2016.
- Smith-Christmas C. et al. (eds)** New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices. Palgrave Macmillan, 2018.
- Smolicz J. J.** Minority Languages as Core Values of Ethnic Cultures: A Study of Maintenance and Erosion of Polish, Welsh, and Chinese Languages in Australia / W. Fase, K. Jaspaert, S. Kroon (eds) Maintenance and Loss of Minority Languages. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1992. P. 277–305.
- Spolsky B.** Language Policy. Cambridge University Press, 2004.
- Spolsky B.** Language Management. Cambridge University Press, 2009.
- Spolsky B.** Rethinking Language Policy. Edinburgh University Press Ltd, 2021.
- Wright S.** Language Policy and Language Planning. Palgrave Macmillan, 2016.

Kutsaeva Marina Vasilievna.

Candidate of philological sciences, research fellow.

Institute of Linguistics RAS.

Bolshoi Kislovskij lane, 1, str. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Е. В. Сенько

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ РУССКИХ И ОСЕТИНСКИХ СЛОВАРНЫХ ЕДИНИЦ

Объект внимания настоящей статьи – лексико-семантические оппозиции русского и осетинского языков. Указанные противопоставления рассматриваются с точки зрения семантической семасиологии, а именно значение (семема) описывается как некоторая целостность, вне детализации ее структуры; соответственно, анализируются семантемы, то есть состав семем одной лексемы, функционирующей в русском и осетинском языках. Основное внимание уделяется типам значений. Цель статьи – исследовать наиболее частотные оппозиции лексической семантики слов в русском и осетинском языках, представляющих активную зону межъязыковой интерференции, позволяющую утверждать, с одной стороны, сохранение важных национальных образов осетинской культуры, а с другой – ментальное влияние осетин на русскую культуру отдельного региона. В качестве источников эмпирических данных использовались толковые словари русского языка и переводные осетинско-русские лексикографические справочники; также были использованы данные, полученные путем анкетирования жителей Владикавказа. Типология лексико-семантических отношений представлена тремя основными типами межъязыковых связей, а именно отношениями эквивалентности, включения и пересечения. Особое внимание было уделено полисемичным лексемам как наиболее убедительно показывающим сходные и дифференцирующие семемы сопоставляемых семантических структур. Утверждается приоритет в семантических структурах осетинских лексем в сравнении с соответствующими русскими словами тех семем, которые свидетельствуют о сохранении важных национальных образов, присущих осетинской ментальности. Таким образом, денотативно-понятийный аппарат и коннотации осетинских лексем позволяют говорить об особенностях в миропонимании осетинского народа, что активно проявляется в лексико-семантическом сопоставлении. Представленные семантические оппозиции есть отражение общественных трансформаций, обусловленных действующей в современном социуме тенденцией к формированию российской идентичности, предполагающей отдельные относительно автономные конституенты, например идентичность национального характера. Соответственно, исследование лексико-семантических оппозиций русских и осетинских словарных единиц представляется актуальным не только в лингвистическом, но и в идеологическом аспекте, отражающем базовые ценности населения определенного российского региона.

Ключевые слова: *осетинский язык, семантическая оппозиция, контрастивно-семантический анализ, семема, семантема, семантическая эквивалентность, семантическое включение, семантическое пересечение, национальная идентичность*

В современной лингвистической науке отчетливо прослеживается актуализация научного внимания к проблемам, связанным с понятиями регионализма и региолекта (Зверькина, 2013; Кадоло, 2011; Кошарная, 2017; Резвухина, 2015; Doppagne, 1978; Martin, 1989). Как правило, исследования указанного типа чаще всего выполняются в русле сравнительно-сопоставительного и лингвокультурологического аспектов, предусматривающих описание языковых явлений не только как конституентов системы, но и как маркеров духовной культуры, национальных ценностей того или иного этноса.

Осетинский язык является государственным языком в Республике Северная Осетия – Алания и в Республике Южная Осетия; это язык индоевропейской семьи, а именно иранской группы. В Северной Осетии проживают представители около 100 национальностей; титульная нация – осетины; они наиболее представительны в количественном отношении; представители русской нации в указанном плане занимают второе место.

Описание взаимоотношений русского и осетинского языков на разных системных уровнях есть объект внимания многих лингвистов (см., например: Гуриев, 1962; Исаев, 2010; Камболов, 2002; Козырева, 1962; Кулаев, 1973; Кульчиева, 2005). Нетрудно заметить, что русско-осетинские межъязыковые связи в целом анализируются в аспекте компенсирующего действия русского языка как языка-донора в отношении осетинской языковой системы. Однако контакты различных языков никогда не бывают односторонними, тем более если они носят долгосрочный характер. Сказанное подтверждает и диахроническая «судьба» осетинского

языка, который, расширяя свои функциональные возможности, модернизирует свою систему и структуру.

«В последние годы ресурсы осетинского языка наращивались в таких важных сферах, как школьное образование, книгоиздание, телевидение... одновременно наблюдается сокращение доли осетин, лучше владеющих русским, нежели родным» (Языковая политика). Несомненно, важно открытие портала об осетинском языке, а также создание раздела «Википедии», что свидетельствует о повышении статуса языка титульной нации, занимающего приоритетные позиции в рамках института этнокультуры.

«Современное состояние осетинского языка характеризует активный неогенез, то есть возникновение различных лексических инноваций... большое значение имеет и расширение его функциональных возможностей» (Парсиева, Гацалова, 2014: 140). Это в свою очередь есть свидетельство усиления интереса общества к родному языку и, соответственно, интереса к его научному исследованию, в том числе исследованию компаративного характера.

Цель статьи – исследовать наиболее частотные оппозиции лексической семантики слов в русском и осетинском языках, представляющих активную зону лексико-семантической интерференции, позволяющую утверждать, с одной стороны, сохранение важных национальных образов осетинской культуры, а с другой – ментальное влияние осетин на русскую культуру отдельного региона. В качестве источников эмпирических данных использовались толковые словари русского языка и переводные осетинско-русские лексикографические справочники; также были использованы данные, полученные путем анкетирования жителей Владикавказа.

Стратификация лексико-семантических языковых отношений – традиционная исследовательская задача, что обусловлено ее многоаспектностью. В. Г. Гак писал, что «можно выделить несколько десятков или даже сотен подобных отношений между лексическими единицами» (Гак, 1977: 133).

В настоящей статье используется классификация В. Н. Манакина, выделившего в качестве основных следующие три типа межъязыковых лексико-семантических отношений (Манакин, 2004).

1. Отношения эквивалентности лексических единиц

Оппозиция подобного рода характерна для лексем, которые не освоились фонетически, а также не трансформировались семантически. К ним относятся:

– русские и осетинские лексические единицы, формально и семантически идентичные, сохраняющие экспонент языка-донора при наличии некоторой специфики осетинского языка: *гавань, рейд, спортсмен, телевизор* и т. п.;

– слова, семантически эквивалентные в русском и осетинском языках: *бур* – жёлтый, *жæрдæ* [жАрдæ] – сердце, *зивæг* [жйвЛг] – ленивый, *топп* – ружье, *тæхой* [тЛхõй] – летун (разг.), *уарди* [ўарди] – роза и др.;

– русские сигнификаты, манифестируемые словосочетанием, которым в осетинском словарном составе соответствует одна лексическая единица: Новый год – *Нòгбон* [Нòгбõн], оранжевый цвет – *сæнтбур* [шЛнтбур], поздняя осень – *æрæгвæззæг* [АрæгвЛжЛг].

2. Отношения частичного тождества

2.1. Осетинские лексемы отличаются тем, что в сравнении с семантически идентичными русскими вариантами имеют более широкое значение: *сырх* [шырх] – красный, алый, розовый, багряный; *бандон* [бЛндõн] – стул, лавочка, табуретка, скамейка; *цауын* [саўын] – идти и ехать; однословно выражаются в осетинском языке и такие понятия, как *æрæвæрын* [АрæвЛрын] – поставить и положить, *бабадын* – посидеть, подсесть к кому-либо, подкараулить, отстояться (о воде, квасе); *кæрдын* [кАрдын] – жать, кроить, крошить, резать, рубить, *стыр* [штыр] – большой, огромный, гигантский; *цъæх* (цах) – голубой, синий; зеленый; серый; сизый и т. п.

Таким образом, в русском языке наблюдается строгая дифференциация значений указанных слов, в осетинском языке значения этих слов не разграничиваются.

Рассмотренные примеры иллюстрируют отношения включения, когда в осетинские семантемы входят все значения русского слова, к которым прибавляются специфические семемы или наоборот (Манакин, 2004: 129–130).

Ср.: горе – *зиан* [жи́а́н], *зындзынад* [жы́нзы́нлæд], *баеллаех* [бæллǽх], *саубон* [шǽубон], *фыдбыл* [фы́дбы́л] – осетинские «синонимы» включают в свой семантический объем такие дополнительные лексико-семантические варианты (ЛСВ), как «трудность», «утрата», «зло», «покойник», а в значение русского слова входит сема «душевное страдание, скорбь, печаль».

Интересно отметить следующее: номинация единичным словом, а именно именем прилагательным *цъах* [цǽх], целого ряда колоративов свидетельствует о внушительном расширении объема соответствующего понятия. По мнению В. И. Абаева, совмещение в данном слове значений серого, сизого, голубого, синего и зеленого объясняется неким аскетизмом и хозяйственной неактуальностью цветовых различий подобного рода в условиях староосетинского быта» (Абаев, 1958: 334). Своеобразна трактовка рассматриваемой семантической оппозиции О. Шпенглера, исследующего философско-культурологическое своеобразие мировых культур; он считает, что «образ жизни алан свидетельствует о предпочтении „холодного“ цвета, то есть краски не предметов, а атмосферы, создающие впечатление шири, дали, безграничности: это цвета связанности настоящего момента с прошедшим и будущим...» (Шпенглер, 1993: 331).

Указанное цветовосприятие зависит от традиционных эстетических и этических убеждений осетин, в силу чего носит выраженный национальный характер. Осетинский *æгъдау* (свод традиций, обычаев) запрещал разнообразие цветового спектра, его пестрый характер, поэтому вызывающе-кричащий наряд характеризуется двоянным словом *карка-марка* – «блестящий, пестрый», что подчеркивает низкий уровень культуры человека, приветствующего подобное цветосочетание. Значимыми считаются только спектрально чистые цвета, ибо лишь они могут быть «наполнены» национальной символикой. В данном случае можно констатировать существование национальных цветовых картин мира, обусловленных противоречиями между культурными представлениями разных народов об окружающей их реальности, что в свою очередь обуславливает специфику лингвоцветовых языковых картин. Таким образом, понятие «цвет» выступает как яркий маркер культурного своеобразия осетинского этноса, сохраняющего колоративную специфику до настоящего времени.

2.2. В связи со сказанным особенно интересны оппозиции, членами которых являются лексико-семантические соотношения разных языковых систем, обозначающие онтологически и функционально сходные денотаты (Манакин, 2004: 133]. В семантической структуре таких семантем дифференцируется общий сектор, то есть сходная семема, и семемы за пределами пересечения. Сравним с этой точки зрения следующие слова осетинского и русского языков (табл. 1).

Семемный анализ сопоставляемых русской и осетинской лексем показывает различие их семантем¹: они эквивалентны по прямому номинативному значению и частично – по производно-номинативному значению. Русская семантема имеет еще ряд производно-номинативных значений, а также коннотативное значение, которое отражает образы объективного мира опосредованно, в форме лексемы Д2, добавляя образное представление. С другой стороны, осетинская семантема включает в семантическую структуру полисеманта семему, отражающую регионально маркированную реалию, связанную с традиционными этнокультурными ценностями. Наличие *хæдзара* – обязательный атрибут дворового пространства каждого многоэтажного дома в Республике Северная Осетия – Алания, в *хæдзаре* протекает общественное бытие

¹ Семантема – «состав семем одной лексемы» (Стернин И. А., Соломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. С. 3).

Таблица 1

Контрастивно-семемный анализ семантической структуры слов²
Дом – хæдзар [хЛдзәр]

Значение и семантическая структура слова в русском языке	Значение и семантическая структура слова в осетинском языке
Дом Дом – жилое здание (семема Д1). <i>Каменный д.</i> Дом Д2 (1) – здание для учреждения. <i>Флаг на доме.</i> Дом Д2 (2) – свое жилье. <i>Родной дом.</i> Дом Д2 (3) – семья, люди, живущие вместе. <i>Мы знакомы домами.</i> Дом Д2 (4) – хозяйство. <i>У матери на руках весь д.</i> Дом Д2 (5) – династия, род. Царствующий д. Дом К1 (1) – место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования. <i>Родина – наш общий д.</i> Дом К1 (2) чего или какой – учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды. <i>Дом мебели</i> (Ожегов, Шведова)	Хæдзәр Хæдзар – жилище (семема Д1). Хæдзар Д2 (1) – домашнее хозяйство («Осетинско-русский словарь») Хæдзар Д2 (2) – чаще всего одноэтажное нежилое длинное здание, предназначенное для проведения религиозных, ритуальных, общественных и рекреационных мероприятий («Википедия»)
рус. семема Д1; Д2 (4) = осет. семема Д1; Д2 (1) рус. семема Д2 (1), Д2 (2), Д2 (3), Д2 (5), К1₁, К1₂ // осет. семема Д2 (2)	

жителей таких жилых строений (собрания, свадьбы, поминки и т. д.), что демонстрирует такую важную особенность осетинского менталитета, как соборность.

Таким образом, анализ лексики в аспекте кросс-культурного подхода «есть своего рода продолжение традиций сопоставительного языкознания, однако, будучи дополненным контрастивным описанием лексической семантики инолексемы, он делает акцент на семантическое различие сопоставляемых лексем», что обуславливает лингвокультурный экскурс в историю репрезентирующих слов (Гусакова, 2010: 3).

Ср. также:

Таблица 2

Пир – куывд [кўвд]

Значение и семантическая структура слова в русском языке	Значение и семантическая структура слова в осетинском языке
Пир – богатое и торжественное угощение с приглашением многих гостей (семема Д1). <i>П. на весь мир</i> (погов.). Пир Д2 (1) – об обильном угощении, вкусной еде (разг.). <i>Вечером у нас будет настоящий п.</i> (Ожегов, Шведова)	Куывд – молитва (семема Д1). Куывд Д2 (1) – пир, пиршество. Куывд Д2 (2) – торжество. Куывд Д2 (3) – массовое гулянье («Осетинско-русский словарь онлайн»)
рус. семема Д1 = осет. семема Д2 (1); Д2 (2); Д2 (3) рус. семема Д2 (1) // осет. семема Д1	

² Семемная семасиология описывает значение (семему) как некоторую целостность, не анализируя детально ее структуру и уделяя основное внимание типам значений (см.: Стернин И. А., Соломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. С. 3).

В данном случае (табл. 2) прямое номинативное значение совпадает в осетинском языке с производно-номинативными значениями. В качестве главной семемы в осетинском языке выступает семема «молитва», что объясняется сохранившимся до настоящего времени обычаем начинать торжество в честь какой-либо значимой удачи (выздоровления, примирения, рождения ребенка и т. д.) словами благодарности Богу. Во время кувда на столе обязательны три главных подношения – три пирога, мясо и ритуальное пиво. Кувд устраивают и у себя дома, и в святилищах. Таким образом, кувд – это не просто трапеза, это застолье как благодарность Великому Богу – Стур Хуцау и его посланнику на Земле – святому Георгию.

Аналогичную прагматическую нагрузку имеет и осетинское имя существительное *хуын* [хӕн]. В осетинской мифологии это божество хлебных злаков, точнее, всего, что произрастает на земле для пользы человека. В представлении осетин это божество очень близко людям, хотя и живет на небесах.

Традиционно *хуын* – это обрядовое подношение, состоящее из трех пирогов, вареного мяса или шашлыка и кувшина с аракой или пивом; оно происходило не в любой день, а по поводу традиционно значительных праздников, например, *хуын* был обязательной составляющей национального свадебного ритуала.

В настоящее время под словом «хуын» понимается приношение при посещении соседей, близких, друзей в случае какого-либо торжества. Так как во время торжественных застолий мужчины и женщины в Осетии, как правило, сидят за отдельными столами, *хуын* состоит из двух частей: пироги и крепкий напиток – арака – на мужской стол, а три сдобных пирога со сладкой начинкой – на женский.

Данная лексическая единица, как и слово *кувд*, активно используется в русском диалекте Северной Осетии – Алании как в устной речи всех жителей Алании, так и в письменных контентх официального характера (табл. 3).

Таблица 3

Подарок – *хуын* [хӕн]

Значение и семантическая структура слова в русском языке	Значение и семантическая структура слова в осетинском языке
Подарок – вещь, которую дарят, подарили (семема Д1). <i>Сделать, получить п.</i> Подарок К1 (1) перен. <i>П. судьбы.</i> Подарок К1 (2) перен. Что-н. хорошее, приятное (обычно как знак уважения, признательности). <i>Приход этого человека – всегда п.</i> (Ожегов, Шведова)	Хуын – подарок (семема Д1). Хуын Д2 (1) – приношение («Осетинско-русский словарь онлайн»)
рус. семема Д1 = осет. семема Д1 рус. семема К1 (1), К1(2) // осет. семема Д2 (1)	

Осетинское *хуын* выражает прежде всего национальное обрядовое действие, предусматривающее преподношение не в любой день, а по поводу традиционно значительных событий, при этом у русских словесных эквивалентов отсутствует важная семантическая грань, отмеченная В. И. Абаевым, – подношение «обычно в форме съестного» (Абаев, 1995). Сказанное акцентирует внимание на том, что осетинский член рассматриваемой семантической оппозиции культурно маркирован и обозначает наряду с особенностями культурной жизни осетинского социума еще и образ его мышления, раскрывая специфику национальных традиций, передающихся от поколения к поколению (Вежбицкая, 2001: 19).

Следует заметить, что осетинское *хай* (табл. 4) понимается и как гостинец, который передают участнику застолья, называемого, как уже отмечалось, словом *куывд*, для угощения своих домочадцев.

Таблица 4

Часть – хай

Значение и семантическая структура слова в русском языке	Значение и семантическая структура слова в осетинском языке
Часть – доля, отдельная единица, на которые подразделяется целое (семема Д1). <i>Ч. публики.</i> Часть Д2 (1) – предмет как составной элемент какого-н. целого, организма, механизма. <i>Запасные части (детали машин).</i> Часть Д2 (2) – отдел какого-н. учреждения. <i>Учебная ч.</i> Часть Д2 (3) – в вооруженных силах: организация, занимающаяся подготовкой специалистов из числа сержантов, старшин, солдат, матросов). Часть Д2 (4) – область какой-н. деятельности, специальность (разг.). <i>Работать по финансовой части.</i> Часть К1 (1) – части света – отдельные материи или крупные части их с прилегающими к ним островами. Часть К1 (2) – по части чего, предлог с род. п. (разг.) – в области, в сфере чего-н. <i>Он у нас мастер по части розыгрышей</i> (Ожегов, Шведова)	Хай – доля, часть (семема Д1). Хай Д2 (1) – участок («Осетинско-русский словарь онлайн»)
рус. семема Д1 = осет. семема Д1 рус. семема Д2 (1), Д2 (2), Д2 (3), Д2 (4), Д2 (5), К1 (1), К1 (2) // осет. семема Д2 (1)	

Ср. также:

рус. *старший* и осет. *хистар* [хистАр]: осетинская лексема чаще употребляется в смысле «тамада/главный за столом»; известны синтагмы «второй/третий хиштар»;

рус. *хороший парень* и осет. *дзабæх лæппу* [зАбæх лАппу]: последний вариант называет юношу, уважающего старших по возрастному признаку, охотно помогающего в проведении различных общественных мероприятий, т. е. имеющего о себе с точки зрения национальных традиций положительное представление в глазах окружающих людей;

рус. *невестка, сноха* и осет. *чындз* [чынз] имеют одинаковое денотативно-понятийное значение «женщина по отношению к отцу и матери ее мужа», однако в осетинском языке указанная лексема обычно с определительным словом очень часто используется для характеристики скромной девушки – «осетинская чынза»; ср.: «Мадина – скромная, хорошо воспитанная, что ни говори, настоящая чынза». Можно предположить, что указанное «осетинское» значение рассматриваемого слова объясняется национальным обычаем, согласно которому девушка, войдя в дом своего жениха, не могла в соответствии с обычаями длительное время

после свадьбы разговаривать с кем-либо в присутствии родственников мужа, в том числе и родителей. В настоящее время в ряде семей данный обычай еще соблюдается;

рус. *русский* и осет. *уырыссаг* [урыш/г] денотативно-понятийно тождественны, разница заключается в том, что слово *уырыссаг* прагматически окрашено, так как имеет коннотацию «взгляда глазами осетина»: «Он (осетин) видит, что я *урышаг* – не понимаю по-осетински»;

рус. *спасибо* и осет. *бузныг* [бужныг] – номинации, которые служат для обозначения понятия благодарности, однако осетинская лексема используется говорящим в том случае, если отношения между людьми очень близкие, отличаются особой искренностью и доверительностью, а именно тогда, когда русский эквивалент – слово *спасибо* – звучит торжественно, напыщенно, высокопарно; ср. фр. *мерси* или англ. *сенкс* в общеупотребительном словаре русского языка.

Наглядно видно, что контрастивно-семантическая методика, в частности контрастивно-семемная, позволяет провести сравнительный анализ языковых репрезентантов национальных ментальностей. Мысль о том, что язык теснейшим образом связан с ментальностью, в лингвистике неоднократно подчеркивалась; см., например: «действительно, все особенности ментальности различных этнических общностей отражаются именно на их языке, как „в зеркале народного характера“» (Колесов, 2006: 26).

С целью показать указанное ментально-языковое взаимодействие последовательно осуществляется исследование на основе компонентной методики: 1) описание русских понятий, 2) описание их иноязычных эквивалентов, 3) сопоставительный анализ описываемых семантем и как результат 4) выявление дифференцирующих конституентов.

Таким образом, можно констатировать связь лингвокультурологии и кросс-культурной лингвистики как исследующих один и тот же объект – взаимоотношения языка и культуры, однако предмет исследования кросс-культурной лингвистики характеризуется дополнительно тем, что в фокусе его внимания находится процесс взаимопроникновения национальных культур и ментальностей в языковом пространстве.

Проведенный в данном исследовании контрастивно-семемный анализ позволяет говорить о наиболее частотных оппозициях лексической семантики слов в русском и осетинском языках. Лексико-семантические различия в русском и осетинском словарном составе представлены в семемах или в отдельных семах слов, в частности в семантических конституентах коннотативно-прагматического характера.

В ходе контрастивно-семемного анализа семантической структуры русских и осетинских слов особое значение было уделено полисемичным лексемам как наиболее активной сфере лексико-семантического влияния языков, в силу чего оппозиции полисемантов наиболее убедительно показывают сходные и дифференцирующие семемы сопоставляемых семантических структур.

В связи с тем что каждый язык – это не только инвентарь и правила его функционирования, но и транслятор цивилизации народа, культурно маркированные лексические единицы обозначают образ его мышления, ментально-нравственные ценности, что наглядно демонстрирует контрастивно-семантический анализ, представляя данный факт несомненно очевидным. В соответствии со сказанным можно утверждать приоритет в семантических структурах осетинских лексем в сравнении с соответствующими русскими словами тех сем, которые свидетельствуют о сохранении важных национальных образов, присущих осетинской ментальности. Разные смысловые импликации осетинских лексем подобного характера свидетельствуют, в частности, о «консервации» таких нравственных категорий, как духовность, порядочность, соборность, уважение к традициям. Хотя народные традиции берут свое начало в глубокой древности, у осетин они соблюдаются и в настоящее время, занимая главное место в жизни каждого человека, принадлежащего к титульной нации. Таким образом, денотативно-

понятийный аппарат и коннотации осетинских лексем позволяют говорить об особенностях в миропонимании осетинского народа, что активно проявляется в лексико-семантическом сопоставлении.

Представленные семантические оппозиции носят либо исторически сложившийся характер, либо основаны на этнически специфичном контрасте, сформировавшемся в более поздний хронологический период как знаковое воплощение тех или иных реалий, воспринимаемых в плане отдельной национальной идентичности, являющейся одним из механизмов формирования современной российской идентичности.

В настоящее время межэтнические контакты в силу объективных экстралингвистических причин значительно масштабируются, что, соответственно, способствует некоторому усилению осетинского морально-нравственного влияния на русскоязычный корпус населения Республики Северная Осетия – Алания. Эта линия межэтнического взаимодействия проявляется в том, что многие нравственные ценности и соотносящиеся с ними осетинские традиции все чаще проникают в русский быт и становятся привычными жизненными атрибутами. Данное обстоятельство, связанное с указанной выше тенденцией формирования российской идентичности, обуславливает, с одной стороны, вхождение отдельных этнокультур в общую культуру Российской Федерации, основанную на русском языке, а с другой – гарантирует сохранение миноритарных языков и их актуализацию на фоне ярко выраженной национально-культурной самобытности. Для решения данной задачи в Республике Северная Осетия – Алания есть все условия:

- «1) активный контакт разноязычного населения на уровне производственного коллектива, семьи, досуга, в процессе общения в селе и городе;
- 2) глубокое изучение русского языка в школе;
- 3) значительный поток информации на русском языке, поступающий через все современные средства массовой информации, произведения литературы и искусства» (Дзодзикова, Кульчиева, 2016: 2).

Таким образом, исследование лексико-семантических оппозиций русских и осетинских словарных единиц представляется актуальным не только в лингвистическом аспекте, но и в идеологическом, отражающем базовые ценности населения соответствующего региона.

Источники:

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: http://lib.ru/DICOZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 05.04.2023).

Осетинско-русский словарь / сост. Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева. В 4 т. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. 749 с.
Осетинско-русский словарь онлайн. URL: <http://osetinsko-russkij-slovar.slovaronline.com> (дата обращения: 05.04.2023).

Литература:

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. I. 655 с.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1995. Т. 5. 449 с.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> Хадзар (дата обращения: 05.04.2023).

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.

Гуриев Т. А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1962. 119 с.

Гусакова Ю. О. Кросс-культурный анализ французских заимствований: на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 178 с.

- Дзодзикова З. Б., Кульчиева М. Б.** Русские лексические заимствования в устной разговорной речи осетинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3. С. 118–120.
- Зварькина И. С.** К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке // Гуманитарные исследования. 2013. № 2 (46). С. 30–36.
- Исаев М. И., Исаева З. Г.** Взаимодействие русского языка с языками иранских народов СНГ // Вопросы филологии. 2010. № 1. С. 48–51. URL: http://journal.mosinyaz.com/page_48_34/ (дата обращения: 05.04.2023).
- Кадола Т. А.** Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. 2011. № 2. С. 22–28.
- Камболов Т. Т.** Осетинский язык в контексте этноязыковых процессов // Дарьял. 2002. № 2. С. 142–175. URL: http://www.darial-online.ru/material/2002_2-kambol/ (дата обращения: 05.04.2023).
- Козырева Т. З.** Лексика осетинского языка с точки зрения ее исторического происхождения. Орджоникидзе: Севгиз, 1962. 28 с.
- Колесов В. В.** «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
- Кошарная С. А.** Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 14 (263). Вып. 34. С. 14–26.
- Кулаев Н. Х.** О роли русского языка и русской культуры в развитии языков и культур Северного Кавказа // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. М.: Наука, 1973. С. 30–32.
- Кульчиева М. Д.** Вклад русского языка в становление и развитие общественно-политической терминологии осетинского языка: дис. ... канд. филол. наук. 2005. URL: <http://disscat.com/vklad...v-stanovlenie-i...terminologii...> (дата обращения: 05.04.2023).
- Манакин В. Н.** Сопоставительная лексикология. Киев: Знання, 2004. 326 с.
- Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б.** Отражение современных процессов модернизации в лексике осетинского языка // Успехи современного естествознания. 2014. № 11. С. 140–140.
- Резвухина Ю. А.** Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. № 2. С. 84–90.
- Стернин И. А., Соломатина М. С.** Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
- Шпенглер О.** Закат Европы. Образ и действительность. Новосибирск: Наука, 1993. 583 с.
- Языковая политика** (на примере Северного Кавказа и Республики Северная Осетия – Алания). URL: <http://parliamentosetia.ru/index.php/main/analytics/art...> (дата обращения: 05.04.2023).
- Martin J.-B.** Dictionnaire du français régional du Pilat. P.: Bonneton, 1989.
- Doragne A.** Les régionalismes du français. P.: Gembloux: Duculot, 1978.

Сенько Елена Викторовна.

Доктор филологических наук, профессор.

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.

Ул. Ватутина, 44-46, Владикавказ, 362025.

E-mail: senkoelena@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16 апреля 2023 г.

E. V. Senko

LEXICAL AND SEMANTIC OPPOSITIONS OF RUSSIAN AND OSSETIAN DICTIONARY UNITS

The subject of this article is the lexical-semantic oppositions of the Russian and Ossetian languages. These oppositions are considered from the point of view of sememe semasiology, i.e., the meaning (sememe) is described as a certain integrity that goes beyond the details of its structure; accordingly, semantemes are analyzed, i.e., the composition of sememes of a lexeme functioning in Russian and Ossetian. The focus is on the value types. The article aims to study the most frequent oppositions of lexical semantics of words in Russian and Ossetian, which represent an active zone of interlingual interference that allows us to assert, on the one hand, the preservation of important national images of Ossetian culture and, on the other hand, the mental influence of Ossetians on the Russian culture of a given region. Explanatory dictionaries of the Russian language and translated Ossetian-Russian lexicographic reference works served as sources for the empirical data; data obtained through interviews with the inhabitants of Vladikavkaz were also used. The typology of lexical-semantic relations is represented by three main types of interlingual relations: equivalence, inclusion, and intersection. Special attention was paid to polysemic lexemes since they most convincingly show similar and differentiating sememes of the compared semantic structures. The priority of these sememes in the semantic structures of Ossetian lexemes in comparison with the corresponding Russian words, testifying to the preservation of important national images

inherent in the Ossetian mentality, is affirmed. Thus, the denotative-conceptual apparatus and connotations of the Ossetian lexemes allow us to talk about the features of the worldview of the Ossetian people, which is actively manifested in the lexical-semantic comparison. The presented semantic oppositions reflect the social transformations due to the current tendency in modern society to form a Russian identity that implies separate, relatively autonomous constituents, for example, the identity of a national character. Accordingly, the study of lexical-semantic oppositions between Russian and Ossetian vocabulary units seems to be relevant not only in linguistic but also in ideological terms, as they reflect the basic values of the population of a particular Russian region.

Keywords: *ossetian language, semantic opposition, contrastive semantic analysis, sememe, semantemes, semantic equivalence, semantic inclusion, semantic overlap, national identity*

References:

- Abaev V. I.** Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. Vol. 1. 655 p.
- Abaev V. I.** Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad: Nauka, 1995. Vol. 5. 449 p.
- Vezhbítskaya A.** Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevyh slov [Understanding cultures through keywords]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 288 p.
- Wikipedia** [Wikipedia]. URL: <http://ru.wikipedia.org/Hadzar> (accessed: 05.04.2023).
- Gak V. G.** Sopostavitel'naya leksikologiya (Na materiale francuzskogo i russkogo yazykov) [Comparative lexicology (Based on the material of French and Russian languages)]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977. 264 p.
- Guriev T. A.** Vliyanie russkogo yazyka na razvitie osetinskoj leksiki [The influence of the Russian language on the development of Ossetian vocabulary]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 119 p.
- Gusakova Yu. O.** Krosskul'turnyj analiz francuzskih zaimstvovaniy: na materiale russkogo yazyka [Cross-cultural analysis of French borrowings: based on the material of the Russian language]: dis. kand. filol. nauk. Belgorod, 2010. 178 p.
- Dzodzikova Z. B., Kulchieva M. B.** Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v ustnoj razgovornoj rechi osetinskogo yazyka [Russian lexical borrowings in the oral colloquial speech of the Ossetian language] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. No 3. P. 118–120 (in Russian).
- Zvarkina I. S.** K voprosu o sootnoshenii dialektnogo i regional'nogo v russkom yazyke [On the question of the relationship of dialect and regional in the Russian language] // Gumanitarnye issledovaniya. 2013. No 2(46). P. 30–36 (in Russian).
- Isaev M. I., Isaeva Z. G.** Vzaimodejstvie russkogo yazyka s yazykami iranskih narodov SNG [Interaction of the Russian language with the languages of the Iranian peoples of the CIS] // Voprosy filologii. 2010. No 1. P. 48–51 (in Russian).
- Kadolo T. A.** Regional'naya leksika kak proyavlenie polikul'turnosti [Regional vocabulary as a manifestation of multiculturalism] // Yazyk i kul'tura. 2011. No 2. P. 22–28 (in Russian).
- Kambolov T. A.** Osetinskij yazyk v kontekste etnoyazykovykh processov [Ossetian language in the context of ethno-linguistic processes] // Dar'yal. 2002. No 2. P. 142–175. URL: http://www.darial-online.ru/material/2002_2-kambol/ (accessed: 05.04.2023) (in Russian).
- Kozyreva T. Z.** Leksika osetinskogo yazyka s tochki zreniya ee istoricheskogo proiskhozhdeniya [The vocabulary of the Ossetian language from the point of view of its historical origin]. Ordzhonikidze: Sevogiz, 1962. 28 p.
- Kolesov V. V.** «Zhizn' proiskhodit ot slova ...» ["Life comes from the word..."]. SPb.: «Zlatoust», 1999. 368 p.
- Kosharnaya S. A.** Regiolekt Belgorodchiny kak lingvokul'turnoe obrazovanie [The regiolect of Belgorod region as a linguistic and cultural education] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. No 14(263). Vyp. 34. P. 14–26 (in Russian).
- Kulaev N. H.** O roli russkogo yazyka i russkoj kul'tury v razvitii yazykov i kul'tur Severnogo Kavkaza [Russian language and Russian culture in the development of languages and cultures of the North Caucasus] // Razvitie yazykov i kul'tur narodov SSSR v ih vzaimosvyazi i vzaimodejstvii. M.: Nauka, 1973. P. 30–32.
- Kul'chieva M. D.** Vklad russkogo yazyka v stanovlenie i razvitie obshchestvenno-politicheskoy terminologii osetinskogo yazyka [The contribution of the Russian language to the formation and development of socio-political terminology of the Ossetian language: dis. ...candidate of Philology]: dis. ... kand. filol. nauk. Vladikavkaz, 2005.
- Manakin V. N.** Sopostavitel'naya leksikologiya [Comparative lexicology]. Kiev: Znaniya, 2004. 326 p.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: http://lib.ru/DICOTHEGOW/ozhegow_a_d.txt (accessed: 05.04.2023).
- Osetinsko-russkij slovar'** [Ossetian-Russian Dictionary]. V 4-h t. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2019. 749 p.

Osetinsko-russkij slovar' onlajn [Ossetian-Russian Dictionary Online]. URL: <http://osetinsko-russkij-slovar.slovaronline.com> (accessed: 05.04.2023).

Parsieva L. K., Gatsalova L. B. Otrazhenie sovremennyh processov modernizacii v leksike osetinskogo yazyka [Reflection of modern modernization processes in the vocabulary of the Ossetian language] // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2014. No 11. P. 140–140 (in Russian).

Rezvukhina Yu. A. Regionalizm: k opredeleniyu ponyatiya [Regionalism: towards the definition of the concept] // Interekspos Geo-Sibir'. 2015. No 2. P. 84–90 (in Russian).

Sternin I. A., Solomatina M. S. Semanticheskij analiz slova v kontekste [Semantic analysis of a word in context]. Voronezh: «Istoki», 2011. 150 p.

Spengler O. Zakat Evropy. Obraz i dejstvitel'nost' [The decline of Europe. Image and reality]. Novosibirsk: VO «Nauka», 1993. 583 p.

Language policy (on the example of the North Caucasus and the Republic of North Ossetia–Alania). URL: <http://parliamentosetia.ru/index.php/main/analytics/art...> (accessed: 05.04.2023).

Martin J.-B. Dictionnaire du français régional du Pilat. P.: Bonneton, 1989 (in French).

Doppagne A. Les régionalismes du français. P.-Gembloux: Duculot, 1978 (in French).

Senko Elena Viktorovna.

Doctor of Philology, Professor.

North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.

Vatutina st., 44-46, Vladikavkaz, Russia, 362025.

E-mail: senkoelena@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЯ

И. А. Головнев, Е. В. Головнева

КИНОАТЛАС СССР: «БУХАРА» (1927)¹

Предлагаемое исследование посвящено историко-антропологическому анализу этнофильма «Бухара» (1927) известных советских кинематографистов – оператора Я. М. Толчана и монтажницы Е. И. Свиловой. На этом характерном для изучаемого периода примере в статье проводится рассмотрение «опытов кинематографистов» в процессе оформления этнографического направления в советском кино. В постреволюционных идеологических реалиях кинематографисты, увлекаемые этнографической экзотикой и романтикой экспедиций, активно апробировали различные подходы в визуализации этничности, конструируя экранный образ «Союза освобожденных Октябрем народов», в чем для подкрепления программ культурных преобразований было заинтересовано партийное руководство, выступая монопольным распорядителем тематических и производственных планов в кинопромышленности. В задачи работы входит описание сюжетов преломления традиционного бытования узбекского общества в ходе социалистического строительства в регионе в середине 1920-х гг., запечатленных в упомянутом фильме. Поскольку неоднородный Восток являлся в раннесоветский период одним из наиболее проблемных регионов в плане проведения программ советизации, на него обращалось специальное кинематографическое внимание. Съемки центральноазиатской киноэкспедиции Я. М. Толчана и последующий монтаж Е. И. Свиловой отдельного фильма «Бухара» рассматриваются в контексте развития большого государственного проекта «Киноатлас СССР» и в связи с параллельными процессами в советской национальной политике. Опорными источниками для исследования стали малоизвестные архивные документы и материалы советской периодической печати. В исследовании применяется эффективный авторский метод прочтения фильма как кинотекста, коль скоро, в связи со спецификой немого кинематографа, фильм «Бухара» представляет собой последовательность из визуальных кадров и титровых надписей, паритетно представленных в киноповествовании. Делаются выводы о фильме «Бухара» как о многослойном визуальном документе своего времени, в частности и о необходимости осмысления феномена советского киноатласа, в целом как уникального явления, породившего массив практических и теоретических данных, востребованных в современных визуально-антропологических программах.

Ключевые слова: *визуальная антропология, «Киноатлас СССР», этнографическое кино, «Бухара»*

Контекст кинопроекта

Отечественная кинолетопись, включая фильмы и экранные журналы, создаваемая на пространстве всего Советского Союза, имеет более чем вековую историю, полную неизученных опытов и неопределенных открытий. В текущее время все больше исследователей обращается в своей деятельности к визуальным архивам, в том числе к историческим фильмам, ведь хроникальные ленты дают возможность рассмотреть как сами ушедшие в прошлое события, так и многосложный контекст их создания: культурный, научный, идеологический. Однако работа с такими материалами требует опоры на соответствующую критическую методологию, актуализируя необходимость подобных разработок. Предлагаемое исследование, с одной стороны, вводит в гуманитарный оборот информацию об этнографической кинокартине «Бухара» (1927), с другой, развивает на выбранном примере апробацию авторского подхода к анализу фильма как кинотекста, демонстрируя опцию прочтения кинодокумента как исторического источника (Головнев, 2020).

В середине 1920-х гг. советский кинематограф, преодолев сложный переходный период, последовавший за революционной национализацией отрасли, начал обретать собственные выразительные черты, разрабатывать самобытную киноазбуку. По свидетельствам участников тех событий, «на языке экрана Октябрьская революция не могла начать изъясняться с первых дней своего потрясающего шествия... Только став прочно на ноги, расчистив вокруг себя

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

почву, можно было переходить на новые приемы, на новую технику, новый язык» (Шутко, 1925: 1). Поиски грамматики советского киноязыка породили целую серию теоретических разработок (Пиотровский, 1930; Тынянов, 1977; Шкловский, 1985), а воспитание кадрового резерва кинореволюционеров обеспечило организацию соцсоревнований по количеству и качеству выпускаемых кинолент (Лебедев, 1974). Попав в политическую повестку большевиков в качестве идеологического орудия на фронте культурной революции, советское кино получило внимание и поддержку сверху – со стороны власти как продюсера-монополиста.

В русле политики «коренизации», поощрявшей развитие партийных кадров на местах, особое место в тематических планах государственных кинофабрик стали занимать документальные кинокартины об этническом и территориальном разнообразии страны, призванные создать на экране образ многокультурного, дружного и перспективно развивающегося при социализме Союза. И поскольку одним из наиболее проблемных регионов в плане проведения соцреконструкции являлся Восток, на него отводились и специальные кинематографические ресурсы. Эта линия выражалась, в частности, в позиции руководителя крупнейшей государственной структуры «Совкино» И. П. Трайнина: «у ряда восточных национальностей есть много общих больных вопросов в быту, навеянных религией и т. п. предрассудками, с которыми нам приходится бороться, как, например: родовой быт, калым, положение женщины... нам нужны фильмы, которые трактовали и разрешали бы все эти вопросы» (Трайнин, 1928: 62).

В подобной же тональности звучали в тот период аргументы о необходимости серийной съемки этногеографических лент и на страницах специализированной прессы. Например, известный кинематографист К. Оганесов, отмечая ценность применения визуальных технологий в этнографии, заявлял о необходимости отправки кинооператоров в различные уголки СССР, выражая убеждение, что созданные ими ленты будут иметь непреходящее значение: «Многие мало изученные народности вымирают. И, может быть, через несколько лет от них не останется никаких следов. Тем более необходимо зафиксировать их как можно скорее на пленке» (Оганесов, 1925: 11). Запросы на выпуск и прокат этнофильмов слышались и снизу, в частности от представителей киноklubной аудитории: «За последнее время совершенно исчезли с наших экранов этнографические картины. Союз наш охватывает столько автономных республик, столько народностей, а нам неизвестен их быт. В рабочих клубах они необходимы, они знакомят бы рабочего с бытом и жизнью народов нашего Союза гораздо лучше, чем книги» (Нет фильм, 1925: 1).

В то же самое время задававшая передовой экспериментальный тон в кинематографическом сообществе 1920-х гг. группа кинодокументалистов, руководимая Дзигой Вертовым, проводя регулярные поиски эффектных сюжетов для создания экранной газеты «Кино-правда», в свою очередь на практике приближалась к охвату «кино-глазом» территорий всего Союза. Так, один из ключевых сотрудников этой команды, М. Кауфман, декларировал, что их методологическими принципами при создании «кино-хроники» являются поиски интересных мест, значительных явлений, убедительных фактов, максимально объемный охват и последующий отбор материалов, производимый под особым углом зрения (Кауфман, 1925: 3). В русле превращения кинодокументалистики в индустрию формулировались и предложения о создании единого межведомственного научно-кинематографического объединения, руководящего хроникальными этногеографическими киносъемками (Нужна кино-хроника, 1925: 7). Количество вышеупомянутых интенций постепенно перерастало в качество, и так сформировался информационный фон для рождения кинопроекта «атласного» масштаба. Первое из известных на сегодня предложение о создании советского киноатласа на страницах прессы озвучил авторитетный режиссер документальных и художественных фильмов В. Касьянов: «Одну из больших задач, стоящих на очереди перед советским кино, мы видим в создании кино-атласа нашей страны, фиксирующего жизнь и быт народов, ее населяющих, что является до сих пор терра-инкогнита не только для заграницы, но и для нас самих» (Касьянов, 1926: 1).

Тогда же, в середине 1920-х гг., в СССР была образована государственная студия уникального формата – «Культикино» – единственная в своем роде кинофабрика, управлявшаяся ученым советом. По свидетельствам периодики, в ученый совет той кинофабрики были включены видные представители науки и ведущие общественно-политические деятели: академик А. А. Белопольский, академик П. П. Лазарев, нарком просвещения А. В. Луначарский, нарком здравоохранения Н. А. Семашко, дипломат Л. Б. Красин, профессор-иммунолог Л. А. Тарасевич и др. (Культикино, 1925: 19). Именно на базе «Культикино» была запущена работа группы «киноков» под руководством Дзиги Вертова по съемке кинохроникальных материалов в различных регионах Советского Союза и получившая рабочее название «Пробег Кино-Глаза сквозь СССР». Претерпев творческо-производственные превращения, эта деятельность результативнулась в 1926 г. в одном из самых значительных проектов в раннесоветском кинематографе – монтажном кинополотне «Шестая часть мира». Восемь съемочных групп, ведомые титульными вертовскими кинохроникерами, были командированы в различные республики и области Союза, включая труднодоступные окраины. Формальной задачей кинопроекта, делавшегося по заказу Наркомата внешней торговли СССР, было выгодно представить на экране устройство советского торгово-экономического организма, объединяющего натуральные ресурсы и передовые технологии: от даров природы и продуктов традиционных промыслов коренных народов до фабрично-заводской переработки и емкостей экспортных программ. Однако режиссер использовал выдавшуюся возможность для развития визуального эксперимента схватить «жизнь врасплох» (термин Д. Вертова) в масштабах «Шестой части мира», выдавая операторам задания по съемке максимально подробной кинохроники на местах: от хозяйственных будней до ритуалов и праздников населения (Вертов, 1966).

Масштабность кинопроекта выразилась не только в плане рекордного покрытия географических локаций, но и в накоплении богатейшего объема этнографических киноматериалов. При этом лишь малая доля из исходных съемок вошла в итоговый монтажный ряд «Шестой части мира». А оставшийся банк пленок обрел свое воплощение во впечатляющей серии короткометражных этнографических кинолент: «Охота и оленеводство в области Коми» (операторы С. А. Бендерский и Н. Н. Юдин), «Самоеды» (И. И. Беляков и А. Г. Лемберг), «Тунгусы» (П. П. Зотов, Е. И. Свилова), «Жизнь нацменьшинств» (Я. М. Толчан), включая и фильм «Бухара», на котором будет сфокусировано настоящее исследование. Киносюжеты, снятые на территории древнейшего города Центральной Азии, транслировали, с одной стороны, картины традиционного образа жизни узбеков, с другой – образы новообразований в этом самобытном сообществе на начальном этапе советизации республики.

Оператор фильма – Яков Моисеевич Толчан (1901–1993), в то время совсем молодой, но вполне опытный кинематографист, окончивший Государственный кинотехникум, с 1924 г. сотрудничавший с группой Дзиги Вертова на производстве выпусков «Кино-Правды» и успешно отработавший на вышеупомянутом кинопроекте «Шестая часть мира». Имелись в его творческом активе и киноэкспедиции в национальные районы Союза: в 1925 г. он снимал очерки о праздновании пятилетия установления советской власти сначала в Казахстане, а следом – в Марийской автономной области. По воспоминаниям Я. М. Толчана, идея создания большого «атласного» кинопроекта увлекла его: «Возникала удивительная перспектива – показать обширную географию страны, жизнь и быт далеких окраин. С радостью я узнал, что на мою долю выпала экспедиция в Узбекистан, на сказочный для меня юго-восток» (Толчан, 1976: 27).

Помимо съемки кинематографических сюжетов, Я. М. Толчан делал и текстовые заметки о ходе поездки, вышедшие впоследствии в формате мемуаров и дающие возможность представить контекст работ, оставшийся «за кадром». Помимо развития информационного поля, они представляют интерес в методологическом плане, открывая перспективу соединения дополняющих друг друга текстовых и визуальных документов экспедиции. Как и другие произ-

ведения немого кино, фильм «Бухара» является кинотекстом, равнозначными элементами которого служат визуальные (кадры) и текстовые (титровые надписи) слагаемые. Соответственно, эффективным ключом к исследовательскому прочтению такого источника оказывается его переложение в формат раскадровки. Изложенная далее в статье последовательность титрового и кадрового содержания, дополненная выдержками из воспоминаний Я. М. Толчана, дает наглядную основу для аналитики и формулирования тематических выводов.

Фильм «Бухара»² как кинотекст

Титр. БУХАРА – ОДИН ИЗ КРУПНЫХ ТОРГОВЫХ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА.

Кадры. Вид Бухары с верхней точки.

Титр. МЕЧЕТЬ.

Кадры. Внешний вид мечети (с разных точек). Узбеки в мечети во время молитвы. Башня мечети.

Кадры. Вид одного из кварталов Бухары (с верхней точки).

Из образных описании Я. М. Толчана следует, что именно с башни мечети оператором была увидена и снята панорама центра многонаселенного восточного города – от мечети до базара: *«Сверху производят странное впечатление белые чалмы с черной тюбетейкой в середине – словно издалека смотрит вверх глаз с темным зрачком»* (Толчан, 1976: 27).

Фото 1. Кадр из фильма «Бухара». РГАКФД

Титр. ЧЕРЕЗ ГОРОД ПРОТЕКАЕТ АРЫК/КАНАЛ.

Кадры. Узбеки-водоносы наполняют бурдюки водой из канала (с разных точек).

Кадры улиц города, люди на улице. Поливка улиц водой.

Титр. ОСНОВНОЕ ЗАНЯТИЕ ЖИТЕЛЕЙ – ХЛОПКОВОДСТВО.

Кадры хлопковых плантаций. Женщины-узбечки собирают хлопок. Мужчины навьючивают тюки с собранным хлопком на верблюдов.

² Документальный кинофильм «Бухара». Российский государственный архив кинофотодокументов. Учетный № 2716. Немой, черно-белый. Производство студии «Совкино», 1927.

Кадры заготовительного пункта. Взвешивание тюков с хлопком на весах.

Титр. ...И РАЗВЕДЕНИЕ КАРАКУЛЕВЫХ ОВЕЦ.

Отмечая отсутствие регулярного транспортного сообщения между крупными населенными пунктами (Самарканд, Бухара) и провинциальными базами каракулеводства (Каган, Карши), Я. М. Толчан упоминал и специфические подробности локальных порядков в охваченных антисоветскими мятежами регионах: *«Ночью в одиночку ехать нельзя – нападают басмачи. Утром подъезжаем к развалинам глинобитной крепости. У въезда – две пики и на каждой насажено по человеческой голове. Зрелище неожиданное и внушительное. Оказывается, после боя красных декхан с басмачами эти головы выставлены в доказательство того, что банда уничтожена. На одной из пик – голова главаря банды курбаши»* (Толчан, 1976: 28–29).

Кадры. Группа мужчин-узбеков, рассматривающих каракулевою шкуру. Пастухи и овцы в поле.

Титр. КАРАКУЛЬ И КАРАКУЛЬЧИ.

Кадры шкур каракуля и каракульчи.

Титр. ШУБА НА КАРАКУЛЬЧЕВОЙ ПОДКЛАДКЕ.

Кадры шубы с подкладкой.

Титр. КАРАКУЛЕВЫЙ БАЗАР.

Кадры. Общий вид узбекского базара, где происходит торговля каракулевыми овцами и шкурами (с разных точек).

В духе антропологических заметок описывал Я. М. Толчан особенности восточного базара на границе с Афганистаном: *«Вот проходит величественный седобородый брамин; звеня колокольчиком, бредет прокаженный, у которого сквозь щеку просвечивает челюсть; группы одетых во все черное, смуглых, рослых афганцев. Торгуют всем – от баранов до десятка пуговиц и флакона от духов. Женщины, закутанные в чадру, продают искусно вышитые тюбетейки. И всюду кучки азартных игроков – ставят на бойцовых петухов, канареек, перепелок. За пару копеек можно затянуться из кальяна, который переходит из рук в руки»* (Толчан, 1976: 29–30).

Титр. ВЫДЕЛКА КАРАКУЛЕВЫХ ШКУРОК.

Кадры выделки каракулевых шкур (с разных точек). Кадры просушки шкур. Кадры склада со шкурами.

Титр. РАЗВИТО ТАКЖЕ И КИШЕЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Кадры обработки кишок.

Титр. ОБРАБОТКА КИШОК ДЛЯ ЗАСОЛА.

Кадры засола кишок (с разных точек).

Титр. ТКАЦКИЙ СТАНОК.

Кадры. Узбек за работой у ткацкого станка.

Титр. ОКРАСКА ШЕЛКОВОЙ ПРЯЖИ.

Кадры окраски шелковой пряжи (с разных точек). Узбек за изготовлением стеллажей для просушки пряжи. Окрашенную пряжу расстилают для просушки.

Кадры. Группа бухарских детей перед аппаратом.

А особое внимание Толчана-кинематографиста привлек случай, характеризующий силу воздействия магии экрана на местную аудиторию, связанный с эмоциональным сопереживанием зрителей героям киносеанса в импровизированном городском кинотеатре: *«На огороженной площадке одна из стен полуразрушенной мечети выделена и служит экраном... Сзади*

за оградой – коновязи для всадников, приехавших из кишлаков. Я еще днем обратил внимание на то, что нижняя часть экрана исчеркана горизонтальными полосами и решил, что это работа мальчишек. А вечером уразумел в чем дело. Я наблюдал грандиозную вспышку зрительских эмоций. Демонстрировался фильм с участием знаменитого “железного ковбоя” Уильяма Харта. Пока герой беседовал со своей возлюбленной, все шло нормально, когда же он, после небольшой перестрелки, подхватил свою даму в седло и бросился наутек, зрители не выдержали. С десятка наиболее впечатлительных молодцов бросились к экрану и с воплями стали погонять нагайками коня героя, стегая экран» (Толчан, 1976: 30).

Титр. В ЦЕНТРЕ ГОРОДСКОГО ОЖИВЛЕНИЯ.

Кадры. По улице едут узбеки на двуколках, верхом на ослах. Узбек-кустарь за изготовлением безделушек и деревянных игрушек-осликов. Общий вид узбекского базара (с разных точек). Узбеки за чаепитием. Повар за приготовлением пищи.

Кадры. Группа взрослых узбеков перед аппаратом. Портреты узбеков. Мужчины по очереди курят трубку. Уличный парикмахер за работой (с разных точек). Группа узбеков на рынке.

Завершая свои дневниковые записи, Я. М. Толчан сетовал, что ограниченность технических ресурсов сковала его работу в самый разгар киноэкспедиции, на пути которой уже были сняты бурливые многолюдные базары и тихие кривые улочки селений, массовые религиозные церемонии и кропотливые труды местных жителей: кузнецов, медников, гончаров, плотников и кустарей: «...Снимал много, с восторгом и упоением. Но вот настал роковой для оператора момент – кончилась пленка. К счастью, оказалось, что снятого материала для режиссера вполне достаточно. Особенно рад был Вертов обилию милых его сердцу крупных планов, деталей, схваченных моим маленьким „СЭТом“» (Толчан, 1976: 30).

Фото 2. Кадр из фильма «Бухара»

Выводы

Вышеприведенный кинотекст позволяет подробно рассмотреть содержание самого кинодокумента, закадровый контекст производственных работ, а также охарактеризовать подходы, которые были использованы оператором и монтажницей при создании фильма.

По воспоминаниям Я. М. Толчана, во время подготовительного периода у них с режиссером Дзигой Вертовым состоялся ряд установочных бесед, которые касались не столько технической, сколько творческой стороны операторского дела. Особыми акцентами тех диалогов стали кинематографическая чуткость к обозрению реалий на местах и предсьемочная тренировка отбора емких визуальных образов внутри исходного потока жизни, чтобы спрогнозировать, как те или иные картины будут работать в ограниченных рамках кинокадра (Толчан, 1976: 28). В этом ключе роль оператора в киноэкспедиции вырастала до уровня снимающего режиссера – гибридной компетенции, владение которой Я. М. Толчан успешно продемонстрировал при работе в Средней Азии.

Колоритные хроникальные кадры, снятые Я. М. Толчаном в той экспедиции, стали яркой краской в эпичном кинополотне Дзиги Вертова «Шестая часть мира». А из материалов, не вошедших в фильм, было решено создать отдельную короткометражную этнографическую ленту. И дальнейшая творческая эстафета по работе над фильмом перешла к монтажнице Е. И. Свиловой, супруге-соратнице Дзиги Вертова. Однако в отличие от вертовских экспериментальных опусов, во многом определявших экранный почерк группы «киноков», в фильме «Бухара» сведены к минимуму визуальная художественность и монтажный конструктивизм. В то же время в работе нет выстроенной сюжетной фабульности и внутрикадровой постановочности, характерных для большинства фильмов изучаемого периода. Метод Е. И. Свиловой в этом процессе можно охарактеризовать как складывание киноповествования по примеру этнографического очерка, поскольку характер монтажного ряда органично соответствовал как тематике, так и темпоритму снятых материалов. Исходя из вмененных свойств, разбираемая кинокартина представляет прямой исследовательский интерес с точки зрения визуальной этнографии, ведь основные сюжеты снимались оператором по принципу репортажа – как хроника экспедиции, без строгого сценарного плана и режиссерского руководства; и роль монтажера выразилась в трансляции неискаженных техническими эффектами реалий жизнедеятельности локальных протагонистов. Так, благодаря запечатленным этнографическим материалам, фильм «Бухара» стал вкладом в науку – не случайно и предваряется киноповествование титром «этнографическая фильма», что можно трактовать как сознательную сегментацию жанра картины, обращенную равно и к специалистам, и к непрофильной зрительской аудитории.

Итоговый фильм «Бухара», выпущенный на экраны в 1927 г., вошел в список работ, рекомендованных для включения в проектировавшийся советский «Киноатлас» (Коробков, 1933: 20), хотя форма описательного экспедиционного киноочерка к моменту релиза фильма уже не вполне вписывалась в быстроменяющиеся политические установки второй половины 1920-х гг. Кратких эпизодов, характеризующих особенности утверждения советской власти в Узбекистане в период борьбы с басмачеством, было недостаточно для удовлетворения растущих цензурных требований госзаказчика. В русле партийных заданий, нацеленных на перевоспитание народностей Востока СССР, кинематографическое руководство ориентировало авторов на создание документальных этнофильмов с выраженной идеологической интонацией. По словам руководителя «Совкино» И. П. Трайнина, от кинематографистов требовались кинокартины, сделанные на документально-художественных материалах, но при этом аккуратно дополненные «партийным» подтекстом и направленные на экранное решение актуальных для того времени госзадач: «Большим вкладом в этом отношении явятся этнографические фильмы, которые покажут в подлинном виде жизнь, труд, новое строительство и новый быт отдельных (восточных) народов» (Трайнин, 1930: 62).

Отдавая отчет в этнокультурной неоднородности Востока, которую необходимо было учесть при планировании кинопроизводства и кинопроката, власти отмечали также общие проблемные вопросы, которые может помочь разрешить «восточная фильма», как то «женский», «религиозный» и др. При этом отмечалась нехватка в производстве идеологически выверенных кинопроектов, основанных на равном знании тонкостей Востока и социалистиче-

ской грамотности (Вельтман, 1927). Не случайно в 1926 г. был сформулирован Устав специализированной киностудии, а в 1927 г., в канун десятилетия революции, – начато строительство профильной фабрики «Восток-кино». Газета «Советский экран» восторженно приветствовала появление новой студии в связи с насущной повесткой культурного переустройства в регионе: «Кино может сыграть здесь гигантскую роль и стать величайшим средством пропаганды борьбы и строительства коммунизма. При колоссальном разноязычии населения – кино, живо иллюстрирующее бытовые условия, практическую жизнь и пр., может явиться тем общим языком, который станет понятен всем народам Востока» (Дробнис, 1927: 3). В последующие годы эта студия действительно стала одной из опорных производственных баз по созданию этнофильмов с отличительным «восточным акцентом» в киноиндустрии СССР, слыла средой ярких творческих поисков и привнесла существенный пласт тематических документальных и художественных картин в коллекцию разномародного советского кино.

Являясь следствием мероприятий культурной революции в Стране Советов, рост выпускаемых картин этногеографического содержания в рассматриваемый момент происходил в контексте реализации большого научно-творческого проекта – «Киноатлас СССР». Не имевшая аналогов в мировой истории, эта инициатива, патронируемая ЦИК, обеспечила сплочение сил ведущих исследователей и кинематографистов СССР по составлению и популяризации в образовательных учреждениях экранной «карты» народов и регионов новой страны (Головнева, Головнев, 2022). Рассчитанный на многолетнюю перспективу, большой советский киноатлас предполагал регулярное пополнение за счет включения в него все новых советизирующихся областей и республик, в частности среднеазиатских. Над научной проработкой кинокарты трудились специалисты Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, Центрального бюро краеведения и других научно-исследовательских институций. А кинематографическим штабом проекта являлась крупнейшая кинофабрика страны «Совкино», в штате которой работали в то самое время монтажница Е. И. Свилова и оператор Я. М. Толчан. Процесс конструирования киноатласа стал крупным импульсом, мобилизовавшим научно-творческое сообщество на совместную деятельность, выразившись в палитре теоретических разработок и практических опытов, отразившись в серии публикаций прессы и экранных работ. Как видно, идеологические интенции своеобразным способом спровоцировали количественный и качественный рост в направлении этногеографического кино, примером чего является и рассмотренный выше опыт создания фильма «Бухара». Вобрав в себя многомерные образы визуальной истории советского строительства в «атласном» масштабе, такие кинодокументы, безусловно, имеют многостороннюю источниковую значимость для антропологического осмысления.

Источники:

Российский государственный архив кинофотодокументов. Учетный № 2716.

Литература:

Вельтман С. Задачи кино на Востоке (правда и неправда о Востоке). М.: Научная ассоциация востоковедения при Президиуме ЦИК СССР, 1927. 24 с.

Вертов Д. Статьи, дневники, замыслы. М.: Искусство, 1966. 320 с.

Головнев И. А. Визуализация этничности в советском кино: «Страна гольдов» Амо Бек-Назарова (1930) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2020. № 1. С. 114–125. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-1-114-125

Головнева Е. В., Головнев И. А. «Киноатлас СССР»: учебный фильм «Восточная Сибирь» (1935) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 3. С. 117–127. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-117-127

Дробнис Я. Восток-кино // Советский экран. 1927. № 52. С. 3–4.

Кауфман М. Хроника // Советский экран. 1925. № 15. С. 3.

- Коробков Н.** Киноатлас СССР // Советское краеведение. 1933. № 2. С. 15–20.
Культкино // Советский экран. 1925. № 33. С. 19.
Лебедев Н. А. Внимание, кинематограф!: О кино и киноведении. М.: Искусство, 1974. 438 с.
Нет фильм // Кино. 1925. № 21. С. 1.
Нужна кино-хроника // Кино. 1925. № 10. С. 7.
Оганесов К. Кино и этнография // Советский экран. 1925. № 19. С. 11.
Пиотровский А. И. Художественные течения в советском кино. М.: Теакинопечать, 1930. 46 с.
Толчан Я. М. Зримые воспоминания (из дневника кинооператора). М.: Бюро пропаганды советского киноискусства, 1976. 80 с.
Трайнин И. П. Искусство в культурном походе на Востоке СССР. М.: Теакинопечать, 1930. 80 с.
Трайнин И. П. Кино на культурном фронте. Л.: Теакинопечать, 1928. 113 с.
Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
Шкловский В. Б. За 60 лет: работы о кино. М.: Искусство, 1985. 573 с.
Шутко К. Октябрь и кино // Советский экран. 1925. № 33. С. 1.

Головнев Иван Андреевич.

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Головнева Елена Валентиновна.

Доктор философских наук, доцент, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Ул. Смольного, 1/1, г. Санкт-Петербург, 191060.

Старший научный сотрудник.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Университетская наб., 3, г. Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Материал поступил в редакцию 11 февраля 2023 г.

I. A. Golovnev, E. V. Golovneva

THE CINEMA-ATLAS OF THE USSR: "BUKHARA" (1927)

The proposed study brings information about the ethnographic film "Bukhara" (1927) by well-known Soviet filmmakers, the cinematographer Ya. M. Tolchan and the editor E. I. Svilova. Based on this film work, the article examines the "experimentation of filmmakers" in the process of developing an ethnographic tendency in Soviet cinema. In the period under study, filmmakers fascinated by ethnographic exoticism and expeditionary romanticism actively tested various approaches to visualizing ethnicity and constructed a screen image of the Union of Nationalities Liberated by the Revolution, in which the party leadership, as the monopolist of thematic and production plans in the film industry, was interested, in order to strengthen the programs of the "Cultural Revolution" Among the tasks of the work is the description of the images of the collapse of the traditional existence of Uzbek society during the socialist upheavals in the east of the country in the mid-1920s, which were captured in the mentioned film. Since the heterogeneous Soviet East was one of the most problematic regions regarding Sovietization programs in the early Soviet period, it was assigned special cinematographic resources – the filming of the Central Asian film expedition by Ya. M. Tolchan and the subsequent editing of an independent film, "Bukhara" by E. I. Svilova, are considered in the context of the development of the large-scale state project "Cinema-Atlas Of The USSR" and in the context of parallel processes of Soviet national policy. The reference sources for the study were little-known archival documents and materials from the Soviet periodical press. The study uses an effective method of the author to read the film as a film text because, due to the peculiarities of silent film, the film "Bukhara" consists of approximately equal parts of film images and text subtitles interspersed in the narrative. The conclusion points to the film "Bukhara" as a multi-layered visual document of its time and to the need to study the phenomenon of the Soviet film atlas as a whole as a unique phenomenon that has produced a range of practical and theoretical materials that are in demand in modern visual anthropology.

Keywords: *visual anthropology, Cinema-Atlas of the USSR, ethnographic film, "Bukhara"*

References:

- Veltman S.** Zadachi kino na Vostoke (pravda i nepravda o Vostoke) [Tasks of cinema in the East (truth and lies about the East)]. Moscow: VTSIK, 1927. 24 p. (in Russian).
- Vertov D.** Stat'i, dnevniki, zamysly [Articles, diaries, plans]. Moscow: Iskusstvo, 1966. 320 p. (in Russian).
- Golovnev I. A.** Vizualizatsiya etnichnosti v sovetskom kino: «Strana gol'dov» Amo Bek-Nazarova (1930) [Visualization of ethnicity in Soviet cinema: «Country of Gol'ds» by Amo Bek-Nazarov (1930)] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2020. No 1. P. 114–125 (in Russian).
- Golovneva E. V., Golovnev I. A.** «Kinoatlas SSSR»: uchebnyy fil'm «Vostochnaya Sibir'» (1935) [«Cinema-Atlas of the USSR»: educational film «Eastern Siberia» (1935)] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2022. No 3. P. 117–127 (in Russian).
- Drobnis J.** Vostok-kino [Vostok-Cinema] // Sovetskiy ekran. 1927. No 52. P. 3–4 (in Russian).
- Kaufman M.** Khronika [Chronicle] // Sovetskiy ekran. 1925. No 15. P. 3 (in Russian).
- Korobkov N.** Kinoatlas SSSR [Cinema-Atlas of the USSR] // Sovetskoye krayevedeniye. 1933. No 2. P. 15–20 (in Russian).
- Kultkino** [Kultkino] // Sovetskiy ekran [Soviet screen]. 1925. № 33. P. 19. (in Russian).
- Lebedev N. A.** Vnimanije, kinematograf!: O kino i kinovedenii [Attention, cinematography!: About cinema and film studies]. Moscow: Iskusstvo, 1974. 438 p. (in Russian).
- Net fil'm** [No movie] // Kino. 1925. No 21. P. 1 (in Russian).
- Nuzhna kino-khronika** [Need a newsreel] // Kino [Cinema]. 1925. No 10. P. 7 (in Russian).
- Oganesov K.** Kino i etnografiya [Cinema and ethnography] // Sovetskiy ekran. 1925. No 19. P. 11 (in Russian).
- Piotrovsky A. I.** Khudozhestvennyye techeniya v sovetskom kino [Artistic trends in Soviet cinema]. Moscow: Teakinopechat, 1930. 46 p. (in Russian).
- Tolchan Ya. M.** Zrimyye vospominaniya (iz dnevnika kinooperatora) [Visible memories (from the diary of a cameraman)]. M.: Byuro propagandy sovetskogo kinoiskusstva, 1976. 80 p. (in Russian).
- Trainin I. P.** Iskusstvo v kul'turnom pokhode na Vostoke SSSR [Art in the cultural campaign in the East of the USSR]. Moscow: Teakinopechat, 1930. 80 p. (in Russian).
- Trainin I. P.** Kino na kul'turnom fronte [Cinema on the cultural front]. Leningrad: Teakinopechat, 1928. 113 p. (in Russian).
- Tynyanov Yu. N.** Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka, 1977. 574 p. (in Russian).
- Shklovsky V. B.** Za 60 let: raboty o kino [For 60 years: works about cinema]. Moscow: Iskusstvo, 1985. 573 p. (in Russian).
- Shutko K.** Oktyabr' i kino [October and cinema] // Sovetskiy ekran [Soviet screen]. 1925. No 33. P. 1 (in Russian).

Golovnev Ivan Andreevich.

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Arctic Studies of the MAE (Kunstkamera) RAS.

Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great RAS.

Universitetskaya embankment, 3, St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Golovneva Elena Valentinovna.

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, St. Petersburg State University, Senior Researcher at the Center for Arctic Studies of the MAE (Kunstkamera) RAS.

St. Petersburg State University.

Smolny st., 1/3 (entrance 9), St. Petersburg, Russia, 191060.

Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) RAS.

Universitetskaya embankment, 3, St. Petersburg, 199034.

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Н. И. Иванова

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ САХА В КОНТЕКСТЕ ВКЛЮЧЕННОСТИ РОДНЫХ (ЭТНИЧЕСКИХ) ЯЗЫКОВ МОЛОДЕЖИ ДРУГИХ СУБЪЕКТОВ РФ В ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО¹

Статья написана в связи с необходимостью установления актуальных смыслов содержания языковых установок молодежи в условиях меняющейся реальности, оценки готовности молодежи к современным вызовам и угрозам. Представлены результаты социолингвистического анализа факторов, детерминирующих этноязыковую идентичность молодежи саха в сопоставлении с таковой у всей совокупности опрошенных саха, проживающих в г. Якутске, а также с языковыми установками студентов (чеченцев, аварцев, лезгин, даргинцев, тувинцев, бурят, татар), обучающихся в вузах Грозного, Казани, Махачкалы, Кызыла, Улан-Удэ. Основные показатели этноязыковой идентичности, базирующиеся на языковой самоидентификации и языковой компетенции, показывают относительную устойчивость, при этом последний показатель отличается постепенным распространением разговорных навыков. В соответствии с трехкомпонентной моделью установок У. Ламберта в структуре языковых установок молодежи саха наиболее полно представлен аффективный компонент; когнитивный компонент отличается лабильностью; конативный (поведенческий) компонент недостаточно выражен в силу воздействия широкого спектра внешних факторов. Однако молодежь саха солидаризуется с этнической общностью в вопросах сохранения родного (этнического) языка, признает его ценность, отмечает недостаточный уровень институционального развития языка саха в сфере образования. Предварительный анализ опроса студентов в субъектах РФ показал высокую интегрированность понятий «владение родным языком» и «патриотизм»; однако перспективы их родных (этнических) языков через призму личных установок имеют амбивалентный характер. При этом выражены интенции на максимальное использование родных языков в будущем. Условия активного контактного двуязычия в регионах РФ, разнообразие неоднозначных экстралингвистических факторов актуализируют целенаправленную деятельность этнической общности по формированию патриотического сознания молодежи на базе родного языка.

Ключевые слова: якутский язык, родные языки, молодежь, языковая компетенция, языковая самоидентификация, этноязыковая идентичность, патриотизм

Следствием стремительных и не всегда управляемых процессов глобализации становятся новые социолингвистические реалии, формирующие не билингвизм (полилингвизм), а монологизм, языковой сдвиг и утрату языков. В данных условиях перед этническими общностями возникает сложная проблема сохранения родного языка, этнической идентичности. Поэтому правомерно, что потребность в этносоциолингвистических подходах к исследованиям отношений «язык – общество – этнос» или «язык – этническое общество» возникла в российском полиэтническом пространстве как результат естественного «стремления людей установить специфику языковых особенностей своей этнической общности, выявить ее ресурсы и потенциал в восстановлении языка, сохранении этнической идентичности».

В статье ставится цель обратить внимание на этноязыковые ресурсы молодежи в контексте глобальных и внутрироссийских вызовов, в связи с чем неоднозначные характеристики этноязыковой идентичности студентов саха (якутов) пройдут верификацию на материале опроса студентов в шести республиках РФ: этнических саха, чеченцев, татар, аварцев (лезгин, даргинцев), тувинцев, бурят. Исходя из этого во второй части ставится задача не определить кросс-культурные детерминанты языковых установок студентов различных республик, а вы-

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Якутский язык: систематизация единиц разного уровня для формального представления лингвистических данных» (2021–2023 гг.) в рамках выполнения Программы Сибирского отделения РАН «Разработка современных лингвистических теорий и их приложений для описания языковых систем и изучения активных процессов в языках мира» и научному проекту «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

явить общие тенденции языковых установок российских студентов, формирующиеся под воздействием внешних факторов в условиях меняющейся реальности и выявляющие лингвопрогностный фон.

Теоретическая значимость данной работы предопределяется вкладом в дальнейшую разработку теории этносоциолингвистики, в частности, развития категориального аппарата модели этноязыковой идентичности; систематизации аксиологических ценностей современной молодежи. Результаты исследования могут быть использованы в разработке комплексных стратегий развития языка саха, региональных программ гражданско-патриотического воспитания молодежи.

Сегодня, в условиях языковой неоднородности, сохранение не только языков малочисленных народов, но и языков, имеющих статус государственных языков в субъектах РФ, становится все более трудноосуществимой задачей. Представляя работы исследователей, обращающихся к проблеме трансформации этноязыковой идентичности в национальных регионах РФ, достаточно обратиться к социолингвистическим разработкам последних лет, посвященных тувинскому языку и его носителям. Тувинский язык, в силу множества экстралингвистических факторов входивший в число наиболее коммуникативно и демографически мощных, жизнеспособных языков в РФ, по последним данным исследователей, переживает интенсивное изменение, заключающееся в трансформации языковой среды, поведенческих и оценочных установок носителей современного тувинского языка, приводящее к языковому сдвигу, нарушению межпоколенной передачи языка и т. д. Исследователи обеспокоены характером и интенсивностью процесса языкового сдвига как в городе Кызыле, так и по всей республике (Боргоякова, Биткеева, 2020; Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021; Биткеева, Цыбенова, 2022; Каплунова, 2022).

Вместе с тем новые геополитические сдвиги актуализировали запрос на формирование морально-нравственных ценностей, патриотического сознания россиян, при этом укрепление чувства патриотизма у молодежи стало в современной России одним из первостепенных направлений государственной политики, чему посвящено множество документов. Начиная с сочинений И. Канта, Г. Гегеля, определявших патриотизм как образ мыслей (Кант, 2008; Гегель, 1990), написано множество работ философов, социологов, педагогов, психологов и т. д., в которых патриотизм получил развитие как феномен, явление, принцип, ценность, чувство (Кузнецова, Кублицкая, 2005; Левашов, 2006; Котруца, 2007; Сорокин, 2009; Горячев, 2017; Позднякова, Крылова, 2019; Крылова, 2019). В ракурсе нашего исследовательского интереса мы обратили внимание на труды, объективирующие восприятие или отношение к данному феномену молодого поколения российских граждан. Ряд исследований школьников среднего звена, молодежи отражает фрагментарность содержания когнитивного компонента патриотической культуры детей, что предопределяет необходимость целенаправленного формирования понятийного словаря, образующего содержание данного компонента патриотической культуры; также отмечается противоречивое отношение современной молодежи к ценности патриотизма (Верещагина, 2016; Борисова, 2021). О значимости аксиологических ценностей, в том числе концептов «Родина», «патриотизм», на материале ассоциативных экспериментов респондентов-якутян (русских и якутов) сделан анализ в статье Я. И. Григорьевой, Т. М. Никаевой (Григорьева, Никаева, 2016). О качественно новой роли английского языка в современном российском коммуникативном пространстве, интенсивной англизации русскоязычной культурной среды, в том числе и научной среды, в лингвозкологическом аспекте и т. п. много пишут российские исследователи (Бойко, 2014; Шапошникова, 2018; Бондаренко, 2019). Поднимаются проблемы национально-культурной идентичности, лингвистической безопасности, понимаемой как угроза сохранению русскоязычной идентичности молодых поколений российских граждан (Бондаренко, 2020), экономической теории языковой политики (Кадочников, 2016; Смыслова, Линченко, Лакомова, 2020).

Разработка проводится в рамках российской этнической социолингвистики, раздела макролингвистики, изучающего отношения между языком и народом, социальными группами, взаимодействие социолингвистических и этнических факторов в развитии языка (Жеребило, 2016: 581). Этносоциопсихолингвистический подход² к изучению этноязыковой ситуации, с точки зрения автора, предполагает рациональную двухуровневую модель анализа согласно «внутреннему» и «внешнему» содержанию языка: 1) этносоциолингвистическое исследование этнического языка и этноса как социального явления, включенного в систему общественных отношений в определенный исторический период; 2) психолингвистическое исследование взаимосвязи языка и этнической идентичности, одной из основных проблем психологического изучения социального сознания, поскольку язык рассматривается как один из важнейших факторов этнической идентичности.

Концептуально в качестве признаков этноязыковой идентичности нами рассматриваются: языковая самоидентификация (родной/неродной), языковая компетенция, языковые установки в доминантных коммуникативных сферах (в сфере образования и массмедиа) (этнический/неэтнический), установки в формулировке современного риторического (коммуникативного) идеала носителем языка, языковые установки в национально-языковых отношениях (выявление мотивации в изучении якутского языка, языковые установки русских), тип языковой политики (демократическая/недемократическая, плюралистическая/неплюралистическая, конструктивная/деструктивная).

В пределах данной статьи продолжим рассматривать атрибуты этноязыковой идентичности молодежи саха на этносоциолингвистическом уровне, основанные на их установках по отношению к этническому языку: языковую самоидентификацию (родной/неродной), языковую компетенцию, языковые установки в изучении языков, степени включенности родного (этнического) языка в образы ее будущего.

Нами используются данные опроса, проведенного в 2021 г. в г. Якутске среди этнических саха (421 человек), а также выборки молодых саха (240 человек) в возрасте от 16 до 25 лет (что составляет 40 % от общей совокупности опрошенных), на период опроса постоянно проживавших в г. Якутске, в том числе 38 % школьников старших классов, 40,4 % студентов вузов, 9,6 % студентов ссузов и 2,5 % молодых людей после окончания 9-го класса, устроившихся работать. Для сопоставления приводятся данные этносоциопсихолингвистического мониторинга, проведенного автором в г. Якутске в 2007 г. (Иванова, 2013, 2015, 2017), в северо-западной (вилуйской) группе улусов республики – в 2021 г.

Частично используются данные этносоциолингвистического опроса «Родные (этнические) языки в проекциях будущего», который был проведен в марте – апреле 2023 г. дистанционным способом в шести субъектах РФ с охватом 452 студентов, признающих себя саха (якутами), татарами, чеченцами, бурятами, аварцами, лезгинами, тувинцами, обучающихся по трем разным профилям обучения: гуманитарному, естественному, техническому.

Выбор социального объекта, в качестве которого предстанут этнические якуты (саха), проживающие в условиях языковой неоднородности в г. Якутске, обусловлен этнодемографическими факторами, заключающимися в особенностях сегрегированности расселения основных этнических групп (русских и саха) в столице республики.

² Данный подход концептуализирован автором, прошел апробацию в виде защиты в 2021 г. докторской диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект)» (09.09.2021, Казанский (Приволжский) федеральный университет) по специальности 10.02.19 «Теория языка». См.: Иванова Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2021. 375 с. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет. URL: https://shelly.kpfu.ru/eksu/docs/DISSERTATION/F18736470/Ivanova_NI_DD__na_sajt_KFU.pdf (дата обращения: 01.05.2022).

Аналитическая часть представлена четырьмя подразделами: «Основные показатели этноязыковой идентичности саха»; «Языковые установки в сфере образования»; «Языковые установки молодежи саха»; «О включенности родных (этнических) языков молодежи в проекции их будущего (на материале дистанционного пилотного опроса в субъектах РФ)».

Основные показатели этноязыковой идентичности саха

В течение последних 20 лет важнейшим результатом мониторинга в двуязычном коммуникативном пространстве Республики Саха является наличие значительных социокультурных ресурсов, взаимного уважительного отношения к языку другого этноса, обусловленное потребностью их носителей. При этом родные языки для якутской и русской общностей представляют высокую этническую ценность (Иванова, 2011; 2012). Известно, что основные показатели современной языковой ситуации (языковая самоидентификация, языковая компетенция) в республике периода 2007–2014 гг. детерминированы возрастом (Иванова, 2022). Итоги последнего нашего массового опроса (2021 г.) также продолжают данную тенденцию – при стабильности выбора вариантов родного языка у среднего и старшего поколения саха у молодежи от 16 до 25 лет наблюдаем нелинейный характер развития (табл. 1).

Таблица 1

Динамика показателей этноязыковой самоидентификации всей совокупности опрошенных саха и молодых саха в г. Якутске, %

Язык	2007 г.		2014 г.		2021 г.	
	Все	Молодежь	Все	Молодежь	Все	Молодежь
Якутский	82	84,4	83,9	77,5	82	82
Русский	8,1	3,9	3,7	4,2	2,5	3
Якутский и русский	13	11,7	12,4	18,3	15,3	15

Уровень свободного владения этническим языком («свободно говорю, читаю и пишу») среди всех опрошенных в 2021 г. колеблется в пределах 80,6–92 % в зависимости от степени урбанизированности и в пределах 78–88,9 % в зависимости от возраста. При этом сохраняется прямая зависимость уровня владения языком от языка школьного обучения. Языковая компетенция молодежи также имеет нелинейный характер развития, по сравнению с 2007 г. приблизительно на 5 % снизилась (табл. 2); характеризуется ростом пассивных навыков.

Таблица 2

Динамика показателей уровня владения этническим языком молодежи саха в г. Якутске

Уровень владения	Количество респондентов, %		
	2007 г.	2014 г.	2021 г.
Свободно говорю, читаю, пишу	84,9	77,2	79,6
Говорю, читаю, но не пишу	5,9	5,3	5,8
Говорю, но не читаю и не пишу	1,3	4,2	4,6
Говорю с затруднениями	5,3	6,3	3,3
Всё понимаю, но не говорю	0,7	0	1,7
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	2,0	5,8	4,6
Не владею	0	1,1	0,4

Как выяснилось из других материалов опроса (2021 г.), значительная доля молодежи (79,6 %), заявившая о свободном владении этническим языком, на самом деле представляет сообщество с функционально ограниченным якутским языком, например, в ситуации публичных выступлений, в дискурсе на профессиональные темы они затрудняются вести общение на родном языке, но достаточно уверенно владеют разговорной формой якутского языка.

Из материалов опроса 2014 г. выявлена коммуникативная стратегия молодежи: она определяется замещением языковой компетенции социолингвистической компетенцией и социолингвистической аккомодацией, выражающихся в варьировании функционально-речевого континуума использования родного языка от минимальных 3,1 % до максимальных 73,3 %.

Языковые установки в сфере образования

Перечисленные выше трансформации обусловлены государственной языковой политикой, регламентирующей функционирование языков народов РФ, в соответствии с которой в 2006 г. было внесено изменение в базисный учебный план, принятый в 1993 г., упразднение национально-регионального компонента в 2007 г. Данные меры привели к сокращению часов на изучение родных языков и литературы, числа обучающихся на родном языке, что постепенно привело к снижению языковой компетенции в родном (этническом) языке.

Дальнейшие государственные инициативы в сфере образования: предоставление «возможности получения образования на родном языке из числа языков народов РФ, изучения государственных языков республик РФ, включая русский язык, по выбору обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся (до получения ими основного общего образования)»³ в условиях языковой неоднородности регионов РФ и т. д. — привели к росту числа изучающих родные языки как предмет, снижению числа обучающихся на родном языке, следствием чего, безусловно, является дальнейшее снижение языковой компетенции в родном (этническом) языке. В последнее время на многих форумах, конференциях число изучающих родные языки РФ, становясь часто демонстрируемым показателем «этноязыкового многообразия» на всех уровнях обсуждения проблем образования, дезориентируют часть общества. Данные же о языках обучения в последнее время замалчиваются. В целом статистика о функционировании языков народов РФ в сфере образования, в том числе на официальном сайте Министерства просвещения РФ, не лишена ошибок, неточностей (Горячева, 2022).

В настоящее время тенденции продолжают — при сокращении числа обучающихся на языках РФ число изучающих языки РФ как предмет неуклонно растет. Но в Республике Саха доля родителей, отказывающихся от родного (этнического) языка в качестве компонента образования, значительно снижается. Так, по данным нашего опроса, проведенного в 2021 г., доля городских саха, сделавших выбор в пользу русского языка обучения, составила 19,7 %. В 2021 г. в выборке саха в возрасте 25–35 лет, т. е. реальных родителей с детьми дошкольного и школьного возраста, число желающих обучать детей в школах только с русским языком обучения оказалось всего 2,1 %. 4,3 % респондентов выбрали бы школу, где образовательный процесс ведется на русском языке с изучением иностранных языков; затруднились ответить — 2,1 %. Большинство родителей (33,3 %) выбрали полилингвальную трехкомпонентную модель школы — с углубленным изучением иностранных (европейских, восточных) языков, где образовательный процесс ведется на русском языке и преподается якутский язык как предмет.

Между тем снижение языковой компетенции молодежи имеет все предпосылки к дальнейшему ее снижению у последующих поколений с ограниченным компонентом родного язы-

³ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Система «Консультант-Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

ка в образовании вследствие изменяющихся экстралингвистических условий, а именно глобализации – в частности, распространения глобального английского языка и массовой интернетики, кибернетизации – слияния человека с техникой. Исследование детей саха дошкольного возраста в 2021 г. выявило негативные изменения в речевом поведении: в сельской местности до 7 % детей дошкольного возраста в повседневном общении используют лишь русский язык, что по сравнению с городскими детьми имеет не столь высокую распространенность, но представляет собой новое, отрицательно воспринимаемое всей этнической общностью явление. При этом доля детей, свободно владеющих родным языком, составляет всего 34 % (Иванова, Никитина, Филиппова, 2021). Языковой сдвиг, трансформация речевого поведения детей дошкольного возраста, проживающих в гомогенной якутоязычной сельской речевой среде, отражает существенные проблемы в воспроизводстве этнического языка. Нами данная ситуация оценивается как масштабная предкризисная, имеющая распространение как в городском, так и в сельском социуме, точнее – в тех населенных пунктах, где устойчиво работает интернет.

В контексте последних лингвополитических установок в сфере образования, предлагающих изучение государственных языков республик РФ, включая русский язык, по выбору обучающихся, родителей несовершеннолетних обучающихся⁴, молодым респондентам в 2021 г. было предложено выбрать оптимальные для них модели изучения или обучения на родном (этническом) языке для детей саха.

Наиболее приемлемым вариантом для большинства молодежи от 16 до 25 лет оказался вариант «Якутский язык должен обязательно изучаться всеми учащимися в равном объеме с русским языком» – 33 % (среди всей совокупности отвечавших данный ответ выбран 47 % респондентов); варианты «Якутский язык должен изучаться только по желанию, независимо от национальности учащегося» и «Якутский язык должны обязательно изучать якуты, а другие национальности – по желанию» выбрали по 22 % молодых респондентов.

Совершенно понятно, что есть намерение сохранить родной (этнический) язык даже у самых молодых респондентов, что указывает на осознание проблем функционирования якутского языка. Изучение государственного якутского языка всеми обучающимися в той или иной степени, безусловно, является интеграционным фактором в гетерогенных сообществах региона, что устанавливает позитивные межнациональные отношения (Иванова, 2012). Однако расхождение между спросом и предложением в предоставлении жителям г. Якутска возможности обучения на родном (этническом) языке становится существенным тормозящим фактором в реализации этнокультурного образования. В условиях г. Якутска даже открытие новых школ пока не решает проблемы с отсутствием или недостаточным количеством классов с обучением на родном языке или с изучением родного языка.

Языковые установки молодежи саха

И в сложившихся условиях нам важно установить, как этническая общность, в частности молодое поколение саха, относится к данной проблеме, готово ли решать проблемы и что они могут предложить в современной ситуации. Предваряя обсуждение вопроса, отметим, что 20-летний мониторинг зафиксировал наличие защитных механизмов внутриэтнической консолидации саха посредством языка, что было характерно как для городской общности саха, так и для сельской, и проявлялось оно в этноохранительных мотивах, предпочтениях. В первую очередь необходимо отметить активность гражданских инициатив: созданы ассоциации родителей саха, ассоциации учителей якутского языка, деятельность которых централизуется вокруг идеи сохранения родного языка, расширения этноречевой среды. Этноязыковые уста-

⁴ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Система «Консультант-Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

новки саха, прежде всего родительского сообщества городских саха, характеризуются растущей потребностью в обучении и воспитании на родном языке, сопряженной с институциональной поддержкой в условиях возрастания рисков для этнокультурного развития детей.

Для нас довольно показательным аргументом осознания проблем родного языка молодежью явились ответы, оценивающие будущее родного языка (табл. 3).

Таблица 3

Оценка будущего родного (этнического) языка респондентами саха г. Якутска в динамике

Оценка	Ответы респондентов, %		
	2007 г.	2021 г.	
	Все опрошенные	Молодежь (16–25 лет)	Все опрошенные
С тревогой	49,4	51,25	55,3
С отчаянием	6,2	14,17	15,8
Уверенно	30,2	12,92	14,6
Затруднились ответить	14,2	21,67	14,4

Молодежь разделяет с этнической общностью чувство тревоги за будущее родного языка, отчаяние и уверенность с той лишь разницей, что среди них больше затруднившихся ответить, что вполне объясняется их возрастом.

Тревожность проявляется, на наш взгляд, и в желании изучать родной язык и использовать его в повседневной жизни – в 2021 г. 50,1 % респондентов указали на данную установку, причем показатель практически равен желанию изучать глобальный английский язык (51,9 %). К слову, у жителей улусов желание изучать родной (этнический) язык было выше, чем желание изучать глобальный язык.

Таким образом, структура языковых установок молодежи саха, если рассматривать ее, базируясь на классической трехкомпонентной модели У. Ламберта, включающей в себя когнитивный (знание), аффективный (оценки и эмоциональные реакции) и конативный (готовность к действию) уровни (Lambert, 1960), существенно представлена аффективным (либо эмоциональным) уровнем.

Установки у молодежи направлены в основном на изучение английского (30 %), одновременно на якутский, русский и иностранный (европейский) языки (15 %) и весьма незначительно к изучению этнического якутского языка (12 %). Между тем, как пишут некоторые российские исследователи, в условиях декультуризации русскоязычного населения в течение последних 30 лет английский язык представляет серьезную опасность для сохранения русскоязычной идентичности, особенно молодыми поколениями российских граждан (Бондаренко, 2020). В случае же молодежи саха проводником в глобальную сеть и информационное пространство являются как русский, так и английский языки. Однако массовое внедрение информационных технологий в современную повседневность, возможности интеграции с любой зарубежной культурой не позволяют, на наш взгляд, подавляющей части молодежи адекватно оценить угрозы этнической идентичности, в том числе языковой, что показали наши исследования и итоги нашего опроса в субъектах РФ, о чем будет изложено далее.

В ходе анализа материалов опроса 2021 г. более всего наше внимание привлекли ответы на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что переход на другой язык означает утрату национальности?», которые выявили отсутствие у молодежи осознания причинно-следственной связи между переходом на неэтнический язык (языковой сдвиг) и утрату этничности. Так, 57,5 % ответивших допускают сохранение этничности без этнического языка; 24,6 % согласны, что за утратой этнического языка следует утрата этничности, и 17,9 % респондентов за-

труднились ответить. То есть лишь 24,6 % молодежи реально оценивают ресурсы воспроизводства родного (этнического) языка. А ответы на вопрос «В какой степени реализовано Ваше конституционное право жителя Республики Саха на использование родного языка?» выявляют признаки правового нигилизма в вопросах использования языков: не задумывались над этим 43 % молодежи. При этом у 28 % опрошенных данное право полностью реализовано, у 24,5 % – частично реализовано. В итоге 24,5–24,6 % молодежи реально осознают проблемы с родным (этническим) языком.

Следовательно, когнитивный компонент языковых установок имеет лабильный характер, устойчив лишь приблизительно у 25 % молодежи.

Конативный уровень (Lambert, 1960) (либо регулятивный/поведенческий) по структуре Л. М. Дробижевой (Дробижева, 2006) представляется нам наиболее значимым в реалиях современной действительности, и о его содержании в языковых установках молодежи далее пойдет речь. Респондентам был задан вопрос «Какие действия Вы лично предпринимаете для поддержки языка и культуры своего народа?», предполагающий следующие ответы: «Участвую в политических мероприятиях»; «Обращаюсь в органы государственной власти, местного самоуправления»; «Участвую в работе общественных организаций (национально-культурных обществ, центров, ассоциаций)»; «Непосредственно участвую в различных мероприятиях (конкурсы, смотры самодеятельности, выставки народного творчества, концерты)»; «Стараюсь привлечь внимание общественности к вопросам языка и культуры через средства массовой информации»; «Воспитываю своих детей в любви к родному языку и культуре»; «Ничего не предпринимаю, хотя считаю, что поддержка моего языка и культуры необходима»; «Не считаю, что язык и культура моего народа нуждаются в поддержке»; «Затрудняюсь ответить». Преобладающая доля всех опрошенных (26,6 %) и ее наиболее молодой части (39 %) выбрали ответ «Ничего не предпринимаю, хотя считаю, что поддержка моего языка и культуры необходима», что указывает на наличие нереализованных ресурсов. Значительная часть молодых саха затруднились ответить (23 %), среди всей совокупности ответивших воспитывают своих детей в любви к родному языку и культуре 23 %.

При этом комплекс решений языковых проблем согласно мнению молодых и в совокупности всех опрошенных существенно отличается (табл. 4).

Таблица 4

Меры, способствующие активному повышению роли якутского языка в жизни общества (г. Якутск, 2021 г.), %

Меры повышения роли якутского языка	Молодежь (16–25 лет)	Все опрошенные
Введение в образовательный стандарт изучения родного языка для лиц якутской национальности	36	
Прежде всего семейное воспитание на родном языке	33	52
Увеличение числа национальных школ, лицеев	28	45
Воспитание патриотических чувств	17	
Совершенствование качества преподавания якутского языка в школе, ссузе, вузе	14	36

Молодежь во главу всех проблем поставила меры образовательной политики, между тем среди них лишь 10 % имеют детей. Иерархия приоритетов всей совокупности опрошенных выстроена от семейного общения на родном языке к переустройству сферы образования. Таким образом, выявляются две стратегически важные для сохранения языка сферы использования якутского языка, дифференцированные возрастом: образование и семейное общение.

О включенности родных (этнических) языков молодежи в проекции их будущего

Приступая к следующей части обсуждения, в которой попытаемся определить место родных (этнических) языков в языковых установках молодежи, продемонстрируем предварительные результаты пилотного опроса студентов в шести республиках: саха, чеченцев, татар, аварцев (лезгин, даргинцев), тувинцев, бурят. Нам важно было установить, насколько интегрированы понятия «владение родным языком» и «патриотизм» в сознании студентов (табл. 5). Ответы большинства отличает взаимосвязанность обоих понятий, при этом имеется дифференциация между абсолютными и частичными степенями интегрированности, но в целом от 86,1 до 93,4 % ответивших допускают данную корреляцию.

Таблица 5

«Связано ли для Вас понятие „патриотизм“ (любовь к своей стране) с владением родным (этническим) языком?» (2023 г.), %

Вариант ответа	Республика Саха	Чеченская Республика	Республика Дагестан	Республика Татарстан	Республика Бурятия	Республика Тыва
Да, точно связано	45,8	70,9	59	38,1	50	70,7
Да, связано, но лишь в некоторой степени	40,3	18,6	31,3	50,8	36,8	22,7
Нет, не связано совсем	9,7	1,2	7,2	6,3	11,82	1,3
Затрудняюсь ответить	4,2	9,3	2,4	4,8	1,3	5,3

Сценарии развития языковой ситуации во многом связаны с представлениями молодежи о сфере их применения, коррелирующей с фактором престижности языков, экономической составляющей языковой политики. И в данном ключе будущее родного языка большинство студентов (от 43 до 61,9 %) связывают с ограниченным кругом профессий, вероятно, гуманитарного профиля (учителя, переводчики) (табл. 6).

Таблица 6

«Как Вы думаете, достаточно ли будет в будущем профессий, в которых будет востребовано знание Вашего родного (этнического) языка?» (2023 г.), %

Вариант ответа	Республика Саха	Чеченская Республика	Республика Дагестан	Республика Татарстан	Республика Бурятия	Республика Тыва
Да, их будет много	22,2	32,6	15,7	7,9	17,1	28
Будет лишь несколько профессий	52,8	43	51,8	61,9	48,7	49,3
Нет, таких профессий не будет совсем	8,3	4,7	19,3	14,3	17,1	2,7
Затрудняюсь ответить	13,9	19,8	12	15,9	15,8	20
Другое	1,4	—	1,2	—	—	—

Ответы студентов предопределяются реальной языковой ситуацией (в том числе функциональным статусом их родных языков), которая в условиях языковой неоднородности характеризуется несбалансированностью, неравновесностью. На мнение молодежи, очевидно,

влияет и действующая русификаторская языковая политика, оцениваемая ими с позиции приобретаемых и упущенных выгод на рынке труда, где глобальные языки имеют неоспоримое преимущество; востребованности определенных специальностей, связанных с интернет-технологиями.

Тем не менее от 31,7 до 68 % студентов в субъектах РФ утвердительно ответили на вопрос о перспективе использования их родных языков в будущей профессии (табл. 7).

Таблица 7

«Если представится возможность связать свою будущую профессию с родным (этническим) языком, используете ли Вы данный ресурс»? (2023 г.), %

Вариант ответа	Республика Саха	Чеченская Республика	Республика Дагестан	Республика Татарстан	Республика Бурятия	Республика Тыва
Да	56,9	54,7	44,6	31,7	42,1	68
Нет	19,4	8,1	28,9	31,7	17,1	5,3
Затрудняюсь ответить	12,5	17,4	14,5	19	23,7	13,3
Пока не определился с будущей профессией	11,1	19,8	12	17,5	17,1	13,3

Следовательно, при наступлении особых условий в нашем случае при расширении сферы употребления недоминирующих в своих субъектах родных для этнической молодежи языков в различных профессиональных средах можем ожидать более интенсивную их включенность не в монологичную (русскоязычную) коммуникацию, а в оптимальную двуязычную – на родном и русском языках. С позиции теоретико-экономического подхода на языковую политику (Кадочников, 2016) полный языковой сдвиг (отказ от использования одного языка в пользу другого) неизбежно подразумевает отказ от одних рынков в пользу других, в то же время частичный языковой сдвиг (переход от одноязычия к многоязычию) влечет за собой не замену одних рынков другими, а расширение спектра доступных рынков, что повышает благосостояние общества.

В целом можем обобщить следующее. При распространении разговорных навыков во владении родным языком показатель языковой самоидентификации молодежи саха имеет относительную устойчивость, тенденция двойственной (якутской и русской) языковой самоидентификации выражена в пределах 15 %, языкового сдвига – в пределах 3 %. Молодежь солидаризуется с этнической общностью в вопросах сохранения родного языка: при выраженном аффективном компоненте языковых установок когнитивный компонент устойчив лишь у ¼ респондентов. Конативный (поведенческий) компонент недостаточно выражен, однако ответы молодых саха убедительно указали на необходимые меры государственной языковой политики в сфере образования. Таким образом, молодежь, признавая значимой ценность родного (этнического) языка, отмечает недостаточный уровень ее институционального развития.

Пилотный опрос показал высокую интегрированность понятий «владение родным языком» и «патриотизм» в сознании студентов саха, чеченцев, тувинцев, аварцев (лезгин, даргинцев), татар, бурят. Будущее родных языков в их представлениях характеризуется амбивалентностью, обусловленной внешними социальными факторами, тем не менее отчетливо выражено их субъективное стремление к максимальному использованию родных языков в будущем.

Как справедливо отмечают Н. М. Мухарямов и О. Б. Януш, в контексте политико-информационного противостояния в кардинально меняющейся международной среде оценка

внешних воздействий на языковую жизнь российского общества перестает быть нейтрально объективистской, уступая место более идеологически заряженным подходам, о чем свидетельствует нарастающий политический запрос на меры пуристского свойства, на ограничение присутствия иноязычным (англоязычным прежде всего) заимствованиям в публичном речевом обиходе и т. д. (Мухарямов, Януш, 2022). И в данных реалиях важно будет проследить динамику изменений языковых установок, предпочтений молодежи, представляющих очевидный диссонанс времени из-за «гипертрофированных размеров проникновения заимствованных языковых символов во все сферы российской действительности» (там же: 113) и новых мер внешней и внутренней политики государства.

Сегодня этническая общность, заинтересованная в дальнейшем становлении думающей, инициативной молодежи, воспитанной в духе патриотизма, в условиях постоянно меняющихся реалий должна задуматься о формировании духовно-нравственных устоев, национального самосознания на базе родного языка путем погружения молодежи в родную языковую среду и мир культуры своего этноса.

Литература:

Арефьев А. Л., Бахтикиреева У. М., Синячкин В. П. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 255–272. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1011> (дата обращения: 13.02.2023).

Биткеева А. Н., Цыбенова Ч. С. Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 6–27. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1171> (дата обращения: 13.02.2023).

Бойко С. А. Англицизмы в современном русском языке: лингвозоологический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2 (3). С. 32–43.

Бондаренко О. Р. Современная дилемма: овладение английским языком и сохранение русскоязычной идентичности? // Вестник ВГУ. 2020. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 6–14.

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 50–61. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (дата обращения: 12.03.2023).

Борисова А. И. Отношение современной молодежи к патриотизму // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 13 апреля 2021 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 33–38. URL: <https://elar.ufu.ru/handle/10995/104018>.

Верещагина Н. И. Изучение патриотической культуры школьников с помощью метода понятийного словаря // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 1 (10). С. 38–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-patrioticheskoy-kultury-shkolnikov-s-pomoschyu-metoda-ponyatiynogo-slovara> (дата обращения: 18.04.2023).

Горячева М. А. Языки народов Российской Арктики в системе школьного обучения: динамика функционирования в 2000–2022 годах // Социолингвистика. 2022. № 2 (10). <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyki-narodov-rossiyskoj-arktiki-v-sisteme-shkolnogo-obucheniya-dinamika-funktsionirovaniya-v-2000-2022-godah> (дата обращения: 10.02.2023).

Григорьева Я. И., Никаева Т. М. Общечеловеческие ценности «Родина» и «патриотизм» в языковом сознании русских и якутов // Вестник СВФУ. 2016. № 4 (54). С. 67–77.

Грязнова Е. В., Афанасьев С. В. Индивидуализация человека в информационной социализации // Философская мысль. 2017. № 1. С. 17–29. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20968 (дата обращения 23.03.2023).

Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905> (дата обращения: 13.10.2022).

Дробижеева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Институт социологии Российской академии наук, Уральский межрегиональный институт общественных наук, Новгородский межрегиональный институт общественных наук; отв. ред. В. С. Магун. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С. 10–29.

Иванова Н. И., Никитина В. Н., Филиппова А. Г. Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса // Научный диалог. 2021. № 10. С. 65–84. <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3272/1764> (дата обращения: 07.04.2023).

Иванова Н. И., Семенова Л. Н. Современный якутский риторический идеал // Вестник Якутского государственного университета. 2007. Т. 4, № 2. С. 71–77.

- Иванова Н. И.** Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект). Новосибирск: Наука. 2022. 284 с.
- Иванова Н. И.** Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. Новосибирск: Наука, 2012. 130 с.
- Иванова Н. И.** Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты / отв. ред. П. А. Слепцов. М.: Языки народов мира – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2017. 260 с.
- Кант И.** Метафизика нравов. В 2 ч. / [пер. с нем., примеч.: С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканьян; вступ. ст. М. М. Филиппова; примеч. А. А. Тахо-Годи]. М.: Мир книги: Литература, 2008. 399 с.
- Гегель Г. В. Ф.** (1770–1831). Философия права: [пер. с нем.] / [Авт. вступ. ст., с. 3–43, и примеч. В. С. Нерсисянц]; АН СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1990. 524 [2] с. (Т. 113).
- Кадоchnikov Д.** Теоретико-экономический взгляд на языковую политику // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 128–140.
- Каплунова М. Я.** Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 28–37. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1172> (дата обращения: 07.04.2023).
- Лаптева О. А.** Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 520 с.
- Мухарьямов Н. М., Януш О. Б.** Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики / под ред. Г. Ф. Лутфуллиной. Казань: Отечество, 2022. 304 с.
- Направления развития этноречевой среды** в сфере образования и воспитания: круглый стол: рукопись, 13.02.2019 / зам. руководителя отдела общего образования Министерства образования и науки РС (Я) Т. С. Абрамова.
- Никифорова Е. П., Борисова Л. П.** Языковая образовательная политика в Республике Саха (Якутия) // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 9 (53). С. 543–552.
- Об образовании в Российской Федерации:** Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. С. 112–113 (дата обращения: 07.04.2023).
- Саввинов В. М.** Анализ проблем и критических ситуаций в системе образования с точки зрения задач сохранения культуры и языков коренных народов Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. 2013. № 4. С. 100–105.
- Селиверстова Н. А., Сорокин О. В., Ооржак С. У.** Смысловые компоненты в представлениях о родине тувинской студенческой молодежи // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 110–124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.6>
- Смыслова О. Ю., Линченко А. А., Лакомова Д. В.** Экономические риски языковой политики и языковая культура молодежи // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 18, № 3. С. 136–150.
- Шапошникова И. В.** К вопросу о языковой политике в научно-образовательной сфере // Вопросы психолингвистики. 2018. № 1 (35). С. 173–191.

Иванова Нина Иннокентьевна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра социолингвистических исследований.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.

Главный научный сотрудник.

МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики» СВФУ им. М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.

E-mail: haar-haar@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22 мая 2023 г.

N. I. Ivanova

THE ETHNOLINGUISTIC IDENTITY OF THE YOUTH OF SAKHA IN CONNECTION WITH THE INCLUSION OF THE MOTHER TONGUE OF THE YOUTH OF OTHER SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE IMAGES OF THE FUTURE

The article was written against the need to determine the real meaning of the content of young people's linguistic attitudes in a changing reality to assess their readiness for modern challenges and threats. The results of the sociolinguistic analysis of the factors determining ethnolinguistic identity of young people from Sakha are presented in comparison with the total population of respondents from Sakha living in the city of Yakutsk, as well as with the linguistic attitudes of students (Chechens, Avars, Lezgins, Dargins, Tuvans, Buryats, Tatars) studying at the universities of Grozny, Kazan, Makhachkala, Kyzyl, Ulan-Ude. The main indicators of ethnolinguistic

identity based on linguistic self-identification and linguistic competence show relative stability, while the latter is characterized by gradual spread of conversational skills. In accordance with W. Lambert's three-component model of attitudes, the affective component is the most pronounced in the structure of linguistic attitudes of the Sakha youth; the cognitive component is characterized by lability; the conative (behavioral) component is insufficiently developed due to the influence of a variety of external factors. However, the Sakha youth show solidarity with the ethnic community in preserving their mother tongue, recognize its value, and note that institutional development of the Sakha language in education is inadequate. A preliminary analysis of a survey of students in the Russian Federation revealed a high degree of integration of the concepts of "mastery of the mother tongue" and "patriotism"; however, the view of their (ethnic) mother tongue through the prism of personal attitudes is ambivalent. At the same time, the intention is expressed to use the mother tongues as often as possible in the future. The conditions of active contact bilingualism in the regions of the Russian Federation, and the variety of ambiguous extra-linguistic factors realize the purposeful activity of the ethnic community in the formation of patriotic consciousness of young people based on their mother tongue.

Keywords: *Yakut language, native languages, mother tongue, youth, linguistic competence, linguistic self-identification, ethnolinguistic identity, patriotism*

References:

- Aref'yev A. L., Bakhtikireyeva U. M., Sinyachkin V. P.** Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo yazykovogo obrazovaniya Respubliki Tyva [Problems of bilingualism in the system of school language education in the Republic of Tyva] // *Novyye issledovaniya Tuvy*. 2021. No 1. P. 255–272. (in Russian).
- Bitkeyeva A. N., Tsybenova Ch. S.** Khronika yazykovogo sdviga v tuvinskom yazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the language shift in the Tuvan language in the Republic of Tyva] // *Novyye issledovaniya Tuvy*. 2022. No 4. P. 6–27. (in Russian).
- Boyko S. A.** Anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke: lingvoekologicheskiy aspekt [Anglicisms in modern Russian: linguoecological aspect] // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. No 2 (3). P. 32–43. (in Russian).
- Bondarenko O. R.** Modern dilemma: mastering the English language and preserving the Russian-speaking identity? [Modern dilemma: mastering the English language and maintaining a Russian-speaking identity?] // *Bulletin of VSU*. 2020. Series: Linguistics and intercultural communication. No. 3. P. 6–14. (in Russian).
- Borgoiakova T. G., Bitkeeva A. N.** Tuvinskij jazyk v pravovom i funkcional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect] // *Novye issledovaniya Tuvy*. 2020. No 1. URL: <https://nit.tuva.asiant/article> DOI: 10.25178/nit.2020.1.4 (in Russian).
- Borisova A. I.** Otnosheniye sovremennoy molodezhi k patriotizmu [The attitude of modern youth towards patriotism] // *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: vyzovy i sovremennyye tekhnologii raboty s molodezh'yu: materialy Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii* (Yekaterinburg, 13 aprelya 2021 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2021. P. 33–38. (in Russian).
- Vereshchagina N. I.** Izucheniye patrioticheskoy kul'tury shkol'nikov s pomoshch'yu metoda ponyatiynogo slovarya [The study of the patriotic culture of schoolchildren using the method of the conceptual dictionary] // *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2016. No 1(10). P. 38–45. (in Russian).
- Goryacheva M. A.** Yazyki narodov Rossiyskoy Arktiki v sisteme shkol'nogo obucheniya: Dinamika funktsionirovaniya v 2000–2022 godakh [Languages of the peoples of the Russian Arctic in the system of school education: Dynamics of functioning in 2000–2022] // *Sotsiolingvistika*. 2022. No 2 (10). <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyki-narodov-rossiyskoy-arktiki-v-sisteme-shkolnogo-obucheniya-dinamika-funktsionirovaniya-v-2000-2022-godah> (data obrashcheniya: 10.02.2023). (in Russian).
- Grigor'yeva Ya. I., Nikayeva T. M.** Obshchechelovecheskiye tsennosti «Rodina» i «patriotizm» v yazykovom soznanii russkikh i yakutov [Universal values "Motherland" and "patriotism" in the linguistic consciousness of Russians and Yakuts] // *Vestnik SVFU*. No 4 (54). 2016. P. 67–77. (in Russian).
- Gryaznova Ye. V., Afanas'yev S. V.** Individualizatsiya cheloveka v informatsionnoy sotsializatsii [Individualization of a person in information socialization] // *Filosofskaya mysl'*. 2017. No 1. P. 17–29. (in Russian).
- Drobizheva L. M.** Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost' [State and ethnic identity: choice and mobility] // *Grazhdanskiye, etnicheskiye i religioznyye identichnosti v sovremennoy Rossii*. M.: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN, 2006. P. 10–29. (in Russian).
- Dyrkheeva G. A., Tsybenova Ch. S.** Jazykovye ustanovki i jazykovaya lojal'nost' nositelej malyh jazykov v usloviyakh nacional'no-russkogo dvujazychiya (na primere burjat i tuvincev) [Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans] // *Novye issledovaniya Tuvy*. 2020. No 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905>. (in Russian).

- Ivanova N. I., Nikitina V. N., Filippova A. G.** Sociolingvisticheskaya obuslovlennost' funkcionirovaniya jakutskogo yazyka v sfere shkol'nogo obrazovaniya: istoki nachinajushhegosja krizisa [Sociolinguistic conditionality of the functioning of the Yakut language in the field of school education: the origins of incipient crisis] // Nauchnyj dialog. 2021. No 10. P. 65–84 (in Russian).
- Ivanova N. I.** Sovremennyy yakutskiy ritoricheskij ideal / N.I. Ivanova, L.N. Semenova [Modern Yakut rhetorical ideal] // Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. Vol. 4, No 2. P. 71–77. (in Russian).
- Ivanova N. I.** Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya): yakutskiy yazyk v XXI v. (etnosotsiopsikholingvisticheskiy aspekt). Novosibirsk: Nauka. 2022. 284 p. (in Russian).
- Ivanova N. I.** Sovremennoye kommunikativnoye prostranstvo russkogo yazyka v Respublike Sakha (Yakutiya): sotsiopsikholingvisticheskiy aspekt [The language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language in the XXI century (ethnosociopsycholinguistic aspect)]. Novosibirsk: Nauka, 2012. 130 p. (in Russian).
- Ivanova N. I.** Sotsiolingvisticheskiye aspekty funktsionirovaniya yakutskogo yazyka v g. Yakutske: tsifry i fakty [Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in Yakutsk: figures and facts]. Monografiya. M.: Yazyki Narodov Mira – Institut gumanitarnykh issledovaniy i problem malochislennykh narodov Severa SO RAN, 2017. 260 p. (in Russian).
- Kant Immanuel.** Metafizika нравов [Metaphysics of morals]. V 2 ch. M.: Mir knigi: Literatura, 2008. 399 p. (in Russian).
- Gegel' Georg V. F.** (1770–1831). Filosofiya prava: [Philosophy of law] [Per. s nem.]. M.: Mysl'; AN SSSR, In-t filosofii, 1990. 524 p. (in Russian).
- Kadochnikov D.** Teoretiko-ekonomicheskij vzglyad na yazykovuyu politiku [Theoretical and economic view of the language policy] // Voprosy ekonomiki. 2016. No 2. P. 128–140. (in Russian).
- Kaplunova M. Ya.** Otsenka vospriyatiya yazykovoy situatsii v Respublike Tyva mestnym naseleniyem (na materiale polevogo issledovaniya 2021 g.) [Assessment of the perception of the language situation in the Republic of Tyva by the local population (on the basis of a field study in 2021)] // Novyye issledovaniya Tuvy. 2022. No 4. P. 28–37. (in Russian).
- Lapteva O. A.** Zhivaya russkaya rech' s teleekrana. Razgovornyy plast televizionnoy rechi v normativnom aspekte [Live Russian speech from the TV screen. The colloquial layer of television speech in the normative aspect]. M.: Editorial URSS, 2001. 520 p. (in Russian).
- Mukharyamov N. M., Yanush O. B.** YAzykovoye ustroystvo rossiyskogo obshchestva: faktory politicheskoy dinamiki [Linguistic device of the Russian society: factors of political dynamics]. Kazan': Otechestvo, 2022. 304 p. (in Russian).
- Napravleniya razvitiya etnorechevoy sredy** v sfere obrazovaniya i vospitaniya: kruglyy stol: rukopis', 13.02.2019 [Directions for the development of the ethno-speech environment in the field of education and upbringing: round table: manuscript, 02/13/2019] / Zam. rukovoditelya otdela obshchego obrazovaniya Ministerstva obrazovaniya i nauki RS (YA) T. S. Abramova.
- Nikiforova Ye. P.** Yazykovaya obrazovatel'naya politika v Respublike Sakha (Yakutiya) [Language educational policy in the Republic of Sakha (Yakutia)] // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2015. No 9 (53). P. 543–552. (in Russian).
- Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii** [On education in the Russian Federation] [Elektronnyy resurs]: Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ // Sistema «KonsultantPlyus»: sayt. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. P. 112–113. (in Russian).
- Savvinov V. M.** Analiz problem i kriticheskikh situatsiy v sisteme obrazovaniya s tochki zreniya zadach sokhraneniya kul'tury i yazykov korennykh narodov Respubliki Sakha (Yakutiya) [Analysis of problems and critical situations in the education system from the point of view of the tasks of preserving the culture and languages of the indigenous peoples of the Republic of Sakha (Yakutia)] // Nauka i obrazovaniye. 2013. No 4. P. 100–105. (in Russian).
- Seliverstova N. A., Sorokin O. V., Oorzhak S. U.** Smyslovyye komponenty v predstavleniyakh o rodine tuvinskoy studencheskoy molodezhi [Semantic components in the ideas about the homeland of Tuvan student youth] // Novyye issledovaniya Tuvy. 2023. No 1. P. 110–124. (in Russian).
- Smyslova O. Yu., Linchenko A. A., Lakomova D. V.** Ekonomicheskiye riski yazykovoy politiki i yazykovaya kul'tura molodezhi [Economic risks of language policy and the language culture of youth] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika». 2020. Vol. 18, No 3. P. 136–150. (in Russian).
- Shaposhnikova I. V.** K voprosu o yazykovoy politike v nauchno-obrazovatel'noy sfere [On the issue of language policy in the scientific and educational sphere] // Voprosy psikholingvistiki. 2018. No 1 (35). P. 173–191. (in Russian).

Ivanova Nina Innokentievna.

Doctor of sciences (philology), leading research fellow, chief research fellow International scientific research laboratory “Linguistic ecology of the Arctic” o NEFU.

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS.

Petrovskogo st., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: haar-haar@mail.ru

Ю. Н. Квашнин

НЕНЦЫ И КОМИ-ИЖЕМЦЫ НИЗОВЬЯ РЕКИ ПУР (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

В статье рассматриваются исторические процессы формирования особого этнического сообщества на севере Пуровского района ЯНАО. Его основой стали коренные тундровые ненцы и пришлые коми-ижемцы. Ненцы, проживавшие в низовьях р. Пур, известные русским первопроходцам с XVII в., долгое время сопротивлялись обложению их государевым ясаком и строительству опорных пунктов на берегах Тазовской губы. Постепенное умиротворение ненцев и упорядочение сбора ясака привело к почти полному забвению русскими низовой Пура и превращению этой территории в «медвежий угол». Только развитие рыбодобывающей промышленности во второй половине XIX в. возобновило интерес власти к этой территории. Большинство ненцев нанимались в рыболовные артели, оставляя своих немногочисленных оленей в сборных стадах. Такая бурная деятельность рыбопромышленников сказалась на сборе ясака и привела к упадку здешнее оленеводство. В советское время для возрождения оленеводческого хозяйства в низовьях Пура были предприняты исключительные меры. Сюда были добровольно-принудительно переселены раскулаченные коми-ижемцы из западных районов Ямальского и Ханты-Мансийского округов и построен административный центр с. Самбург. Активные и предприимчивые коми-ижемцы принесли с собой в низовья Пура наработанные десятилетиями прогрессивные методы выпаса оленей. Постепенно новые навыки ведения прибыльного хозяйства перенимали у коми-ижемцев местные ненцы-олeneводы. По мере сближения представителей двух народов происходил обмен отдельными элементами традиционной культуры. Сильнее оказалось влияние коми-ижемцев. Появились смешанные ижемско-ненецкие семьи. Ненцы усваивали коми-ижемский язык. Женщины из смешанных семей перестали шить традиционные шубы-ягушки и перешли на ижемские малицы, отличающиеся от мужских только капюшоном из белого оленьего меха. Сегодня процессы урбанизации и промышленное освоение земель в низовьях Пура оказывают влияние на повседневную жизнь самбургских оленеводов и рыбаков. Несмотря на это, ненцы и коми-ижемцы продолжают вести традиционное хозяйство и сохраняют уникальную культуру, приспосабливаясь к новым условиям.

Ключевые слова: *ненцы, коми-ижемцы, низовья Пура, Самбург, межэтнические контакты, оленеводство*

Введение

Этнографическое изучение ненцев и коми-ижемцев насчитывает не одно десятилетие. По многочисленным научным публикациям можно составить отчетливое общее представление об этих народах. Однако приходится признать, что локальные группы ненцев и ижемцев исследованы неравномерно, этнические процессы у них не прослеживаются в динамике. Такие группы проживают сегодня в северной части Пуровского района ЯНАО, в с. Самбург и его окрестностях.

Пуровские ненцы известны русским с конца XVI в., а исследователи впервые посетили низовья Пура и Таза только в начале XX в. В 1911 г. поездку в Тазовскую губу совершил финский лингвист Т. Лехтисало, собравший там сведения о мифологии ненцев (Лехтисало, 1998). Географическое описание бассейна р. Пур опубликовал в 1926 г. Б. Н. Городков (Городков, 1926). В 1962 г. у пуровских ненцев побывала ленинградский этнограф Л. В. Хомич, оставившая краткие заметки об этой поездке (Хомич, 2005) и несколько упоминаний в обобщающих работах о ненцах. В середине 1990-х гг. к тундровым ненцам с. Самбург приезжали новосибирские генетики, изучавшие их брачную структуру и миграционные процессы (Posukh et al., 1996).

Первые этнографические исследования пуровских коми-ижемцев были проведены в 2004 и 2009 гг. Н. А. Лискевич и Е. А. Волжаниной, сотрудниками ИПОС СО РАН. Однако материалы этих экспедиций не были опубликованы сразу после поездок. В 2010 и 2011 гг. автор данной статьи, работавший в том же институте, собрал сведения о ненцах и коми-ижемцах Пуровского района в г. Тарко-Сале и с. Самбург, но также не смог опубликовать их своевременно.

В 2016 г. в Самбурге работали исследователи из Коми научного центра К. В. Истомин и В. Э. Шарапов. Результаты исследования были опубликованы ими в трех статьях, куда вошли материалы Н. А. Лискевич 2004 и 2009 гг., а также обзорные материалы по языковым процессам и оленеводству у коми-ижемцев коми исследователя О. И. Уляшева (Истомин и др., 2016; 2017; 2018).

Наша статья написана на основе материалов 2010 и 2011 гг. Сведения были собраны нами в отделе по делам архивов администрации Пуровского района ЯНАО, в архиве администрации с. Самбург, в музее самбургской школы-интерната, в ходе этнографического опроса населения. Для уточнения исторических данных привлекалась вся доступная научная и краеведческая литература.

Краткая история Самбурга

Село Самбург расположено за Северным полярным кругом на правом берегу р. Пур в 85 км от его впадения в Тазовскую губу. Это самый северный населенный пункт Пуровского района ЯНАО. В настоящее время это динамично развивающееся село с хорошо налаженной инфраструктурой. Основным населением Самбурга являются тундровые ненцы, русские, коми-ижемцы, немногочисленные ханты и лесные ненцы.

Первые сведения о коренных жителях южного побережья Тазовской губы («люди самоедь, зовомы малгонзеи») встречаются в новгородском сказании конца XV в. «О человецех незнаемых в Восточной стране» (Плигузов, 1993: 78–79). В сибирских летописях написано, что земли в нижнем течении рек Пур и Таз были знакомы русским и коми-зырянам уже в конце XVI в. В 1598 г. из Москвы для «проведывания мангазейских мест» до Енисея был направлен отряд Федора Дьякова. Известно, что жители рек Двины и Печоры «в поисках соболей и для торговли часто ходили в эти места; некоторые из них тайно собирали ясак с тамошних самоедов в свою пользу». Зыряне, не желавшие терять столь выгодную для них торговлю, пытались не допустить усиления царской власти в междуречье Пура и Таза. Они, как полагают, подучили самоедов, которые зимой 1600 г. на расстоянии одного дня пути от р. Пур побили и ограбили отряд письменных голов князя Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова, посланных для строительства на р. Таз острога (Миллер, 2005: 302, 303).

После постройки в 1601 г. воеводами Василием Мосальским и Савлуком Пушкиным Мангазейского острога и образования Мангазейского уезда царское правительство обложило ясаком в междуречье Пура и Таза энцев и ненцев разных родов. Сложные отношения власти с аборигенами на протяжении XVII в. и продвижение русских на Енисей и Лену привели к постепенному упадку Мангазеи как крупного административного и торгового центра (Долгих, 1960: 120–121). В результате Тазовская губа и ее окрестности на долгие годы превратились в труднодоступный «медвежий угол».

Только во второй половине XIX в. в Тазовской губе началось оживление. Этому способствовали экспедиции, снаряженные в 1862–1864 гг. известным сибирским предпринимателем М. К. Сидоровым, открывшим месторождение графита в Туруханском крае. Для исследования возможности вывоза графита он направил туда обдорского коллежского регистратора Ю. И. Кушелевского, чтобы «проложить сухопутныя и водныя сообщения от р. Енисея до р. Печоры по направлению полярного круга, через Уральския горы и никому неизвестныя северныя тундры». Первую избушку (факторию) на левом притоке Таза р. Вэсако-Яха поставил старший приказчик Кушелевского, сын обдорского купца Михаил Алексеевич Мамеев. Позже он построил еще две избы, одну в междуречье Пура и Таза на р. Сале-Лекобтамбода, а другую – в низовьях р. Пур (Кушелевский, 1868: 1, 27–28, 33–34; Dobbeler, 1886: 120; Темплинг, 2002: 144; Квашнин, 2019: 233–235).

В 1880-х гг. на побережье Тазовской губы стали развивать рыбные промыслы и торговлю с коренными жителями русские и иностранные купцы и промышленники. В конце XIX – начале XX в. в низовьях Пура, кроме избы Мамеева, стояли заведения компании М. Е. Функа и братьев Р. и Дж. Вардроппер, Нижне-Обского товарищества, братьев И. И. и Н. И. Тетюцких, Я. Д. Кайдалова, П. Н. Ельцова, С. А. Торопчина, А. Н. Шеймина, торгового дома «Михаил Плотников и сыновья» (Шухов, 1915: 41–42; Дунин-Горкавич, 1918: 25–26; Юданов, 1930: 4–5). В 1920-х гг. эти заведения перешли в собственность Обь-Иртышского Облгосрыбпрома. Центром Пуровской конторы стал пос. Ивай-Сале (Городков, 1926: 53–54).

По сведениям А. А. Дунина-Горкавича, контингент наемных работников, добывавших в низовьях Оби рыбу, был довольно пестрым. Здесь были «крестьяне из Тобольского, Тюменского и Туринского уездов, частью разорившиеся, частью из лишних и свободных членов семьи; ссыльные всех категорий и разных национальностей; инородцы – татары, бухарцы, остяки и самоеды. Возможно, похожая ситуация была в начале XX в. и на промыслах в Тазовской губе, хотя здесь чаще, чем на Оби, нанимали полуневодчиков из числа местных инородцев. Привлечение братьями Вардроппер к лову рыбы большого числа коренных жителей даже привело к снижению роли оленеводства и охоты в хозяйстве ненцев. Это в свою очередь отразилось на сборе ясака, большая часть которого состояла из песцовых и оленьих шкур (Дунин-Горкавич, 1904: 212, 224–225; Юданов, 1935: 4–5).

Оленеводство на побережье Тазовской губы пришло в такой упадок, что к 1923 г. среди 550 человек пуровских ненцев насчитывалось всего четыре богатых оленевода, имевших от 500 до 1 500 голов оленей. У остальных было по несколько десятков оленей, которых они отдавали на выпас в сборное стадо наемному пастуху. Сами же в это время занимались ловом рыбы (Городков, 1924: 25–27).

История собственно с. Самбург начинается в годы активного советского и хозяйственного строительства на Приобском Севере. В 1931 г. на правом берегу р. Пур, в устье р. Чингесъ-Яха¹, в 4 км от устья протоки Сампорка² была поставлена рыболовецкая фактория, названная в русской огласовке Самбургом. Сначала она входила в состав Мало-Пуровско-Озерного туземного совета Тазовского района (Радченко, Смирнова, 1994: 175), а в 1934 г. была причислена к Нижне-Пуровскому национальному совету Пуровского района. По некоторым данным, местным жителем Л. Я. Айваседо и уполномоченным окружкома Румянцевым здесь сразу был организован колхоз «Едэй Ил» («Новая жизнь») на базе 10 бедняцких и 1 середняцкого хозяйства. Председателем был избран Накати Тёр. В 41 км севернее Самбурга, в пос. Пяси-Надо, был создан колхоз «Красный рыбак» (Дудников, 2004: 49–50, 151–152). По другим сведениям, колхоз «Едэй Ил» был организован в 1935 г. Годом позже в пос. Ивай-Сале, расположенном на одноименном мысу в 8 км к северу от Пяси-Надо, организовали колхоз «Едэй Сехэры» («Новый путь»), а в 1937-м – «Наръяна Нумгы» («Красная звезда»). Все колхозы Нижне-Пуровского совета занимались в основном рыбодобычей (Гриценко, 2010: 262, 269). В 1935 г. на фактории Самбург была открыта первая в Пуровском районе школа (Дудников, 2004: 160).

Основание Самбурга связано с началом возрождения в 1930-х гг. в низовьях Пура крупностадного оленеводства. В Надымском районе Ямальского национального округа, на базе Кутопьюганского оленеводческого совхоза, отделенного от совхоза «Надымский», в 1935 г. был организован совхоз «Пуровский». С этого времени сюда добровольно-принудительно стали переселять коми-ижемцев с низовий Оби, Надыма и Ныды со стадами совхозных и личных оленей (Полевые материалы автора, 2010; 2011; Брехунцов, Битюков, 2007: 62; Истомин и др., 2016: 145).

¹ Возможно, от ненецкого «сиңгэ», «чиңгэ» – цынга; река, где болели цынгой.

² Возможно, от ненецкого «самбана» – шаман; шаманская протока.

Необходимо отметить, что тундра к востоку от Надыма не была для коми-ижемцев *terra incognita*. Со второй половины XIX в. они периодически наезжали туда для меновой торговли с низовыми самоедами (Дунин-Горкавич, 1904: 120). Один из ижемских оленеводов, кочевавших со своим стадом в междуречье Пура и Таза, был отмечен в 1870 г. (Темплинг, 2002: 144–145). Несмотря на это, новому поколению ижемцев приходилось осваивать междуречье Пура и Таза заново.

Село Самбург было построено в 1937 г. как центральная усадьба сельскохозяйственного предприятия, официально называвшегося тогда «Пуровский оленеводческий совхоз Главного управления Северного морского пути». Место расположения было выбрано на правом берегу р. Пур в урочище Самбург-Надо в 2 км южнее фактории Самбург (Дудников, 2004: 151–152). На карте Красноярского края 1947 г. эти два поселения обозначены как Новый и Старый Самбург. К Самбургскому сельскому совету относились также поселки Ивай-Сале и Пяси-Надо. В поселках жили сотрудники государственных хозяйственных организаций, отдельные потомки дореволюционных работников рыболовных угодий. В середине 1930-х гг. сюда прибыли спецпереселенцы, среди которых были русские, украинцы, немцы, финны, евреи (Полевые материалы автора, 2011).

В 1960-х гг. в Пуровском районе начались геолого-разведочные работы, а в 1970–80-х гг. на севере района, недалеко от Самбурга, были открыты месторождения нефти и газа (Брехунцов, Битюков, 2007: 111, 167, 168). Однако основой хозяйственной деятельности коренного населения Самбурга и прилегающей к нему тундры до сих пор остаются традиционные отрасли хозяйства – оленеводство, рыболовство и охота.

В 2011 г. Самбург представлял собой типичный для Севера центр сельской администрации. В отличие от некоторых других центров он не растянут вдоль реки, а уходит, разрастаясь, вглубь тундры. В тогдашнем Самбурге можно было встретить несколько домов-развалюшек старой застройки, но в основном здесь стояли крепкие одноэтажные и двухэтажные деревянные дома, был один многоквартирный кирпичный дом. В глубине села располагался большой коттеджный поселок. На фоне трехэтажного кирпичного здания школы-интерната терялись двухэтажное здание администрации, небольшое одноэтажное здание больницы и совсем маленькое здание конторы совхоза «Пуровский». Связь жителей села с Большой землей осуществлялась воздушным транспортом (вертолетами), в снежное время – по зимнику до пгт. Уренгой (Полевые материалы автора, 2011).

«Чье это хозяйство?»

Важнейшим источником статистических данных для этнографических исследований являются похозяйственные книги. Опыт наших полевых исследований в ЯНАО показывает, что далеко не всегда сотрудникам сельских администраций удается сохранить наиболее ранние из них в полном объеме. Например, в архиве администрации с. Самбург первые книги датированы 1945–1947 гг. На некоторых из них отсутствуют обложки. Проверяющие (в 1952 или в 1965 гг., судя по пометам) перепутали и перенумеровали книги. Сплошная нумерация хозяйств сбилась. В книге № 3 нет не только обложки, но и нескольких начальных листов. Озадаченные проверяющие написали на «первой» странице «Чье же это хозяйство? № 70?» (Полевые материалы автора, 2011).

Несмотря на пробелы, из книг 1945–1947, 1946–1948, 1948–1950 гг. тогдашнего Нижне-Пуровского сельского совета можно почерпнуть некоторые сведения о национальном, фамильном и родовом составе населения, о межэтнических браках и пр. В 1947 г. всего населения насчитывалось 918 человек, из которых 712 были представителями народов Севера (Брехунцов, Битюков, 2007: 79). Коренными жителями междуречья Пура и Таза, записанными в книгах, являются ненцы родов Сегой, Вора, Няч, Пяк, Айваседа, Хэно, Тёр. Они на протяжении

многих лет отмечались исследователями в этих краях (Дунин-Горкавич, 1904: 114, 117; Хомич, 1976: 103, 106, 107, 108, 110). Потомками переселенцев с р. Таз являются носители фамилий Харючи и Тогой; с Гыданского полуострова – Адер, Тесида, Ядне, Яр, Яптунай; со стороны р. Надым – Салиндер, Няркахи, Тибичи; с полуострова Ямал – Вануйто, Худи, Няруй, Яптик. Селькупы Каткилевы и Киприны в двух смешанных с ненцами семьях – выходцы со Среднего Таза (Полевые материалы автора, 2013). Коми-ижемцы представлены фамилиями Рогалев, Сметанин, Вокуев, Ямзин, Хатанзеев (кроме этого, коми записаны члены двух семей Вануйто и одной Ядне). Фамилия Уксюмов относится к северным хантам (Полевые материалы автора, 2004). Смешанными ненецко-ижемскими и русско-ижемскими являются одна семья Вануйто и одна Мамеевых. В более полных книгах 1961–1963 гг. записаны также фамилии ямальских ненцев Окотэтто, приуральских Янгасовых, тазовских Ненянг, коми-ижемцев Каневых, Рочевых, Рокиных, Филипповых, Чупровых, Артеевых, Витязевых. До начала 1950-х гг. ижемцев в похозяйственных книгах записывали зырянами, с 1954 г. – коми (Полевые материалы автора, 2011).

Запись сведений о наличном населении в похозяйственные книги, продолжавшаяся на Севере и в Сибири до начала XXI в., прекратилась с введением повсеместного электронного документооборота. Доступ к документам сельских администраций, содержащим личную информацию, был ограничен. Последние пометы и примечания в бумажных книгах Самбургской сельской администрации относятся к 2008 г. Национальный состав населения на этот период отражен в табл. 1.

Таблица 1

Национальный состав населения с. Самбург на 2008 г.

Национальность	Мужчины	Женщины	Всего
Ненцы	655	791	1446
Коми-ижемцы	61	56	117
Ханты	10	15	25
Селькупы	1	—	1
Русские	117	89	206
Украинцы	14	15	29
Белорусы	3	3	6
Марийцы	10	11	21
Татары	8	7	15
Чуваши	—	1	1
Удмурты	1	1	2
Абазыны	1	—	1
Осетины	6	6	12
Даргинцы	1	—	1
Табасараны	6	6	12
Кумыки	3	2	5
Хакасы	1	—	1
Латыши	—	1	1
Эстонцы	1	—	1
Молдаване	1	—	1
Азербайджанцы	4	—	4

Армяне	3	4	7
Узбеки	3	1	4
Таджики	1	2	3
Поляки	—	1	1
Ассирийцы	7	12	19
Не указана	1	—	1
Итого	919	1 024	1 943

Как видно из табл. 1, ненцы являются преобладающим населением Самбурга. На втором месте по численности стоят русские. Коми-ижемцев не много. Появление в списке людей других национальностей обусловлено социально-экономическими и миграционными процессами новейшего времени. Интересно отметить, к примеру, ассирийцев (айсоров), которые с середины 1990-х гг. начали торговать одеждой и обувью в разных городах и селах ЯНАО. В начале XXI в. в округ стали массово приезжать марийцы. В основном это были выпускники педагогических учебных заведений, устраивавшиеся на работу в школы. Одним из мотивов переезда табасаранов на Север стало нежелание табасаранских детей изучать в школе родной язык и сдавать экзамены по нему (Полевые материалы автора, 1995; 2002; 2011).

По сравнению с 2008 г., по данным статистического отдела сельской администрации с. Самбург на 01.01.2011, численность населения увеличилась здесь ненамного. Всего стало 1 987 человек, из них ненцев – 1 532, хантов – 28, русских – 176, прочих – 250 человек. Коми-ижемцы в статистических данных никак не выделяются (Полевые материалы автора, 2011).

Таблица 2

Фамильный состав семей ненцев и коми-ижемцев с. Самбург на 2008 г.

Национальность Фамилия	Ненцы	Ижемцы	Ненцы- ижемцы	Ненцы – другие народы	Ижемцы – другие народы
Адер	15	—	—	—	—
Айваседо	25	—	—	—	—
Вануйто	11	1	—	—	—
Вора	13	—	—	—	—
Ламбай	1	—	—	—	—
Няруй	8	—	—	—	—
Няч	16	—	—	—	—
Ненянг	2	—	—	—	—
Пяк	17	—	2	—	—
Окотэтто	5	—	—	—	—
Салиндер	16	—	—	—	—
Неркагы	7	—	—	—	—
Сметанин	1	—	1	—	—
Сёгой	28	—	—	—	—
Харючи	10	—	—	—	—
Тибици	1	—	—	—	—
Хатанзеев	12	1	—	—	—
Тогей	5	—	—	—	—
Тёр	11	—	—	—	—

Хэно	19	—	—	—	—
Худи	10	—	—	—	—
Лондо	1	—	—	—	—
Вокуев	—	6	—	—	—
Канев	—	3	—	—	—
Ямкин	1	—	—	—	—
Рочев	—	3	—	—	—
Тэсида	6	—	—	—	—
Яптик	5	—	—	—	—
Ядне	7	—	—	—	—
Яр	5	—	—	—	—
Бучнева	—	—	—	1	—
Милютин	—	—	—	1	—
Ишимцева	—	—	—	—	1
Соловьева	—	—	—	1	—
Яковлева	—	—	—	1	—
Пирматова	—	—	—	2	—
Васильева	—	—	—	2	—
Ревнивых	—	—	—	—	1
Мресов	—	—	—	1	—
Бурков	—	—	—	1	—
Исакова	—	—	—	1	—
Итого	258	14	3	11	2

Фамильный состав самбургских ненцев и коми-ижемцев, отраженный в табл. 2, с 1960-х по 2011 г. изменялся незначительно. В основном это происходило за счет миграций населения между Пуровским, Тазовским и Надымским районами, смешанных браков ненцев и коми-ижемцев как между собой, так и с переселенцами с Большой земли. Из поздних переселенцев к ненцам добавились фамилии Ламбай, Лондо, Ямкины. У коми-ижемцев перестали фиксироваться Филипповы, Чупровы, Артеевы, Витязевы (Полевые материалы автора, 2011).

Долговременное совместное проживание ненцев вместе с коми-ижемцами и смешанные браки с ними привели к возникновению в некоторых семьях ижемско-ненецкого двуязычия, а с учетом русского языка и трехязычия.

Незнакомцы на оленях

Одними из первых с ижемцами познакомились пуровские тундровые ненцы рода Хэно. О происхождении этого рода нет почти никаких сведений. По нашим данным, он является патронимией рода Сюгней, но, когда он выделился из него, не ясно (Квашнин, 2003: 38). Приполярная перепись населения отметила всего три семьи Хэно, кочевавшие в низовьях р. Пур (Долгих, 1970: 82, 111).

Представители рода Хэно – Сергей Пиделомович и Нел Лядувич в интервью районной газете «Северный луч» рассказывали, что их предки происходят из «древнего княжеского рода, известного еще с давних-давних времен» и «их владения проходили по рекам Ево-Яха и Хадыр-Яха»³. Предки умели читать и писать, владели языками соседей. «Им доверяла как верховная власть обдорского князя, так и кочевой люд – жители тундр и рыбацких песков».

³ Евояха и Хадыр-Яха – левый и правый притоки р. Пур. Первая впадает в 19 км от пгт. Уренгой, вторая – в 2 км. Протекают на значительном расстоянии (более 100 км) к югу от с. Самбург.

Кроме того, отец Нела Лядувича «был известнейшим в этих местах шаманом, очень сильным и высокого ранга» (Хэно, Аманенко, 2005а, 2005б). На наш взгляд, здесь мы имеем дело с некоторыми преувеличениями, свойственными многим рассказчикам. Видимо, кто-то из предков Сергея Пиделомовича и Нела Лядувича был просто родовым старшиной, выбранным на эту должность потому, что он владел грамотой и имел авторитет среди соплеменников.

Рыбачили ненцы круглый год. Летом – в системе озер Хэно-то (Хынуто) на левых протоках р. Пур. Осенью перемещались на правый берег Тазовской губы на р. Мессо, где ловили ряпушку. Зимой занимались подледным ловом. Прибытие в самбургскую тундру незнакомцев с большими стадами оленей вызвало у них опасение. Чего от них ждать? Сближаться не решались. Некоторые семьи откочевывали ближе к Самбургу. Так вспоминали старожилы-ненцы события второй половины 1930-х гг. Коми-ижемцы тоже не знали, как их примут на новом месте (Полевые материалы автора, 2011).

Приведем несколько фрагментов из воспоминаний коми-переселенцев о трудностях, с которыми им довелось столкнуться в 1920–30-х гг. Они записаны нами со слов родственников или извлечены из любезно предоставленных ими семейных архивов.

Аким Тимофеевич Хатанзеев родился в начале XX в. в Печорском уезде Архангельской губернии в семье зажиточных оленеводов, кочевавших по тундре в бассейне р. Воркута. Когда подрос, женился на Каневой Анне из соседнего стойбища. В 1930-х гг. их семья была раскулачена и сослана в Самбург. Перевалив через Уральские горы, Хатанзеевы дошли до с. Мужы (Шурышкарский район), затем откочевали в Ныду (Надымский район). Через год добрались до Самбурга. Здесь постепенно сблизились с ненцами из рода Хэно, упоминавшимся выше Сергеем Пиделомовичем и его родственником Тыди. Именно они помогли обжиться их семье в самбургской тундре.

Семья Иова Васильевича Сметанина и Елены Егоровны Каневой кочевала в тундре Полярного Урала и не задумывалась о смене места жительства. Однако в 1932 г. в оленеводческой бригаде, где работал глава семьи, произошел массовый падеж оленей. Иова Васильевича осудили на 15 лет с конфискацией имущества. Жена с маленькими детьми перебралась в пос. Нори (Надымский район). Однажды неожиданно вернулся глава семьи (отпустили до отбытия полного срока). Он устроился оленеводом в совхоз «Ныдинский» (Надымский район). Семья снова вернулась в тундру. Весной 1937 г. они были отправлены в Самбург, куда на нартах везли грузы для строительства поселка. Проводником у них был ненец Григорий Сёгой. Иов Васильевич стал работать пастухом в совхозе «Нижне-Пуровский».

Предки семьи Вокуевых жили в с. Саранпауль (Березовский район ХМАО). В конце 1920-х гг. они перекочевали в с. Мужы (Шурышкарский район ЯНАО), преодолев более 200 км пути по таежным рекам и притокам. Вокуевы, глава семьи Василий Иванович, его жена Анна, сыновья Николай, Дмитрий, Семен, дочь Анна, были зажиточными хозяевами. Как написано в архивной справке, хранящейся в семье самбургских Вокуевых, в 1931 г. они были признаны кулаками, лишены избирательных прав, затем высланы из Мужей. Когда и куда высланы, в исследованных архивистами документах не указано. Наши информанты из семьи Вокуевых говорили, что их предки, за исключением семьи Дмитрия, прибыли в Самбург в 1938 г.

Дмитрий Васильевич Вокуев, как отмечено в архивной справке, имел в собственности 900 голов оленей, использовал наемный труд, держал батраков. За сокрытие пушнины и сырья он был привлечен к уголовной ответственности по ст. 107 УК РСФСР (1926 г.) «Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок», которая предусматривала лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. Сырье и пушнина как вещественное доказательство были оставлены в госорганизациях. Оставшись без кормильца и средств к существованию, его семья осталась жить в Мужах. Анна Дмитриевна Попова (1929 г.р.), дочь Дмитрия Васильевича, рассказывала нам, что ее дядя Семен перед отъездом из Мужей в Самбург говорил: «Как

обустроимся на новом месте, так вызовем сюда и вас». Но не вызвал, за что она до старости хранила на него обиду. Она говорила, что жить и работать в Мужах было очень трудно. В свою очередь потомки дяди Семена говорили нам, что и в Самбурге было не легче (Полевые материалы автора, 2010; 2011).

В настоящее время самбургские коми-ижемцы по возможности стараются восстанавливать утерянные когда-то связи с родственниками из других районов ЯНАО.

Особенности современного хозяйства и быта

В самбургской тундре до сих пор сохраняется традиционное разделение труда по фамильно-родовой принадлежности. К примеру, семьи Сёгой, Вора, Хэно, Тёр, как и их предки – коренные жители низовий Пура, занимаются в основном рыболовством. Внуки и правнуки переселенцев с ямальской, надымской, тазовской тундр из семей Худи, Вануйто, Ядне, Салндер, Тэсида, Харючи – потомственные оленеводы. Оленеводство является главным занятием и коми-ижемцев.

В 2011 г. главным предприятием с. Самбург, обеспечивающим работой как тундровое население, так и жителей села, был совхоз «Пуровский». В совхозе имелись плавбазы, оснащенные всем необходимым для приема, заморозки и хранения рыбы. В самбургской тундре выпасалось около 18 тыс. голов оленей, более половины принадлежали совхозу, остальные были в частных руках. В цехе по переработке рыбы и оленины готовили полуфабрикаты нескольких наименований. В теплице выращивали огурцы, помидоры, перец, петрушку, лук, а также тюльпаны и крокусы. Была построена рыбная ферма, где планировалось выращивать молодь ценных пород рыб для последующего выпуска в р. Пур.

На производительность самбургского оленеводства негативно повлияла экспансия предприятий нефтегазового комплекса, широко развернувшаяся в начале 2000-х гг. В связи с расширением объемов добычи нефти и газа на севере Пуровского района резко сократились площади оленьих пастбищ и рыболовных угодий. Руководство совхоза вынуждено было уменьшить количество оленеводческих бригад с 12 до 9. Пришлось потесниться в тундре и оленеводам-частникам.

Быстрее и лучше всех к новым условиям кочевания и выпаса оленей в самбургской тундре смогли приспособиться коми-ижемцы. Известно, что навыки ведения успешного и прибыльного хозяйства приобретены ижемцами не сегодня. Об их предприимчивости и смекалке неоднократно писали путешественники и исследователи уже более 100 лет назад. Некоторые описания цитирует в одной из своих работ А. А. Дунин-Горкавич, завершая очерк об ижемцах словами архангельского губернатора А. П. Энгельгардта из его книги «Русский Север»: «Нельзя не отдать справедливости зырянам в том, что они сумели развить оленеводство и сделать его производительным. Самоед требует от оленя только одного, чтобы он давал ему самое необходимое в его неприхотливой жизни, т. е. пищу и одежду, нисколько не заботясь об увеличении числа оленей и извлечении из своего стада денежных выгод; зырянин же старается увеличить число принадлежащих ему оленей, извлечь из них возможные выгоды и разумно воспользоваться продуктами, получаемыми от этих животных» (Дунин-Горкавич, 1904: 119–127).

По рассказам наших информантов из числа коми-ижемцев, ижемские оленеводческие хозяйства Пуровского района всегда отличались большей, чем у ненцев, устойчивостью к различным изменениям. Например, пастухов 6-й бригады Рочевых неоднократно отмечали как передовиков производства за лучшие в совхозе показатели по сдаче мяса и сохранению оленьего поголовья. Главу семейства Рочева-старшего иногда переводили бригадиром в отстающие ненецкие бригады, которые на следующий год перевыполняли план. Сейчас отстающие бригады жалуются на газовиков, которые «перепахали» пастбища, и списывают на них вину

за свои неудачи. Однако на пастбищах 6-й бригады такие же сложные условия выпаса, но они справляются с этой ситуацией и остаются в передовиках (Полевые материалы автора, 2011).

Особенности кочевого быта самбургских оленеводов нам довелось наблюдать в 12-й совхозной бригаде. На стойбище стояли три чума и небольшой фанерный балок. Бригада смешанная, в одном чуме жили два брата – ижемцы Вокуевы (старший бригадир), в двух других – ненцы. Балок принадлежал совхозному зоотехнику, который периодически приезжал в бригаду из поселка. Примерно в ста метрах от чумов находился кораль для загона оленей, изготовленный из тонких стволов лиственниц.

По словам бригадира, зимой пастухи этой бригады живут в тундре без своих семей, жены кочуют вместе с ними только летом. Пастухи сами заготавливают дрова, носят воду, готовят пищу, занимаются прочими хозяйственными делами. Питаются олениной и рыбой, а также привезенными из Самбурга хлебом, сахаром, консервами, свежими овощами и фруктами. 12-я бригада и зимой и летом пасет оленей недалеко от Самбурга, поэтому пастухи круглый год имеют возможность посещать село на снегоходах, оленьих упряжках или лодках.

Как и других самбургских оленеводов, пастухов 12-й бригады беспокоит расширение нефтегазоносных площадей, загрязнение тундры, озер и рек, сокращение пастбищ и рыболовных песков. Кроме этого, серьезные проблемы оленеводству доставляют волки, медведи и росомахи, приходящие с юга Пуровского района, из мест наиболее интенсивной добычи нефти и газа. К ним присоединяются одичавшие собаки, убегающие в тундру из Самбурга, а также из расположенных поблизости населенных пунктов Тазовского района. Иногда пастухам приходится окарауливать оленей круглосуточно, чтобы избежать нападений диких животных. Особенную осмотрительность приходится проявлять в оленьий период – с апреля по июнь.

Самбургские оленеводы сохранили до сегодняшнего дня традиционную зимнюю одежду (летняя в основном покупная). Все разнообразие покроя и украшения одежды нам довелось увидеть на праздновании Дня оленевода, проходившего 21 апреля 2011 г. Мужчины, как ненцы, так и ижемцы, были одеты в малицы – мужскую верхнюю глухую одежду с капюшоном, сшитую из осенних или летних оленьих шкур мехом внутрь. Поверх малиц были надеты маличные сорочки из цветного сукна синего, зеленого, черного, фиолетового цветов разных (чаще темных) оттенков. Встретилось несколько сорочек из камуфляжной ткани.

Большинство женщин и девушек красовались в шубах-ягушках из оленьего меха. Примерно половина из увиденных нами шуб была украшена геометрическим орнаментом из белого и темного камуса по подолу и вдоль бортов шубы; другие были совсем без узоров или украшены простыми полосками из красного сукна.

Женщины из коми-ижемских или смешанных с ижемцами семей ходили в малицах. В отличие от мужской к женской малице пришит капюшон из белого, реже пестрого оленьего меха, а женские маличные сорочки сшиты из цветных тканей ярких расцветок.

Отметим, что процесс пошива традиционной женской ягушки в отличие от пошива мужской малицы занимает значительно больше сил и времени. Ягушка шьется целиком из оленьей шкуры. Верхняя часть, подол и подклад шьются отдельно, затем сшиваются вместе. К рукавам пришиваются рукавицы, воротником служит песцовая шкурка. Нарядной считается ягушка со вставками из белой или пестрой оленьей шкуры. Раньше подол обшивался собачьим мехом. В связи с этим можно сказать, что переодевание некоторых ненецких женщин в малицы во многом облегчило их повседневный труд.

Как видно из описанного выше, коми-ижемцы оказали довольно сильное влияние на развитие оленеводства самбургских ненцев и внесли определенные изменения в их традиционную культуру. Отметим, что подобные процессы происходили не только в низовьях Пура, но и в других регионах, куда переселялись коми-ижемцы – от Кольского полуострова до низовьев рек Надым и Ныда.

Заключение

Подводя итог, можно сказать следующее. Территория в низовьях р. Пур обладает значительным своеобразием, отличаясь от других мест, населенных ненцами. В исторический период освоения русскими Сибири в XVII–XVIII вв. она была местностью, где аборигены активно сопротивлялись обложению их государевым ясаком. Затем наступило время умиротворения и почти полного забвения этих мест. Развитие рыбодобывающей промышленности во второй половине XIX в. возобновило интерес русской власти к низовьям Пура, но привело к упадку здешнее оленеводство. Возрождение оленеводства стало возможно только в советское время при помощи добровольно-принудительно переселенных сюда из западных районов Ямальского и Ханты-Мансийского округов раскулаченных коми-ижемцев и постройки административного центра с. Самбург. Ижемцы принесли в низовья Пура наработанные десятилетиями прогрессивные методы выпаса оленей, которыми постепенно овладевали местные ненцы. Со временем некоторые ненцы заимствовали отдельные элементы ижемской культуры, освоили ижемский язык. Сегодня процессы урбанизации и промышленное освоение земель в низовьях Пура оказывают влияние на повседневную жизнь самбургских оленеводов и рыбаков. Несмотря на это, ненцы и коми-ижемцы продолжают вести традиционное хозяйство и сохраняют уникальную культуру, приспособляясь к новым условиям.

Рис. 1. Ненец-олeneвод из с. Самбург. Пуровский район ЯНАО. 2011 г.
Фото Ю. Н. Квашнина

Рис. 2. Ненки из с. Самбург. Пуровский район ЯНАО. 2011 г.
Фото Ю. Н. Квашнина

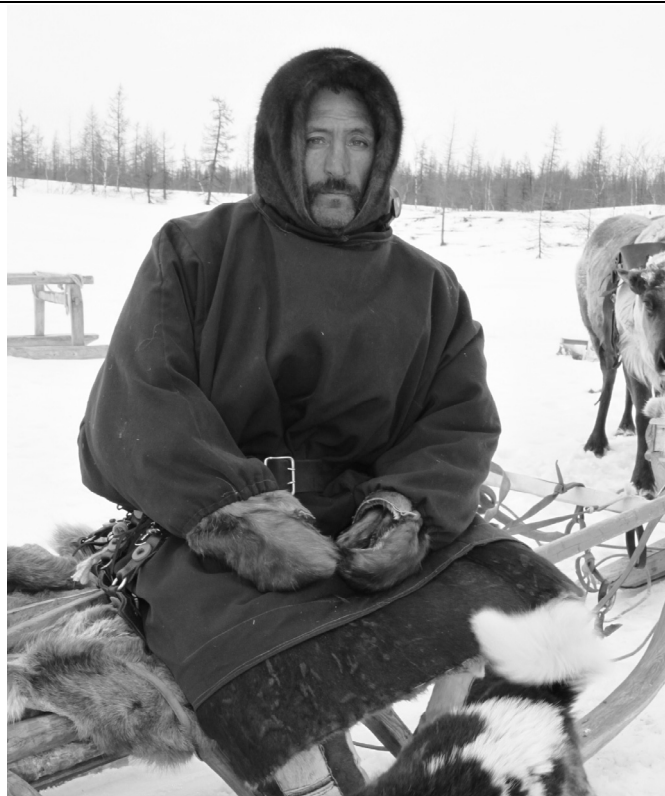

Рис. 3. Коми-ижемский оленевод из с. Самбург. Пуровский район ЯНАО. 2011 г.
Фото Ю. Н. Квашнина

Рис. 4. Ненка из с. Самбург в коми-ижемской женской малице и маличной сорочке.
Пуровский район ЯНАО. 2011 г. Фото Ю. Н. Квашнина

Литература:

- Брехунцов А. М., Битюков В. Н.** (сост.). Пуровский район. Тюмень, 2007. 368 с.
- Васильев В. И.** Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.
- Вершинин Е. В.** Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д. Л. Овцына // Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири. Самодийцы». Тобольск; Омск, 2001. С. 96–99.
- Городков Б. Н.** Западно-Сибирская экспедиция Российской академии наук и Русского географического общества // Природа. 1924. № 7-12. С. 3–30.
- Городков Б. Н.** Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири // Известия ГРГО. Т. 58. Вып. 2. 1926. С. 50–76.
- Гриценко В. Н.** История Ямальского Севера в очерках и документах. Т. 1. Тюмень: Тюменский дом печати, 2010. 320 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 622 с.
- Дудников Н. Ф.** Пур – надежда России. М.: Вертикаль; Пресском, 2004. 239 с.
- Дунин-Горкавич А. А.** Тобольский Север. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1904. 281, 78 с.
- Дунин-Горкавич А. А.** Сведения о рыболовных угодьях Тобольского Севера. Тобольск: Губернская типография, 1918. 28 с.
- Истомин К. В., Лискевич Н. А., Шарапов В. Э.** Самбургские коми: история формирования и этнокультурные процессы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 143–154.
- Истомин К. В., Лискевич Н. А., Уляшев О. И.** Коми-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 114–125.
- Истомин К. В., Лискевич Н. А., Уляшев О. И.** Особенности языковых процессов в среде пуровских коми в конце 1930 года – начале XXI века // Эволюция культурной среды в субарктической зоне европейского севера и Западной Сибири: культурные традиции, система жизнеобеспечения, социальные связи. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. С. 172–197.
- Квашнин Ю. Н.** «Вниз по Тазу до избушки Мамеева» (Из истории освоения русскими Тазовской губы) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 4 (24). С. 231–239.
- Квашнин Ю. Н.** Самоеды-юраки: проблемы этнической идентификации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 250–266.
- Кушелевский Ю. И.** Северный полюс и земля Ялмал. СПб.: Тип. М.В.Д., 1868. 186 с.
- Лехтисало Т.** Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 136 с.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. 630 с.
- Плигузов А. И.** Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль: Oriental Research Partners, 1993. 160 с. Полевые материалы автора, 1995; 2002; 2004; 2010; 2011; 2013.
- Радченко Н. Д., Смирнова М. А.** (сост.) Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: сб. док. Тюмень: ГАТО, 1994. 319 с.
- Ремезов С.** (сост.) Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: Археографическая комиссия, 1882. 48 с.
- Темплинг В.** (сост.). Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–90-е гг. XIX века). Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 224 с.
- Хомич Л. В.** Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 190 с.
- Хомич Л. В.** Некоторые вопросы хозяйства, культуры и быта коренного населения Пуровского и Надымского районов Ямало-Ненецкого округа Тюменской области // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 399–409.
- Хэно И., Аманенко И.** Война в судьбах людей // Северный луч. № 16 (3051). 22 апреля 2005а.
- Хэно И., Аманенко И.** Война в судьбах людей // Северный луч. № 18 (3053). 6 мая 2005б.
- Шухов И. Н.** Общий обзор бассейна реки. Ачинск: Тип. К. Ф. Крестникова, 1915. 43 с.
- Юданов И. Г.** Обская губа и ее рыбохозяйственное значение. Т. 1. Вып. 4. Тобольск: Обско-Тазовская рыбохозяйственная станция, 1935. 91 с.
- Dobbeler de.** Eine Reise nach dem Tas-Busen // Globus. Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. B. 49. 1886. P. 119–121, 136–139.
- Posukh O. L., Osipova L. P., Kriukov Iu. A., Ivakin E. A.** Genetic-demographic analysis of the population of native inhabitants of the Samburg tundra // Генетика. Новосибирск, 1996. Вып. 6. Т. 32. С. 822–829.

Квашнин Юрий Николаевич.

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Центр палеоэтнологических исследований.

Новая площадь, 12, корп. 5, Москва, 109012.

E-mail: ukwa@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2023 г.

NENETS AND KOMI-IZHEMTSY FROM THE LOWER REACHES OF THE PUR RIVER (AN ETHNOGRAPHIC ESSAY)

The article deals with the historical processes of the formation of a special ethnic community in the north of the Purovsky district of YaNAO. Its base was the native Tundra Nenets and the newcomers Komi-Izhma. The Nenets, who lived on the lower reaches of the river. Pur, known to the Russian pioneers since the 17th century, resisted for a long time the imposition of their ruler Yasak and the construction of forts on the banks of the Taz Bay. The gradual pacification of the Nenets and the rationalization of the Yasak River led to the lower reaches of the Pur being almost completely forgotten by the Russians, and this area became a "bear corner." Only the development of the fishing industry in the second half of the XIX century reawakened the interest of the authorities in this area. Most of the Nenets were engaged in fishing, leaving their few reindeer in herds. This tumultuous activity of fishermen affected the gathering of yasak and led to the decline of local reindeer herding. During the Soviet period, extraordinary measures were taken to revive reindeer herding on the lower reaches of the Pur River. The dispossessed Komi-Izhemtsy from the western regions of Yamal and Khanty-Mansiysk districts were voluntarily and forcibly resettled here, and the Samburg administrative center was built. The active and enterprising Komi-Izhma brought to the lower reaches of the Pur the advanced methods of reindeer grazing developed over decades. Gradually, local Nenets reindeer herders adopted the Komi-Izhma's new skills to run a profitable economy. As the representatives of the two peoples came closer, individual elements of traditional culture were exchanged. The influence of the Komi-Izhemtsy proved to be stronger. Mixed Izhma-Nenets families emerged. The Nenets mastered the language of the Komi-Izhma. Women from mixed families stopped sewing the traditional fur coats and switched to Izhma malitsa, which differed from men only by a hood made of white deerskin. Today, the processes of urbanization and industrial development of the land on the lower reaches of the Pur River affect the daily life of Samburg reindeer herders and fishermen. Nevertheless, the Nenets and Komi-Izhma continue to lead a traditional economy and preserve a unique culture that adapts to new conditions.

Keywords: *Nenets, Komi-Izhma, Pur River, Samburg, interethnic contacts, reindeer herding*

References:

- Brekhuntsov A. M., Bitiukov V. N.** (compilers). Purovskiy raion [Purovsky district]. Tyumen', 2007. 368 p. (in Russian).
- Dolgikh B. O.** Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v. [Tribal and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. M.: Nauka, 1960. 622 p. (in Russian).
- Dobbeler de.** Eine Reise nach dem Tas-Busen // Globus. Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. B. 49. 1886. P. 119–121, 136–139.
- Dudnikov N. F.** Pur – nadezhda Rossii [Pur is the hope of Russia]. M.: Vertikal'; Presskom, 2004. 239 p. (in Russian).
- Dunin-Gorkavich A. A.** Tobol'skiy Sever [Tobolsk North]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1904. 281, 78 p. (in Russian).
- Dunin-Gorkavich A. A.** Svedeniya o rybolovnykh ugod'yakh Tobol'skogo Severa [Information about the fishing grounds of the Tobolsk North]. Tobol'sk: Gubernskaya tipografiya, 1918. 28 p. (in Russian).
- Gorodkov B. N.** Zapadno-Sibirskaya ekspeditsiya Rossiyskoy akademii nauk i Russkogo geograficheskogo obshchestva [West Siberian Expedition of the Russian Academy of Sciences and the Russian Geographical Society] // Priroda. 1924. No 7–12. P. 3–30 (in Russian).
- Gorodkov B. N.** Kratkiy ocherk naseleniya kraynego severo-vostoka Zapadnoy Sibiri [A brief sketch of the population of the extreme north-east of Western Siberia] // Izvestiia GRGO. V. 58. Iss. 2. 1926. P. 50–76 (in Russian).
- Gritsenko V. N.** Istoriya Yamal'skogo Severa v ocherkakh i dokumentakh [History of the Yamal North in essays and documents]. Vyp. 1. Tiumen': Tiumenskiy dom pechati, 2010. 320 p. (in Russian).
- Istomin K. V., Liskevich N. A., Sharapov V. E.** Samburskie komi: istoriya formirovaniya i etnokul'turnye protsessy [Samburg Komi: history of formation and ethno-cultural processes] // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2016. No 4 (35). P. 143–154 (in Russian).
- Istomin K. V., Liskevich N. A., Uliashev O. I.** Komi-izhemscoe olenevodstvo: etnicheskie invarianty i lokal'nye variatsii [Komi-Izhma reindeer breeding: ethnic invariants and local variations] // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2017. No 4 (39). P. 114–125 (in Russian).
- Istomin K. V., Liskevich N. A., Uliashev O. I.** Osobennosti yazykovykh protsessov v srede purovskikh komi v kontse 1930 goda – nachale XX veka [Peculiarities of linguistic processes among the Pur Komi at the end of 1930 – the beginning of the 21st century] // Evoliutsiya kul'turnoi sredy v subarkticheskoi zone evropeiskogo severa i Zapadnoy Sibiri:

kul'turnye traditsii, sistema zhizneobespecheniya, sotsial'nye svyazi. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN, 2018. P. 172–197 (in Russian).

Khomich L. V. Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii nentsev [Problems of ethnogenesis and ethnic history of the Nenets]. L.: Nauka, 1976. 190 p. (in Russian).

Khomich L. V. Nekotorye voprosy khozyaistva, kul'tury i byta korennoho naseleniia Purovskogo i Nadym'skogo rayonov Yamalo-Nenetskogo okruga Tyumenskoy oblasti [Some issues of the economy, culture and life of the indigenous population of the Purovsky and Nadym'sky districts of the Yamalo-Nenets district of the Tyumen region] // Etnologicheskaya ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1959–1962 gody. M.: Izd-vo IEA RAN, 2005. P. 399–409 (in Russian).

Kheno I., Amanenko I. Voyna v sud'bakh lyudey [War in the fate of people] // Severnyy luch. No 16 (3051). 22 aprelya 2005a. (in Russian).

Kheno I., Amanenko I. Voyna v sud'bakh lyudey [War in the fate of people] // Severnyy luch. No 18 (3053). 6 maya 2005b. (in Russian).

Kvashnin Yu. N. "Vniz po Tazu do izbushki Mameeva" (Iz istorii osvoeniya russkimi Tazovskoy guby) ["Down the Taz to Mameev's hut" (From the history of the development of the Taz Bay by the Russians)] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki". 2019. No 4 (24). P. 231–239 (in Russian).

Kvashnin Yu. N. Samoedy-Yuraki: problemy etnicheskoy identifikatsii [Yurak Samoyeds: Problems of Ethnic Identification] // Arktika i Sever. 2021. No 44. P. 250–266 (in Russian).

Kushelevskii Yu. I. Severnyy polyus i zemlya Yal'mal [North Pole and land Yal'mal]. SPb.: Tip. M.V.D., 1868. 186 p. (in Russian).

Lekhtisalo T. Mifologiya Yurako-Samoedov (nentsev) [Mythology of the Yurak-Samoyeds (Nenets)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998. 136 p. (in Russian).

Miller G. F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vyp. 3. M.: Vostochnaya literatura, 2005. 630 p. (in Russian).

Pliguzov A. I. Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh [Text-centaur about Siberian Samoyeds]. M.; N'itunvill': Oriental Research Partners, 1993. 160 p. (in Russian).
Polevye materialy avtora, 1995, 2002, 2004, 2010, 2011, 2013.

Posukh O. L., Osipova L. P., Kryukov Iu. A., Ivakin E. A. Genetic-demographic analysis of the population of native inhabitants of the Samburg tundra // Genetika. Novosibirsk, 1996. Iss. 6. Vyp. 32. P. 822–829.

Radchenko N. D., Smirnova M. A. (compilers). Sud'by narodov Ob'-Irtys'skogo Severa [The fate of the peoples of the Ob'-Irtys North]. Sb. dok. Tyumen': GATO, 1994. 319 p. (in Russian).

Remezov S. (compiler) Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya Tobol'skim synom boiarskim Semenom Remezovym v 1701 godu [The drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar son Semyon Remezov in 1701]. SPb.: Arkheograficheskaya komissiya, 1882. 48 p. (in Russian).

Shukhov I. N. Obshchiy obzor basseyna reki Taza Taza [General overview of the Taz river basin]. Achinsk: Tip. K. F. Krestnikova, 1915. 43 p. (in Russian).

Templing V. (compiler). Putevye zhurnaly missionerov Obdorskoy missii (60–90-e gg. XIX veka) [Travel journals of the missionaries of the Obdorsk mission (60–90s of the 19th century)]. Tyumen': Izd-vo Yurii Mandriki, 2002. 224 p. (in Russian).

Vasil'ev V. I. Problemy formirovaniya severosamodiyskikh narodnostey [Problems of the formation of the North Samoyedic peoples]. M.: Nauka, 1979. 243 p. (in Russian).

Vershinin E. V. Obdorskie samoedy i ekspeditsiya leytenanta D. L. Ovt'syna [Obdorsk Samoyeds and the expedition of Lieutenant D.L. Ovt'syn] // Materialy IV Sibirskogo simposiuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri. Samodiysy". Tobol'sk; Omsk, 2001. P. 96–99 (in Russian).

Yudanov I. G. Obskaya guba i ee rybokhozyaystvennoe znachenie [The Gulf of Ob and its fishery importance]. Vyp. 1. Iss. 4. Tobol'sk: Obsko-Tazovskaya rybokhozyaystvennaia stantsiya, 1935. 91 p. (in Russian).

Kvashnin Yuri Nikolaevich.

Candidate of historical sciences, leading researcher.

Paleoethnology research center.

New Square, 12, bldg. 5, Moscow, Russia, 109012.

E-mail: ukwa@yandex.ru

А. М. Лиджиева

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА У КАЛМЫЦКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД COVID-19

Статья посвящена выявлению и структурно-функциональному описанию «ментальных репрезентаций» пространства города у калмыцкой молодежи в период пандемии. Анализируя ментальные карты, автор выделяет универсальные черты, присущие повествованию о повседневной жизни в условиях ограничений в марте 2020 г., чувствах и настроениях, связанных с пандемией COVID-19, радикально изменившей образ жизни людей, и дистанционным обучением, занятиями спортом и использованием жизненного пространства. Исследование основано на методе ментального картирования, разработанном в работах К. Линча (1960) и Э. Толмэна (1948), где две основные характеристики города как репрезентируемой группы объектов и их отношений – читаемость (ligibility) и воображаемость (imageability) – используются как метод его деконструкции и как способ описания языка о городе. Цель работы – проследить, какой образ формируется в сознании молодежи по отношению к пространствам города Элисты. Исследование проводилось с использованием структурно-функционального метода. Автор приходит к выводу, что трансформация городского пространства под влиянием пандемии COVID-19 связана не только с физическими ограничениями. Автор анализирует, каким образом трансформируются локусы города в плане их пространства и каждодневных практик во время пандемии COVID-19. Собранный материал дал возможность проанализировать также эмоциональное состояние молодых людей, оказавшихся в столь непривычной для них ситуации, оценку ими своего положения и осмысление того, как период пандемии повлиял на образ жизни молодых людей.

Ключевые слова: ментальная карта, репрезентация, пандемия, калмыки, молодое поколение, восприятие, город, пространство

Введение

Городское пространство всегда было важнейшим элементом города для создания устойчивых сообществ. Исследование города и городского пространства продолжает оставаться актуальным в настоящее время как для урбанистики, так и для социальной антропологии. Так, актуальной остается проблема изучения восприятия городского пространства как когнитивной репрезентации и обобщенного образа города в сознании отдельного человека.

В современных научных исследованиях города как места пространственной городской среды тема ментального картирования приобретает все большую популярность. Как замечает Е. Г. Трубина, «Ментальные карты города – результаты практического, а потому неизбежно субъективного картографирования города, имеющиеся у каждого горожанина. В них отмечены наиболее часто используемые маршруты, памятные для данной личности места, места, в которые хотелось бы перебраться, опасные и безопасные, места работы и места удовольствия» (Трубина 2011: 510).

Анализ ментальных карт как репрезентации локуса можно обнаружить в работах С. Трьюбриджа (Trowbridge, 1913), Р. Китчина (Kitchin, 1994), Д. Джейкобсона (Jacobson, 2006). Богатый материал по ментальным картам можно обнаружить в трудах К. П. Глазкова (Глазков, 2013), Л. М. Андрюхиной (Андрюхина, 2016), И. Г. Беляевой (Беляева, 2016), Н. Ю. Замятиной (Замятина, 2008). В этих исследованиях в основном рассматриваются вопросы применения и использования ментальных карт города. Научный фокус и внимание ученых направлены на обобщение способов анализа, ограничениях метода и образа «нового» и «старого» в ментальных картах горожан. Что касается исследований данной темы в малых городах, то важно отметить работы К. Глазкова (Глазков, 2015), В. В. Орловой, Е. С. Ивановой (Орлова, Иванова, 2014), Н. В. Барабошиной (Барабошина, 2012), Н. Рупасова (Рупасов, 2009), А. А. Бадерина (Бадерина, 2018), в которых рассматриваются ментальные образы городов, элементов

в контексте восприятия пространств городов жителями регионов Сибири и Дальнего Востока. Наше же исследование направлено на частичное восполнение существующего пробела в области исследований.

Методология исследования

В этой статье мы использовали теоретический конструкт «воображаемости» (imageability), предложенный Квином Линчем, который определял воображаемость как свойство материального объекта, вызывающего мощный образ в сознании любого наблюдателя. Концепция определяет пять типов первичных элементов – пути, границы, зоны, заметки, ориентиры. Прежде чем рассматривать данные элементы в контексте восприятия пространств города, остановимся на их определении.

К. Линч дает следующее определение первичных элементов: «пути (paths) – это тропы, по которым горожане обычно или время от времени передвигаются. Пути могут выступать улицы, тропинки, тротуары, транзитные железные дороги и проч. Для большинства горожан в визуальном восприятии пространств города это значимые элементы» (Lynch, 1960: 7).

Границы (edges) он описывает как линейные элементы, не рассматриваемые горожанами как «пути». Границами могут служить: берег водоема, железнодорожные выемки, края застройки, стены. Это поперечные ориентиры, а не координатные оси. Как отмечает автор, «границы, хотя, вероятно, и не являются доминирующими в качестве троп, для многих горожан они выступают значимыми организующими элементами, особенно в роли удержания вместе обобщенных областей, таких как очертания города у воды или стены» (Lynch, 1960: 7).

Следующим первичным элементом являются районы. Районы (districts) – представляют собой средние и «большие части города, воспринимающиеся как двумерная протяженность, в которую наблюдатель мысленно входит «изнутри» и которые распознаются как имеющие общий, распознавательный характер. Этот факт может зависеть не только от личности, но и от конкретного города» (Lynch, 1960: 7).

Узлы (nodes) представляют собой фиксированные точки-элементы, куда и когда индивид, в нашем случае – горожанин, также может «прийти», являющиеся вместе с этим интенсивными фокусами, к которым и из которых он движется. Концепция узла связана с концепцией пути, поскольку перекрестки обычно выступают схождением путей, событий. Это связано с концепцией района, поскольку ядра, как правило, являются интенсивными фокусами районов, их поляризующим центром. Узлами могут быть перекрестки, места остановки транспорта, пересечения или схождения путей, переходы от одной структуры к другой. Узлами также могут быть места концентрации горожан (уличная тусовка или закрытая площадь). Многие узлы имеют природу как соединений, так и концентраций.

Еще одним типом окружения выступают ориентиры (landmarks). Ориентиры представляют собой определенные физические объекты: здания, вывески, магазины или природные объекты. Их применение предполагает выбор одного элемента из многих других. Ориентиры могут быть расположены внутри города или неподалеку от него. Это заброшенные башни, церковные купола, высокие и низкие холмы и возвышенности. Вы даже можете использовать движущуюся точку, к примеру солнце, движение которого довольно медленное. Другой тип ориентиров имеет местный локальный характер и виден только в ограниченных местах и под определенным углом. Это красочные вывески, витрины, крона деревьев, а также иные городские обыденные детали, заполняющие образ многих наблюдателей-горожан.

Они часто используются в качестве подсказок для движения и ориентации (Lynch, 1960: 46–49). Как замечает К. Линч, «эти качества можно было бы также назвать читаемостью, или, быть может, видимостью в усиленном смысле, когда объекты не просто можно видеть, но они навязывают себя чувствам обостренно и интенсивно» (Lynch, 1960: 8). В ходе данной работы

респондентам было предложено использовать все элементы ментальных карт, разработанных К. Линчем.

Основным материалом стали нарративные полуструктурированные интервью с молодыми людьми в г. Элисте. Интервью проводились в форме личных бесед с респондентами. Участниками исследования стали юноши и девушки. В интервью приняли участие 15 человек, из них 6 юношей и 9 девушек в возрасте от 16 до 25 лет, являющиеся активистами молодежных объединений, участниками молодежного оркестра и танцевальных групп, а также создателями молодежных брендов одежды. Специально для нашего исследования была составлена анкета, которая помогла нам провести опрос с целью выявления свойственного молодым людям образа окружения, формирующего «читаемость» в сознании молодых людей в период COVID-19. В процессе исследования перед участниками была поставлена задача изобразить эскизный план перемещений по городу (далее схема), отражающий их повседневные маршруты передвижений во время пандемии COVID-19. Создание схем сопровождалось подробными пояснениями и комментариями к изображенным объектам или его частям. Интервью проведены в период с января по апрель 2022 г. и вошли в состав наших полевых материалов (ПМА), которые были проанализированы в процессе работы над данной статьей.

Как пишет У. Отчере-Дарко, «пандемия стала неожиданностью, а способ передачи и природа вируса изначально были недостаточно известны, поэтому первые меры по борьбе с заражением в населенных пунктах, особенно в городах, касались ограничений в использовании пространства» (Otchere-Darko, 2021). «С приказами и рекомендациями „оставаться дома“ изменились способы введения повседневных городских практик, таких как образование, работа, шопинг или досуг», что затронуло все социальные группы населения и изменило привычный образ жизни, особенно молодого поколения, которому присуще быстрое реагирование на потребности кризиса» (Glavan, Nikolić, 2022: 6). «Социальное поведение и осведомленность граждан считаются важным фактором в борьбе с этой пандемией» (Eltarabily Elgheznavy, 2020: 77). Г. К. Галкин пишет о том, что «одним из аспектов влияния пандемии выступает именно ограниченность мобильности, самоизоляция, часто отсутствие мобильности в целом, что отражается как на биологическом, так и на психологическом здоровье пожилых людей» (Галкин, 2021: 29). Более того, «мобильность означает разные вещи для разных людей в разных социальных условиях» (Adey, 2006: 83). Ограниченная мобильность и расширение круга домашних занятий для молодежи, таких как дистанционный формат обучения, интернет-магазины, также повышают потребность в третьих социальных местах в окрестностях (Shen, 2021). В период распространения COVID-19 негативное влияние его на молодежь становилось все более заметным, о чем свидетельствуют социологические и культурно-антропологические исследования. Результаты социологического опроса влияния COVID-19 на молодежь в Кыргызстане доказывают, что «COVID-19 негативно сказался на доходах, занятости, в том числе на факторе неоплачиваемой домашней работы, психологическом состоянии и образовании молодежи» (Сыргаккызы, Нургалиева, 2020). Как пишут авторы исследования, более половины (60%) молодых людей и подростков испытывают высокий уровень тревожности. Тревога связана с заботой о здоровье близких, особенно родителей, а также заботой о будущем в стране и неопределенности. Повышенный уровень беспокойства отмечен среди сельской молодежи, а также в возрастной группе старше 24 лет.

Похожая позиция исследователей была высказана в работе Т. В. Блиновой, А. А. Вяльшиной и И. А. Ножкиной. Последствия COVID-19 были изучены, опираясь на теорию гендера, связанную с индивидуальными реакциями обучающихся на ограничительные и профилактические меры COVID-19. Авторы приходят к выводу о том, что важность здоровья как ценности в восприятии женщин стоит на более высоком месте. В результате анализа степени готовности к внедрению противоэпидемических мероприятий «женщины с большей вероятностью соблюдают меры защиты во время пандемии COVID-19, чем мужчины. Мужчины гораздо

меньше женщин соблюдают санитарные правила личной гигиены (мытьё рук), а также используют антисептические средства» (Блинова, Вяльшина, Ножкина, 2021).

Следует особо выделить работу А. А. Кирзюк о ковид-диссидентах и их взгляде на пандемию. Автор отмечает, что значительную роль при оценке закрытости и ограниченности во время COVID-19 играет «допандемический опыт идей и практик нетрадиционной медицины». А. А. Кирзюк приходит к выводу о том, что «радикальные диссиденты, практикуя альтернативные методы лечения и отказываясь от вмешательств, принятых в системе официальной медицины, приобрели «самодельную агентность», с которой не захотели расстаться в тот момент, когда государство ввело обязательные для всех ограничительные меры» (Кирзюк, 2021: 495). Как отмечают авторы, сомнения в благополучии некоторых слоев обучающейся молодежи и опасения по поводу коронавирусной пандемии постепенно исчезают благодаря информационному просвещению, вакцинации населения на фоне естественного снижения психосоматического напряжения. Исследователи отмечают, что «период пандемии COVID-19 повлиял на готовность молодых людей к самодисциплине, ответственной дистанционной учебе, волонтерской работе, к работе на „удаленке“ и персональной ответственности за себя и своих близких» (Петрова, Черкасова, 2022: 69–70).

Потребности города

Молодежь как наиболее мобильная социальная группа быстро реагирует на кризисы и становится отражением и переосмыслением всех этих процессов. Одним из важнейших проявлений таких процессов является возникновение в городской среде разнообразных «гибридных» потребностей у молодежи, отличающихся своими нормами и ценностями, своей эстетикой, внешней атрибутикой, манерой поведения, языковым сленгом, досуговыми практиками. В нашем исследовании мы делим город на два типа таких потребностей – социальные и биологические, расположенные в физическом пространстве и ограниченные в период пандемии COVID-19. К социальным потребностям мы относим общение, хобби, вовлеченность в различные сообщества (участие в клубах, группах, кружках). К биологическим потребностям причисляем здоровый образ жизни, занятия физическими упражнениями. В этом контексте важно исследовать, как защищаются и встраиваются названные потребности молодых людей в пространство и как они репрезентируются в восприятии города. Вместе с этим, обладая широким спектром проявлений, ресурсы города предоставляют место для удовлетворения социальных и биологических потребностей человека, а также объединяют молодежь по интересам (хобби), среди которых, к примеру: субкультуры игровые (геймеры), по различным музыкальным стилям (рокеры, металлисты), спортивные (футбольные фанаты, скейтеры), художественные (граффити) и многие другие.

Замкнутость потребностей города

Одной из наиболее важных ограничительных мер в борьбе с пандемией COVID-19 являлась политика социальной дистанции, направленная на ограничение скопления и присутствия людей в общественных местах. 23 марта 2020 г. «оперативный штаб в борьбе с пандемией COVID-19 поручил органам исполнительной власти в регионах РФ, в том числе Калмыкии, приостановить деятельность ночных клубов (дискотек), кинотеатров (кинозалов), детских игровых комнат и детских развлекательных центров, иных развлекательных и досуговых заведений, а также ввести запрет на курение кальянов в ресторанах, барах, кафе и иных общественных местах» (Протокол, 2020). В этот же период, 28 марта 2020 г., для борьбы с пандемией, правительство Калмыкии заявило о плановых мерах в борьбе с новой коронавирусной инфекцией на территории республики и ее столицы – города Элисты и сократило проведение

развлекательных (спортивных, выставочных, просветительских) событий в городе, запретило посещение ночных баров и клубов (дискотек), кальян-баров, закрыло доступ в школы, университеты и вузы, ограничило работу библиотек, музеев, театров, кино, а также спортивных площадок на территории жилых дворов. Применение нормативных законов позволило правительству Калмыкии принять ряд постановлений с целью мониторинга эпидемиологической ситуации, складывающейся в городе, и своевременно вводить ограничительные меры по предложению Роспотребнадзора и его подразделений. Примененные необходимые меры ограничивали не только людей из группы риска, но и свободу передвижения молодого поколения.

До введения карантинных ограничений молодые люди могли свободно передвигаться по городу. Места в пространстве Элисты ассоциировались с приятными воспоминаниями, вечеринками и общением молодежи. Это мог быть стадион «Восточный», где располагались так называемые тусовки, площадь «Пагода семи дней» или парки, кафе, где молодежь встречалась с друзьями и родственниками. Также следует отметить, что в связи с переходным возрастом дети, подростки и молодежь часто проявляют интерес к соседним районам, площадкам и улицам – тем, что выходят за рамки разрешенных (например, это проявляется в посещении различных мест в городе без разрешения родителей). Так, наша собеседница рассказывает: *«...Во время пандемии как бы не было возможности выходить совсем, т. е. это кардинально изменило мой образ жизни, потому что если до этого я вела достаточно активную социальную жизнь, посещала какие-то кружки и так далее, то во время коронавируса это все перевернулось с ног на голову, грубо говоря, и можно сказать, что мой образ жизни, мой распорядок дня стал более свободным и первое время т. е. было вообще очень много времени...»* (ПМА, 2022). Однако были и те, кто предпочитал проводить досуг в стенах дома. Причины на это могли быть различными. Кто-то не хотел проводить время в малоизвестной компании, кто-то стесняется своей внешности или боялся показаться слабым, кто-то считал прогулки требованием школы и родителей, а у кого-то просто не было времени из-за дополнительных занятий. В этом смысле введение ограничений мало повлияло на их образ жизни.

По мнению В. А. Доскина, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шарай и М. П. Мирошникова, вопрос «общего эмоционального состояния, депрессий, неврозов, стресса определяется тремя основными составляющими – самочувствие, активность и настроение» (Методики диагностики, 2009).

Ситуация с пандемией COVID-19, затронувшая молодежь, становилась все более заметной в период действия ограничительных мер в апреле 2020 г. Большинство наших респондентов вспоминают, что чувствовали переживания и беспокойство. *«Из-за карантина все спортивные мероприятия закрылись. Отменили. Соревнования отменили там. Тренировки отменили. Занятия отменили. Просто сидел такой и не понимал, что делать?!»* (ПМА, 2022). Или другой пример: *«...Все находилось в хаосе, неопределенности, в учебе тоже было не совсем понятно, что делать...»* (ПМА, 2022).

Опасения по поводу здоровья членов семьи также вызывали беспокойство у молодого поколения. Наш собеседник вспоминает: «Ну, скорее всего да. Я был напряжен. Больше за родственников, чем за себя. Ну и все в принципе. И то, что да, когда слышал то, что людей, грубо говоря, хоронят, не дав даже родственникам увидеться последний раз. Конечно, это было слышать тяжело» (ПМА, 2022). Причиной возникновения такого состояния у респондентов служила неясность и неопределенность сложившейся ситуации: *«...Ну, типа не понимал, что будет дальше»* (ПМА, 2022). Чтобы не паниковать и перестраховаться, молодые люди искали достоверные источники информации во время пандемии COVID-19. Примечательно, что социальные сети и Интернет стали основным и важным источником новостей о распространении коронавируса для молодежи: *«...Я загуглил, а так вообще ежедневно мониторил “ВКонтакте”». Такая табличка была красная и зеленая. Сколько заболело, сколько вылечилось...»* (ПМА, 2022) в отличие от телевидения, радио и газет с официальной правительственной

информацией. Так, с начала COVID-19 правительство проводило ежедневные прямые эфиры, посредством которых освещались вопросы пандемии, зачитывались доклады о ситуации, о необходимых мерах по сдерживанию распространения инфекции на территории республики и города. Однако официальная правительственная информация вызывала недоверие у молодежи. Вот как объясняет это один из наших собеседников: «...Я не верил, почему-то. Мне кажется, кто-то может на этом заработать. А я что поделаю? Заболевают больше, заболевают меньше. Я могу только помочь своим движением и носить маску» (ПМА, 2022).

Или другой пример «...Ну тогда очень много вопросов было. Типа алкоголь, втирайте в кожу какие-то масла, что-то такое я помню. Мне ээжка (бабушка) присылала тоже. Натираться какой-то травой» (ПМА, 2022). Из приведенных отрывков интервью следует, что отношение молодежи к официальному правительственному информационному полю основывается на недоверии, отсутствии понимания в отличие от кыргызской молодежи¹. Из этого следует, что молодежная среда может различным способом относиться к официальным источникам информации.

Режим самоизоляции существенно повлиял на повседневную жизнь молодежи. Лишившись возможности вести активную жизнь вне дома, молодые люди стали «учиться жить» в пределах квартиры или дома. Дом для них стал местом отдыха, творчества, учебы и спорта. Одной из практик занятий спортом у молодежи стали бесплатные онлайн-курсы и видеоуроки от известных тренеров. Наш респондент вспоминает: «*В тот период еще все сидели в интернете. Я тоже не исключение. Была популярна такая тема на YouTube: были очень популярны уроки одной блогерши, которая постится, на спорте. То есть у нее были спортивные ролики, надо было какой-то блок в день, который ты выполняешь на определенную группу мышц, все такое*» (ПМА, 2022).

На молодежном сленге тех, кто систематически или профессионально занимается спортом, называют «спорттики». Как правило, мотивы занятия спортом в молодежной среде носят индивидуальный характер в зависимости от поставленной цели, развития физических качеств или стремления к удовлетворению интереса к спортивной активности. «*У меня было так. Учился. Тренировки. А карантин начался. Тренировки закрылись. Дома сидел. Не знал куда деваться*» (ПМА). Респондент говорит о запрете физических упражнений как о недоступных ему более ресурсах, встраиваемых не только в структуру его повседневных потребностей, но и восприятия пространства города.

Восприятие города молодыми людьми в условиях COVID-19

Е. А. Бунич отмечает: «...три основные проблемы, связанные с изучением восприятия городского пространства, которые делают его специфическим предметом изучения и поощряют использование методов, отличных от классических:

- восприятие пространства происходит в движении, поэтому необходимо использовать мобильные методы;
- отсутствие рефлексии о восприятии городского пространства;
- трудности в вербализации сенсорных ощущений, связанных с восприятием городского пространства (особенно в случае тактильного восприятия) (Бунич, 2012: 45).

Распространение пандемии, введенные карантинные меры применялись ко всему городу. В схеме ментальной карты в период COVID-19 единый образ города включает в себя два основных элемента.

¹ Согласно результатам опроса COVID-19 на молодежь в Кыргызстане, 55,7 % девушек и 45,0 % юношей считают информацию, полученную от официальных источников, полезной. Самый высокий уровень доверия к информации, полученной из семьи и родителей, зафиксирован среди юношей (57,8 %).

Во-первых, основным элементом читаемости образа города выступают районы как крупные участки города, обладающие объединенным характером, в которые можно мысленно войти (Линч, 1960: 66). В качестве начальной точки маршрута респондент (схема 1) указал свое место жительства – 1-й микрорайон Элисты, проект застройки которого выполнялся на основе детальной планировки жилых районов еще в советский период. Д. Б. Пюрвеев отмечает, что «достоинством» 1-го микрорайона является четкая дифференциация территории на жилую, общественную и хозяйственную зоны, примерно 80 % жилых домов имеют широтную ориентацию, что благоприятно для условий Калмыкии (Пюрвеев, 1975: 124).

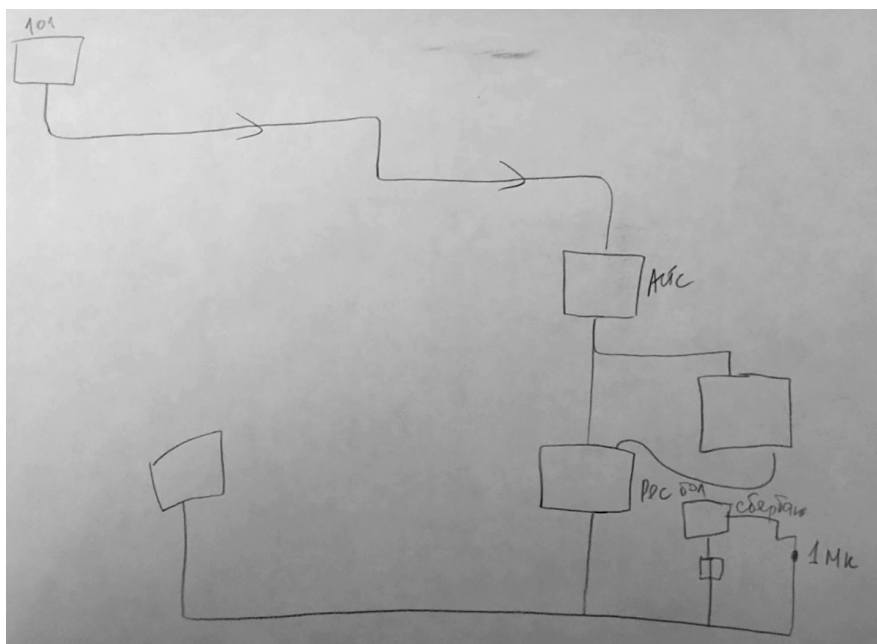

Рис. 1. Схема ментальной карты пространства города респондента. Схема 1

Когда респондент передвигался по городу в период распространения COVID-19, в качестве района (элемента окружения) он указал столовую под названием «Айс», которая стоит на углу улицы А. С. Пушкина. Респондент описывает центральный район Элисты, где находятся несколько торговых центров и моллов, центральные банки, магазины, пекарни и т. п. Столовая имеет некоторые особенности. Здесь нет привычных для калмыцких кафе и ресторанов деревянных складных решеток, напоминающих стены традиционного жилища калмыков, и картин с изображением ойратских ханов. На обеденных столах стоят вазы с цветами, пол выложен глянцевой керамической плиткой. Единственное, что напоминает о Калмыкии, – это черно-белые фотографии достопримечательностей региона. Показательным здесь является то, что в осмыслении образа города для респондента вышеупомянутый район имеет маркировку этничности, предметной характеристикой которого является вывеска в нарочито восточном стиле с традиционной для Востока красной расцветкой, отсылающей к «калмыцкости» в пространстве города.

Как замечает А. М. Лиджиева, «...в 1999–2000-х гг., смена облика, конструирование „восточного стиля“ характеризовались строительством буддийских сооружений в столице и в других населенных пунктах республики. В 1998 г. недалеко от центральной площади им. В. И. Ленина возвели архитектурное сооружение «Золотые ворота „Алти Босх“» (автор – художник Н. Борисов, 1998), идея установки которого явно связана с воротами как одним из типов буддийской архитектуры, распространенным в ряде буддийских стран. «Главные ворота», как их метафорически называют экскурсоводы, открывают пеший туристический маршрут, который начинается аллеей от здания Народного Хурала (Парламента) и Правитель-

ства Республики Калмыкии и заканчивается перекрестком улиц Ленина и Кирова» (Лиджиева, 2020). В итоге постройки, выполненные в нарочито буддийско-монгольском стиле, способствовали восприятию нового образа города. Данный факт стал брендом города, связанный с уникальным архитектурным стилем в ландшафте Элисты, с заимствованными принципами «восточности» в архитектуре. Как видим, респондент визуализирует одну из важнейших функций места – функцию этничности района в городе. В качестве конечной точки маршрута определен городской квартал, проходящий вдоль улицы Ю. Клыкова и улицы Л. Чайкиной. На его территории равномерно размещены школа, детские учреждения, встроенные в помещения первого этажа, и лишь частично – в отдельно стоящих типовых зданиях, которые в период пандемии COVID-19 ограничили свою деятельность. Как видим, дестинации, выбранные для изображения маршрута передвижения, являются не только результатом познаваемости тех или иных районов Элисты, но и «встраиваются» в визуальное восприятие облика города в период пандемии COVID-19.

Показательными в осмыслении образа города в период COVID-19 также выступают фокусы (точки), проходящие через пространство города и связанные с перемещением респондента. В качестве обозначения фокусов (точек), к которым и от которых респондент свободно перемещался, выделены магазин продовольственных товаров «Продукты» и банк. По схеме К. Линча, «большинство наблюдателей группируют элементы в некие промежуточные объединения, называемые комплексами. Наблюдатель ощущает комплекс как целое, части которых взаимозависимы и относительно четко взаимофиксированы» (Линч, 1960).

В другом случае восприятие пространства города создается наложением ряда элементов окружения (рис. 2). В структуре маршрута (схема 2) респондент выделяет элемент пути – улицу Демьяновскую, улицу Ленина. Эти улицы характеризовались как часть предметного облика в западном районе города. Заметим, что западный район Элисты – яркий пример отдаленности от центра. В географическом плане одной из особенностей местности являются равнины. Однако, поскольку город расположен в степной балке, из-за задернованных склонов разглядеть смежные улицы и частные жилые дома через въезд Веткаловой с пролегающей дорогой нельзя. Наш респондент, поясняя нам свой маршрут, с большим трудом смог вспомнить западную сторону улицы, хотя и осознал, что улица и переулок в этой части города соединяются с Северо-Западным районом Элисты. В приведенном выше описании района элемент «путь» не распознается как существующий «изнутри», в то время как выход «Северо-Западный въезд» означал бы внезапную и полную потерю ориентации для респондента.

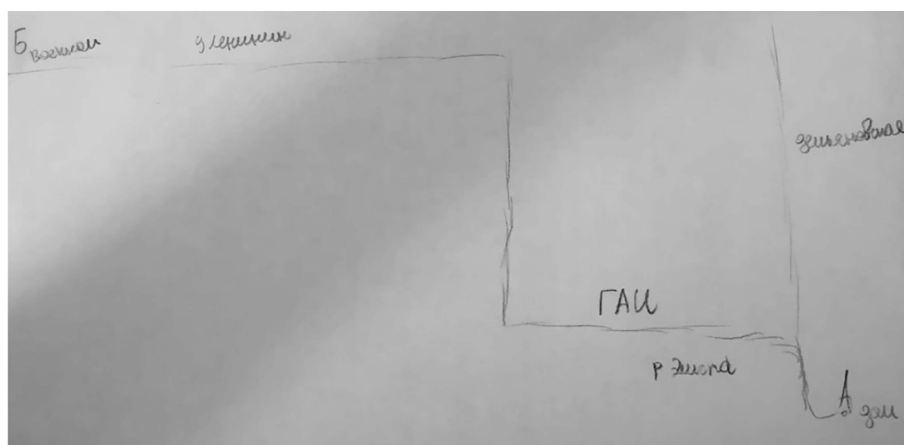

Рис. 2. Схема ментальной карты пространства города респондента. Схема 2

Еще одна составляющая визуального образа города – железнодорожная линия Северо-Кавказской железной дороги, частично опоясывающая городскую территорию Элисты. В этом

дифференцируемом окружении использование места происходит посредством детских воспоминаний: *«Я помню из детства. Тогда еще не было 9-й улицы, вот этого не было ничего, и дальше просто степь шла. Из дома выходишь, и там просто поезд едет каждый день. Ну, просто смотришь с улицы, ой, с крылечка»* (ПМА, 2022).

В ходе интервью при попытке изобразить схему наш респондент прибегнул к помощи картографического сервиса Google Карты. Посредством данного сервиса он указал границы (линейные элементы) реки Элиста (от калм. элсн – песок). Одной из особенностей является то, что река, берущая начало в пределах Ергенинской возвышенности, имела водоток пресной воды. В период основания Элисты потоки речной воды питали большой Ярмарочный пруд (место для кормления скота).

Пространство по соседству с домом характеризовалось как недавнее пустое, неосвоенное и открытое место в зоне степи *«...Здесь ничего не было. Это вообще новые дома. Тут просто пусто было как степь. Мы там ходили кротов искали в норке. Вообще тут ничего построено не было раньше»* (ПМА, 2022). Другим элементом «читаемости» района выступает военный комиссариат, силуэт которого создает иллюзию продолжения улицы, а расположенный вдоль городской парк «Дружба» приобретает визуальную близость за счет своей композиции, взаимосвязанных комплексов растительности, рельефа, воды, инженерно-архитектурных сооружений. Как замечает А. М. Лиджиева, *«первые посадки Элистинской лесной плантации были сделаны в 1853 г. и оказались удачными, а успехи первой посадки привели к созданию плантаций из дуба, вяза, тополя, шелковицы. Повсеместно применялось орошение с помощью чигирей и ветряных водоподъемников»* (Лиджиева, 2020: 1392).

Вместе с этим респондент описывает нераспознаваемость предметного окружения: *«Там просто идешь... дома стояли жилые и все. Как просто едешь по Ленина. Просто дома стоят. Ничего примечательного нет»* (ПМА, 2022). Характерный тип закрытости в общем и целом, наблюдается резкая изоляция пути от предыдущих окружающих элементов. В вышеописанном случае молодые люди считают ориентирами железную дорогу. Тот факт, что дом респондента окружен степью, имеет значение для его распознаваемости в ментальных картах.

Как видим, единый и обобщенный образ Элисты в период COVID-19 в ментальных картах включает в себя группы сходных элементов – путей, ориентиров, мозаики районов, обладающих взаимодействием. Будучи замеченным по мере передвижения респондентов, район способен зафиксировать локализацию и усилить узел, подобно тому как это делает столовая «Айс». Так, большая часть молодых людей соединяет основные элементы места жительства, магазин «Продукты», банк, остановки общественного транспорта, пекарни в единственный комплекс образов города. Другая часть молодежи воспринимает свою «территорию» меньшей, к примеру пространство возле дома и ближний ориентир. Когда единственный комплекс образов города не находится, может образоваться «пустота» в восприятии и читаемости. При этом данные элементы могут не только придать внутреннюю структуру обобщенному образу города во время пандемии, но и усилить «читаемость», обобщив и углубив типичность отдельных мест. Элемент городского парка демонстрирует этот эффект, а компоненты «читабельности» (как часть образа города) способствуют узнаваемому пространству по мере ходьбы молодых людей.

Заключение

Таким образом, у калмыцкой молодежи возникают ментальные представления о городском пространстве в период пандемии. Участники исследования фиксировали символические места, крупные и малые районы, узлы и пути, встречающиеся в их ментальных образах. Анализируя ментальные карты в малом городе, удалось выявить лишь основные точки читаемости (ligibility) и воображаемости (imageability), которые на городском пандемийном уровне

создают взаимодействие между молодежью («районы», «ориентиры», «пути», «границы»). Анализ интерпретаций биологических и социальных потребностей молодых людей демонстрирует незакрытость потребностей в общении со сверстниками, в самореализации, занятиях спортом. До введения карантинных ограничений молодые люди могли свободно передвигаться по городу. Места в пространстве Элисты ассоциировались с приятными воспоминаниями, вечеринками и общением молодежи, а ограничительные меры, развернувшиеся в марте – апреле 2020 г. на территории Элисты, привели к тому, что восприятие пространства города в период пандемии COVID-19 у молодежи испытало ряд трансформаций. Режим самоизоляции существенно повлиял на повседневную жизнь молодежи. Потеряв возможность вести активную жизнь вне дома, молодые люди стали «учиться жить» внутри квартиры или дома. Данный факт значительно отразился на общем эмоциональном состоянии, самочувствии, активности и настроении калмыцкой молодежи. Причиной возникновения такого состояния у молодых людей стала двусмысленность и неопределенность периода пандемии. Примечательно, что социальные сети и Интернет стали главным и важным источником новостей о распространении коронавируса среди молодежи. Ментальные карты дают более однородное описание города, что позволяет выделять и сравнивать элементы для формирования восприятия города в период пандемии COVID-19. Показательным в осмыслении образа города в период COVID-19 выступают четко выделенные фокусы (точки), связанные с перемещением и проходящие через пространство города, не затронутые ограничениями, их высокая степень однородности в описаниях восприятия города не проясняет основные причины такой однородности, а, наоборот, заставляет задуматься о возможности искусственного построения образа с помощью самого факта обследования. Ментальная карта использовалась не только в качестве ориентира и передвижения по территории (маршрута), но и для ассоциативных процессов и суждений (оценки) о городском пространстве в период пандемии. Молодые люди формировали мысленные образы мест, где находились сами. Ментальная карта основана на субъективном опыте с объектами, которые можно назвать читаемостью или видимостью в период пандемии. Общий характер окружения в период пандемии COVID-19 описывается словами «пусто», «закрыто». Таким образом, трансформация городского пространства ментальных репрезентаций молодежи под влиянием пандемии COVID-19 связана с физическими ограничениями. Выделенные элементы стали ключевыми для формирования восприятия города во время пандемии COVID-19.

Источники:

ПМА – Полевые материалы автора.

Протокол заседания оперативного штаба по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации от 23 марта 2020 г. URL: [https://economkorsakov.ru/work/Протокол%20заседания%20оперативного%20штаба%20\(правительство%20РФ\)%20от%2023.03.2020%20№%2012.pdf](https://economkorsakov.ru/work/Протокол%20заседания%20оперативного%20штаба%20(правительство%20РФ)%20от%2023.03.2020%20№%2012.pdf) (дата обращения: 03.04.2022).

Литература:

Eltarabily S., Elghezanwy D. Post-pandemic cities – The impact of COVID-19 on cities and urban design. *Archit. Res.* 2020. № 10. P. 75–84.

Jacobson D. Mental maps // *Encyclopedia of Human Geography* / B. Warf (ed.). Thousand Oaks, CA – London – New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 299–301.

Kitchin R. Cognitive maps: What are they and why study them? // *Journal of Environmental Psychology*. 1994. Vol. 14. Iss. 1. P. 1–19.

Lekić Glavan O., Nikolić N., Folić B., Vitošević B., Mitrović A., Kosanović S. COVID-19 and City Space: Impact and Perspectives // *Sustainability*. 2022. 14, 1885. P. 2–19.

Lynch K. *The Image of the City* (Harvard-MIT Joint Center for Urban Studies Series). Cambridge: The MIT Press, 1960. 208 p.

Natalia Wojciuk R. M. Analysis of the Urban Space Perception Transformed Under the Influence of Complementary Architecture // *Procedia Engineering*. 2016. P. 1338–1342.

- Otchere-Darko W.** COVID-19, Spatio-epidemiology and urban planning // *Town Planning Review*. 2021. Vol. 92. P. 209–213.
- Salazar N. B., Smart A.** Anthropological Takes on (Im)mobility // *Identities*. 2011. Vol. 18, № 6. P. 1–9.
- Trowbridge C. C.** «On Fundamental Methods of Orientation and „Imaginary Maps“» / Е. А. Бунич // *Science* 38. № 990 (1913). P. 888–897.
- Willem A. Sulsters.** Mental Mapping, Viewing the Urban Landscapes of the Mind / Sulsters Willem A. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.469.8617&rep=rep1&type=pdf>
- Андрюхина Л. М.** Ментальные карты (интеллект-карты) как контрольно-оценивающее средство по дисциплине «История и методология педагогической науки» // *Формирование кадрового потенциала СПО – инновационные процессы на производстве и в профессиональном образовании: сб. науч. трудов, материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 16 февраля 2016 г.)*. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2016. С. 78–86.
- Бадерина А. А.** Ментальные карты города Перми как способ реализации туристического маршрута // *Физическая культура, спорт, туризм: научно-методическое сопровождение*. 2018. С. 10–12.
- Барбошина Н. В.** Социокультурное пространство малого города: опыт изучения ментальных карт города Бузулука // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12, № 4. С. 7–10.
- Беляева И. Г.** Работа с ментальными картами в процессе обучения немецкому языку в неязыковом вузе // *Перспективы развития современных гуманитарных наук. Вып. III*. Воронеж: ИЦРОН, 2016. С. 44–46.
- Блинова Т. В., Вьялина А. А., Ножкина И. А.** Гендерные аспекты самосохранительного поведения студентов города Саратова в период пандемии COVID-19 // *Экология человека*. 2021. № 9. С. 55–63.
- Бунич Е. А.** Методы изучения восприятия городского пространства // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 6 (112). С. 43–47.
- Галкин К. А.** Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13, № 2. С. 27–40.
- Глазков К.** Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2015. Т. 7, № 3. С. 106–117.
- Замятина Н. Ю.** Ментальная карта: материалы к словарю гуманитарной географии // *Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5 / отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин*. М.: Институт Наследия, 2008. С. 250–253.
- Кирзюк А. А.** «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 484–509.
- Лиджиева А. М.** «Люди ехали и верили: город будет!». К истории становления Элисты как города в 1928–1930 годах // *Монголоведение*. 2020. № 4. С. 764–777.
- Линч К.** Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с. Перевод изд.: *The Image of the City* / Kevin Lynch. The M. I. T. Press.
- Методики диагностики эмоциональной сферы:** психологический практикум / сост. О. В. Барканова. Серия: Библиотека актуальной психологии. Вып. 2. Красноярск: Литера-принт, 2009. 237 с.
- Орлова В. В., Иванова Е. С.** Ментальные образы города Томска (на примере студентов университета) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2014. № 1. С. 99–108.
- Петрова Т. Э., Черкасова Т. В.** Социальное самочувствие российских студентов в период ковид-пандемии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 66–72.
- Пюрвеев Д. Б.** Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. 183 с.
- Рупасов Н.** Ментальные карты Ижевска: стартовые позиции и перспективы города // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2009. № 2 (6). С. 030–075.
- Сыргаккызы, Нурғалиева.** Отчет по результатам опроса влияния COVID-19 на молодежь в Кыргызстане. URL: http://www.donors.kg/images/docs/reports_and_studies/Report_on_the_results_of_a_survey_on_the_impact_of_COVID_19_on_youth_ru.pdf (дата обращения: 10.03.2022).
- Трубина Е. Г.** Город в теории: опыты осмысления пространства // *Новое литературное обозрение*. 2011. 520 с.

Лиджиева Алтана Марковна.

Младший научный сотрудник.

Калмыцкий научный центр РАН.

Ул. И. К. Илишкина, 8, Элиста, 358000.

E-mail: kulminova@gmail.com

Материал поступил в редакцию 21 октября 2022 г.

MENTAL MAPS OF URBAN SPACE AMONG KALMYK YOUTH DURING COVID-19

The article is devoted to the identification and structural and functional description of the features of perception of urban space during a pandemic from the point of view of studying its perception by young people. The author shows the relationships between the elements of urban space as constraints during the pandemic through the image formed in the minds of young people. The study is based on the mental mapping method developed by K. Lynch, which allows visualizing the main features of the city and its space during the Covid-19 period. The aim is to find out what image is formed in the minds of young people in relation to the spaces of the city of Elista. The study was conducted using the structural-functional method and the method of participant observation. The author concludes that the transformation of the urban space under the influence of the pandemic COVID-19 is associated with physical limitations. The image of the city is marked by old boundaries, which indicates the stability of the perception of the image of urban space, fixed in landmarks and gaining recognition in the minds of young people.

Keywords: *mental map, representation, pandemic, Kalmyks, young generation, perception, city, space*

References:

- Eltarably S., Elghezanwy D.** Post-pandemic cities – The impact of COVID-19 on cities and urban design. *Archit. Res.* 2020. No 10. P. 75–84.
- Jacobson D.** Mental maps // *Encyclopedia of Human Geography* / B. Warf (ed.). Thousand Oaks, CA – London – New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 299–301.
- Kitchin R.** Cognitive maps: What are they and why study them? // *Journal of Environmental Psychology*. 1994. Vol. 14. Iss. 1. P. 1–19.
- Leki'c Glavan O., Nikoli'c N., Foli'c B., Vitošević B., Mitrovi'c A., Kosanovi'c S.** COVID-19 and City Space: Impact and Perspectives. *Sustainability* 2022, 14, 1885. P. 2–19.
- Lynch K.** *The Image of the City* (Harvard-MIT Joint Center for Urban Studies Series). Cambridge: The MIT Press, 1960. 208 p.
- Natalia Wojciuk R. M.** Analysis of the Urban Space Perception Transformed Under the Influence of Complementary Architecture // *Procedia Engineering*. 2016. P. 1338–1342.
- Otchere-Darko W.** COVID-19, Spatio-epidemiology and urban planning // *Town Planning Review*. 2021. Vol. 92. P. 209–213.
- Salazar N. B., Smart A.** Anthropological Takes on (Im)mobility // *Identities*. 2011. Vol. 18. No 6. P. 1–9.
- Trowbridge C. C.** «On Fundamental Methods of Orientation and «Imaginary Maps» // *Science* 38. No 990 (1913). P. 888–897.
- Willem A.** Sulsters. Mental Mapping, Viewing the Urban Landscapes of the Mind. [Электронный ресурс] URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.469.8617&rep=rep1&type=pdf>
- Andryukhina L. M.** Mental'nyye karty (intellekt-karty) kak kontrol'no-otsenivayushcheye sredstvo po distsipline «Istoriya i metodologiya pedagogicheskoy nauki» [Mental maps (intelligence maps) as a control and evaluating tool in the discipline History and methodology of pedagogical science] // *Formirovaniye kadrovogo potentsiala SPO – innovatsionnyye protsessy na proizvodstve i v professional'nom obrazovanii: sb. nauch. trudov, materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ekaterinburg, 16 fevralya 2016 g.)*. Ekaterinburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet. 2016. P. 78–86 (in Russian).
- Baderina A. A.** Mental'nyye karty goroda Permi kak sposob realizatsii turisticheskogo marshruta [Mental maps of the city of Perm as a way to implement a tourist route] // *Fizicheskaya kul'tura, sport, turizm: nauchno-metodicheskoye soprovozhdeniye*. 2018. P. 10–12 (in Russian).
- Baraboshina N. V.** Sotsiokul'turnoye prostranstvo malogo goroda: opyt izucheniya mental'nykh kart goroda Buzu-luka [Sociocultural space of a small town: an experience of studying the mental maps of the city of Buzuluk] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2012. Vol. 12, No. 4. P. 7–10 (in Russian).
- Belyaeva I. G.** Rabota s mental'nymi kartami v protsesse obucheniya nemetskomu yazyku v neyazykovom vuze [Working with mental maps in the process of teaching the German language in a non-linguistic university] // *Perspektivy razvitiya sovremennykh gumanitarnykh nauk. Vyp. 3. Voronezh: ITSRON*, 2016. P. 44–46 (in Russian).

Blinova T. V., Vyalshina A. A., Nozhkina I. A. Gendernyye aspekty samosokhranitel'nogo povedeniya studentov goroda Saratova v period pandemii COVID-19 [Gender aspects of self-preserving behavior of students in the city of Saratov during the COVID-19 pandemic] // *Ekologiya cheloveka*. 2021. No 9. P. 55–63 (in Russian).

Bunich, E. A. Metody izucheniya vospriyatiya gorodskogo prostranstva [Methods for studying the perception of urban space] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2012. No. 6 (112). P. 43–47 (in Russian).

Galkin K. A. Ogranichennoye prostranstvo: gorod v period pandemii v predstavleniyakh pozhilykh lyudey [Limited space: a city during a pandemic in the minds of older people] // *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 2021. Vol. 13, No. 2. P. 27–40 (in Russian).

Glazkov K. Mental'nyye karty: ogranicheniya metoda i obraz «chuzhogo» v malom gorode [Mental maps: the limitations of the method and the image of "alien" in a small city] // *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*. 2015. Vol. 7. No. 3. P. 106–117 (in Russian).

Zamyatina N. Yu. Mental'naya karta: materialy k slovaryu gumanitarnoy geografii [Mental map: materials for the dictionary of humanitarian geography] // *Gumanitarnaya geografiya: nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manakh*. Vyp. 5. M.: Institut Naslediya, 2008. P. 250–253 (in Russian).

Kirzyuk A. A. «U menya net strakha»: kovid-dissidenty v poiskakh agentnosti i pravdy [“I have no fear”: COVID-dissidents in search of agency and truth] // *Monitoring obshchestvenno-go mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2021. No 2. P. 484–509 (in Russian).

Lidzhieva A. M. «Lyudi yekhali i verili: gorod budet!». K istorii stanovleniya Elisty kak goroda v 1928–1930 godakh [“People went and believed: the city will be!”. On the history of the formation of Elista as a city in 1928–1930] // *Mongolovedeniye*. 2020. No. 4. P. 764–777 (in Russian).

Metodiki diagnostiki emotsional'noy sfery: psikhologicheskii praktikum [Methods for diagnosing the emotional sphere: a psychological workshop] / comp. O.V. Barkanova [series: Library of Actual Psychology]. Issue 2. Krasnoyarsk: Literaprint, 2009. 237 p. (in Russian).

Orlova V. V., Ivanova E. S. Mental'nyye obrazy goroda Tomska (na primere studentov universiteta) [Mental images of the city of Tomsk (on the example of university students)] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 2014. No. 1. P. 99–108 (in Russian).

Petrova T. E., Cherkasova T. V. Sotsial'noye samochuvstviye rossiyskikh studentov v period kovid-pandemii [Social well-being of Russian students during the covid-pandemic] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2022. Vol. 22, No. 1. P. 66–72 (in Russian).

Pyurveev D. B. Arkhitektura Kalmykii [Architecture of Kalmykia]. M.: Stroyizdat, 1975. 183 p. (in Russian).

Rupasov N. Mental'nyye karty Izhevsk: startovyye pozitsii i perspektivy goroda [Mental maps of Izhevsk: starting positions and prospects of the city] // *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii*. 2009. No. 2(6). P. 030–075.

Trubina E. G. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva [City in theory: experiences of space comprehension] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2011. 520 p. (in Russian).

Lidzhieva Altana Markovna.

Junior Research Associate.

Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Ilshkin st., 8, Elista, Russia, 358000.

E-mail: kulminova@gmail.com

И. Г. Петров, Е. А. Ягафова

РИТУАЛ ПОХОРОН И ПОМИНОК ЧУВАШЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАПРЕТОВ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ¹

В статье рассмотрены запреты в похоронной и поминальной обрядности чувашей и факторы их изменчивости в процессе трансформации. Целью исследования является анализ системы запретов как механизма регулирования поведения людей в рамках ритуала и трансформации данной системы в современной культуре. Задача исследования – изучение запретов, имеющих место в похоронно-поминальной обрядности чувашей, через призму таких ключевых понятий, как время, пространство, обрядовые действия, состав участников, предметы, жертвенные дары, а также устойчивости и их изменчивости под влиянием глобализации и модернизации культуры. Работа главным образом основана на оригинальных полевых материалах авторов, собранных в различных ареалах расселения чувашей в регионе Урало-Поволжья в 1994–2022 гг. Методологической основой исследования является понимание системы запретов как неотъемлемой части соционормативной культуры, регулирующей поведение человека как в повседневной, так и ритуальной жизни. В результате проведенного исследования выявлено, что предметом запретительных норм в этой области может стать любая область хозяйственной, повседневной, обрядовой жизни человека, будь то время, место совершения действия, обрядовая атрибутика, состав участников и их поведение, одежда, пища и т. д. В последние десятилетия XX в. запреты обряда и похорон в аспекте сохранности и функциональности претерпели значительные изменения. Под влиянием социокультурных трансформаций XX – начала XXI в. объем запретов существенно уменьшился, а их значительная часть перестала считаться обязательной к исполнению. Это обусловлено стиранием в современных реалиях границ между профанным и сакральным, изменением хозяйственно-бытового уклада, занятости и ритма жизни людей, нуклеаризацией семей и нарушением трансляции культурных традиций между поколениями. В результате этого в представлениях людей многие запреты становятся неактуальными. В целом отмеченные изменения являются частью общего процесса трансформации этнической культуры в условиях глобализации и модернизации культуры.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, чуваш, обычаи и обряды, связанные со смертью человека, запреты

Актуальность исследования. Запреты (табу) охватывают практически всю сферу жизни и деятельности человека – повседневную жизнь, хозяйственные занятия, пищу, обычаи и обряды, религиозные верования, поведение, этикет, язык, культуру речи и т. д. Их предназначение – установление порядка и гармонии в отношениях человека с окружающим миром. Значительная часть запретов носит религиозный характер и связана с ритуальными практиками. По выражению известного французского социолога Э. Дюркгейма, они относятся к категории так называемых негативных культов, которые должны были предотвратить смешение сакрального и профанного – «помешать одной области проникнуть в другую» (Дюркгейм, 2018: 510).

Главенство запретов (*чарусем*) и необходимость их неукоснительного соблюдения имеет место в этнической культуре чувашей. Они регулируют поведение человека как в повседневной жизни, так и в обрядовых ситуациях. Особенно актуальными они становятся при «переходных» и пограничных состояниях и событиях – рождении детей, браке, смерти и переходе в «иной мир». В связи с этим возникают вопросы: насколько полно запреты (табу) представлены в похоронно-поминальной обрядности чувашей и как они отражены в модернизированном пространстве их современной культуры? Как запреты вписаны в современные ритуальные практики и какую роль они играют в современной обрядовой культуре? Само собой разумеется, что тема запретов в данной области достаточно обширная и осветить все ее аспекты в рамках одной статьи крайне затруднительно. Поэтому в настоящей статье авторы ограничатся рассмотрением только тех запретов, которые в настоящее время соблюдаются наиболее строго и последовательно.

¹ И. Г. Петровым данное исследование выполнено в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2024 гг.

Историография темы. Тема запретов в похоронно-поминальной обрядности чувашей отражена в исследованиях А. К. Салмина (Салмин, 2007; 2016). Пищевые запреты и ограничения, в том числе в похоронно-поминальной обрядности, изучены в работах Е. В. Сергеевой (Сергеева, 2015; 2021). Отдельные вопросы, касающиеся структуры, типов, регулирующих функций запретов в традиционных ритуалах чувашей XIX – начала XX в., проанализированы в работах И. Г. Петрова (Петров, 2021; 2021a) и Е. А. Ягафовой (Ягафова, Петров, 2022). Поверья, приметы, а также запреты, связанные с данным видом обрядности, нашли отражение в тематических сборниках по устному народному творчеству чувашей (ЧНТ, 2009: 50–58, 276, 287–288). Несмотря на имеющийся научный задел, тема запретов в традиционной культуре чувашей, а вместе с ней проблема их современного бытования в ритуальной практике исследованы не в полной мере. Особенно актуальным представляется изучение и анализ запретов с учетом таких базовых категорий и понятий, как пространство, время, действия, участники, предметный мир и т. д. Такой подход позволяет раскрыть значимость системы запретов в похоронно-поминальной обрядности как в целом, так и применительно к ее отдельным блокам.

Цель, задача, объект, методология и методы исследования. Целью настоящего исследования является анализ запретов в качестве механизма регулирования поведения людей во время похорон и поминок и характера изменений запретов в современных условиях. Задача исследования – изучение запретов, имеющих место в похоронно-поминальной обрядности чувашей, через призму таких ключевых понятий, как время, пространство, обрядовые действия, состав участников, предметы, жертвенные дары, а также устойчивости и изменчивости системы запретов под влиянием глобализации и модернизации культуры.

Объектом исследования выбрано чувашское население закамских районов Республики Татарстан, Самарского Заволжья и Башкирского Приуралья, в которых в 1994–2022 гг. авторами были проведены экспедиционные исследования (ПМА, 1994–2022). Следует заметить, что в ходе экспедиций сбор полевых материалов производился по самым разным темам. Однако в процессе интервьюирования иногда затрагивалась и тема запретов, особенно тогда, когда речь заходила о «правильном» или «неправильном» поведении участников при проведении тех или иных обрядов. Более предметно и детально этот вопрос удалось изучить в рамках научного гранта РФФИ «Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация (конец XX – первые десятилетия XXI в.)», над реализацией которого авторы работали в 2020–2022 гг. В рамках этого проекта в с. Девлезеркино Челно-Вершинского района Самарской области и с. Кош-Елга Бижбулякского района Республики Башкортостан был проведен социологический опрос жителей по актуальным аспектам религиозной жизни, в ходе которого были затронуты вопросы о запретах. Всего в опросе приняли участие 200 человек (по 100 человек в каждом селе) (ПМА, 2020–2022).

Методологические подходы исследования определяются пониманием системы запретов как части соционормативной культуры, регулирующей поведение человека в повседневной и религиозно-обрядовой жизни. Исследование проведено с использованием основополагающих принципов исторических исследований: историзма, объективности, системности, конкретности. Кроме этого, использованы историко-сравнительный, описательный методы, а также специальные методы полевых этнографических исследований – глубинное интервью, опрос и наблюдение.

Структура статьи построена в соответствии с поставленной целью и задачами. В первой ее части запреты похоронно-поминальной обрядности чувашей проанализированы в аспекте их актуальности применительно к таким ключевым понятиям, как время, пространство, ритуальные действия, участники, предметы, жертвенные дары. Во второй части они рассмотрены с точки зрения их изменчивости во времени, а также востребованности в современной обрядовой практике.

Запреты в ритуалах похорон и поминок чувашей

Время и пространство в запретах. В обрядах похорон и поминок обращает на себя внимание совокупность запретов, которые ограничивали участие людей в ритуале в определенные интервалы времени – дни недели и даже время суток. По народным поверьям, такие отрезки времени считались нежелательными, неудачными или несчастливými. Например, нельзя было хоронить покойника в среду, потому что этот день считался тяжелым (*йывър кун*). Похороны в середине недели, по народным представлениям, навлекали на жителей селения множество новых смертей (ЧНТ, 2009: 51, 58). Таким же тяжелым днем считалась пятница. Это было обусловлено тем, что до массовой христианизации чувашей пятница считалась днем отдыха, праздности и веселья. Поэтому в этот день начинать какие-либо дела было нежелательным, а нарушение запрета грозило разного рода неудачами и несчастьями (ЧНТ, 2009: 271; Салмин, 2007: 596–597; Салмин, 2016: 107, 418–419). Также во избежание большой беды чувашеи воздерживались устраивать похороны покойника в вечернее время.

Временные ограничения и запреты имеют место в обрядах поминального цикла. Так, осенние общие поминовения предков *кър сари/кърхи ватти/кърхи/автан прасникъ* чувашеи проводили на «старую», или убывающую, луну (*кивё уйăхла, уйăх катăлнă чух*); этой нормы некрещеные чувашеи придерживаются и сегодня – обряды проводят обычно за одну или две недели в четверг или субботу до дня Казанской иконы Божией Матери (4 ноября). В то же время другие жизненно важные события, не связанные с предками и умершими, например жатву, строительство нового дома, новоселье, сватовство, свадьбу и др., чувашеи старались провести в дни, когда луна прибывала, или на «новый» месяц, потому что это служило хорошей приметой и приносило благополучие. На весенних поминовениях предков *сурта кунё* (досл. «день свечи») родственники остерегались спать в дневное время, так как существовало поверье, что с кладбища придут покойники и забросают глаза спящего могильной землей (ПМА, 1994–2022).

Следует также подчеркнуть, что на похоронах и поминках все ритуальные действия совершались с акцентом на нечетное число и с обязательным участием нечетного количества акторов обряда; такой числовой код сохраняется и в современных ритуальных практиках (Салмин, 2016: 180–201; Ягафова, 2022: 309). По верованиям чувашей, четное число, а равно с ним четное число участников обряда могли спровоцировать еще одну смерть, так как покойный «для пары» мог забрать с собой еще одного человека из числа живых (Рекеев, 1897: 4). Поэтому большие поминки после похорон проводили в нечетный день, например, на 35, 37 или 39-й день.

В традиционной культуре сохраняет актуальность также значительный пласт запретов, в которых просматривается сакрализация пространства, окружающего покойника, и в целом мира предков. Самыми устойчивыми и распространенными среди них являются запреты, касающиеся кладбища *масар/сăва*: нельзя без надобности посещать кладбище, особенно в вечернее время, входить на территорию кладбища, не попросив прощения, сквернословить, плевать, справлять нужду, рубить растущие там деревья, косить траву, собирать ягоды, выносить что-либо оттуда для личных потребностей. Покинув кладбище, запрещается оглядываться назад, показывать на него пальцем – нарушителю грозит смерть. Всевозможными запретами регламентировалось поведение людей в пространстве жилища, в котором находился покойник. Оставлять умершего одного в доме, т. е. без присмотра, запрещалось, в противном случае его душу может забрать злой дух. В присутствии покойника запрещалось громко разговаривать, смеяться, иначе можно спугнуть душу умершего. Этих запретов придерживаются и в современной жизни. О сакрализации пространства, в котором находится покойник, свидетельствует также обычай, в соответствии с которым участники похорон обязаны покинуть жилище, когда гробовщики с покойника снимают мерку, и потом, когда они заносят в дом пустой гроб.

В пределах усадьбы сакральным локусом для жертвоприношений в честь покойников и предков у чувашей является один из столбов больших ворот *хапха юпи* (досл. «воротный столб»), где резали домашнюю птицу. Здесь запрещается ругаться, сквернословить, справлять нужду, лить грязную воду, ударять по этому месту палкой (Ягафова, Петров, 2022: 194). Аналогичные запреты распространяются на место во дворе, где в честь покойников и умерших забивают домашних животных.

Запреты на действия для участников обряда. Обширный перечень запретов регулировал поведение участников ритуала похорон и поминок. Наиболее распространенными среди них были запреты на хозяйственную деятельность, касающиеся родных и близких покойного: им нельзя было работать, убираться в доме, стирать белье, заниматься рукоделием, ремеслом и т. д. В период между похоронами и большими поминками близким родственникам покойного, а также людям, которые изготавливали гроб, копали могилу, мыли и одевали покойника, пекли блины, затапливали баню, запрещалось варить пищу, стряпать пироги, подавать жар в бане, пользоваться иголкой, заниматься стиркой белья, толочь кудель, копать землю, стричь овец, мазать печку глиной (Сбоев, 1865: 136; Петров, 2021а: 162–163). Эти табу объяснялись тем, что при их нарушении тело покойного будет испытывать боль и мучения. Чувашки верили, что при подаче жара в бане ошпарится лицо и тело покойника, при обработке кудели в ступе и прядении ниток обломаются его кости, при ремонте печи глаза и рот мертвеца забьются глиной. Большинство указанных запретов сохраняется и сегодня.

Во время похорон и поминок определенные запреты налагались на коммуникативное поведение и привычные нормы этикета людей. Участникам похорон запрещалось здороваться за руку (ПМА, 2020–2022), а хозяевам – встречать приходящих к ним людей, а потом провожать их (Месарош, 2000: 180, 182). Некоторые действия целенаправленно совершались наоборот или в обратном направлении: воду для обмывания покойника набирали не ближайшим, а противоположным краем ковша, а также по течению реки (Прокопьев, 1903: 9); тело умершего обмывали левой рукой, а правой его придерживали; воду из ковша на покойника лили от себя, т. е. в обратную сторону; использованную воду выливали по направлению вверх (*ви-релле*), а не вниз. Все это предпринималось для того, чтобы близким покойного и членам сельского сообщества не пришлось участвовать на похоронах снова, т. е. повторно (Прокопьев, 1903: 9). Существовал также запрет переходить дорогу похоронной процессии – в противном случае злые духи, находящиеся рядом с покойником, могут пристать к нарушителю и вызвать его смерть. По другим поверьям, такой человек мог навлечь на себя гнев покойника, который мог стать причиной различных бед и несчастий.

К указанному типу ограничений можно отнести также пищевые запреты, сохраняющие актуальность до настоящего времени: нельзя готовить еду из свинины, козлятины и рыбы, использовать муку нового урожая, нельзя приступать к общей трапезе, не совершив ритуального кормления покойников *хывни*, оставлять поминальную еду и питье про запас и т. д.

Запреты на участие. Запреты регулировали участие членов общины в обрядах по возрастному и гендерному принципам. Дети и молодежь выступали на похоронах и поминках в качестве пассивных наблюдателей. Женщины не участвовали в рытье могильной ямы, изготовлении гроба, забивании жертвенного животного или птицы, закапывании могилы. Им не разрешалось нести крышку гроба и надмогильный памятник (столб или крест). В свою очередь мужчин не допускали к приготовлению пищи, стирке белья, мытью полов, стен, потолков. Во время поминальной трапезы после похорон сначала за стол садились мужчины и только после них женщины. Как и у многих других народов, на похоронах запрещалось присутствие беременных. Особые запреты накладываются на членов семьи умершего. Им категорически не

дозволяется мыть тело покойника, копать могилу, изготавливать гроб, закапывать могильную яму, а после похорон до больших поминок – петь, плясать, ходить в гости, одевать праздничную одежду. Большинство этих запретов сохраняет свою значимость и сегодня (ПМА, 2020–2022).

Запреты, касающиеся предметов и жертвенных даров. Из этого цикла запретов самым устойчивым и широко распространенным является запрет на укладывание находящегося при смерти человека на перину и подушку. Чуваши полагали, что, если пренебречь этим, на «том свете» покойника заставят пересчитать имеющиеся в них пух и перья. По другим поверьям, в них душа человека после выхода из тела могла легко заблудиться и тем самым задержать быстрое наступление смерти (ПМА, 1994–2022).

Часть запретов связана с приготовлением принадлежностей для покойника. Если для умершего шили одежду или другие принадлежности, то целенаправленно не пользовались ножницами, сперва ткань или полотно с двух сторон резали ножом, а потом рвали руками. Шили всегда вручную, направляя иголку от себя, не делали узлов на нитке, которую старались израсходовать полностью – в противном случае в доме мог появиться еще один покойник. На покойного надевали чистую, но обязательно ношеную одежду, новую обязательно стирали или хотя бы ополаскивали в воде, а потом высушивали. При этом выворачивать ее наизнанку и гладить горячим утюгом было запрещено. Когда хоронили девушек и женщин, имеющиеся на них бусы надлежало порвать, т. е. нарушить их целостность, потому что хоронить с целым украшением запрещалось (Ашмарин, 1950: 338). Такой же порядок соблюдается в отношении предметов, которые используются в обрядах поминального цикла. Так, например, на больших поминках после «проводов» покойника участники обряда на улице разбивают рюмку, стакан, тарелку, ложку; обратно в дом их не заносят.

Определенные запреты соблюдались в отношении жертвенных даров. Полагающуюся для покойников поминальную еду во время ритуального кормления хывни допускалось давать собакам, но ни в коем случае не кошкам. Потому что существовало поверье, что покойники приходят к ним на поминки в обличье собак. Остатки еды и питья запрещалось приносить домой, их надлежало полностью разложить и разлить на территории кладбища. Кости жертвенных животных, которые оставались после больших поминок, нельзя было выбрасывать. После поминальной трапезы их собирали в какой-нибудь сосуд, затем выбрасывали в овраг перед кладбищем или оставляли возле его ограды (ПМА, 1994–2022).

Таким образом, запреты в похоронно-поминальной обрядности чувашей представляют собой достаточно развитую часть соционормативной культуры и в своем многообразии охватывают такие существенные характеристики обрядов, как время и пространство, состав участников, поведение, ритуальные предметы, жертвенные дары и др. Совокупность рассмотренных табу демонстрирует основную цель похоронно-поминального ритуала – поэтапное сопровождение покойника из профанного пространства в сакральное. Благодаря этим рестрикциям происходило «отторжение» умершего из мира культуры и его «перемещение» в мир предков. Исследование показало, что значительная часть запретов актуальна и в современных ритуальных практиках чувашей.

Трансформации системы запретов в условиях современности

Социокультурные трансформации XX – начала XXI в. существенно повлияли на систему запретов с точки зрения их сохранности и функциональности. Полученные в ходе экспедиций наблюдения и результаты опроса населения показывают, что в этой сфере сохранились запреты, связанные с днями недели (нельзя хоронить в среду), соблюдением сроков проведения обрядов (нельзя устраивать поминки в четный день), с определенными действиями (нельзя пока-

зывать пальцем на кладбище, ходить за водой или проводить обряд *хывни* в четном количестве, пересекать дорогу похоронной процессии и т. д.). Однако существенная часть обрядовых действий подверглась изменениям. Значительной трансформации подверглись запреты, регламентирующие обряды предпохоронного и похоронного цикла, что связано с редукцией ритуала. Например, из-за того что гроб и другие ритуальные принадлежности в последние десятилетия покупают в ближайших салонах ритуальных услуг, практически забыты и не соблюдаются запреты, связанные с их изготовлением, занесением в дом, укладыванием в гроб покойника и т. д. В связи с тем что нередко покойного теперь забирают из морга после медицинского освидетельствования, исчезает традиция обмывания покойника, а вместе с ней и перечень соответствующих запретов, связанных с этой процедурой. По данным полевых материалов, в Кош-Елге Бижбулякского района РБ о правилах приготовления воды для обмывания покойника знают только 29 %, а в с. Девлезеркино Челно-Вершинского района СО всего 8 % опрошенных, об особых запретах при изготовлении гроба знают соответственно 41,2 и 68 % респондентов (ПМА, 2020–2022). С утверждением христианства в ритуал похорон и поминок крещеных чувашей активно внедряются православные традиции и нормы: посты, пищевые ограничения и др. Из-за ревностной, а порой непримиримой позиции священников, а также поддерживающих их адептов православия традиционные нормы обряда, в том числе и запреты, отвергаются и пресекаются как проявление «язычества».

В семьях, состоящих из нескольких поколений, запреты соблюдаются по-разному. Если старшее и среднее поколения рассматривают их как обязательные к исполнению правила, то молодежь воспринимает критически или с большой долей скепсиса. Причина такого отношения – отсутствие глубоких знаний о традиционных ритуалах и непонимание смысла обрядовых действий. По данным опроса, доля соблюдающих большинство запретов в Кош-Елге в возрасте 71 года и старше составила 60 %, а в возрасте до 30 лет – 32,1 %. В Девлезеркино эти показатели в указанных возрастных когортах составили соответственно 71,4 и 22,2 %. Неприятие запретов молодым поколением обусловлено также масштабными глобализационными процессами в современном мире, их территориальной и социальной мобильностью, распадом больших, многопоколенных семей, нарушением механизмов трансляции этнокультурных ценностей между поколениями, размыванием границ между бытовым и ритуальным поведением. Несмотря на это, запреты в похоронно-поминальных ритуалах чувашей не утратили своей актуальности, особенно в селениях некрещеных чувашей и проживающих с ними по соседству христиан (ПМА, 1994–2022).

Заключение

Таким образом, запреты, являясь важной частью соционормативной культуры или норм обычного права, в обряде похорон и поминок регулировали достаточно широкий спектр бытового, обрядового поведения, а также хозяйственную деятельность как индивидуума, так и социума. Они регламентировали пространство, время, место проведения обряда, состав и поведение его участников, ритуальные предметы (атрибутику), пищу, жертвенные дары и т. д. Социокультурные трансформации XX – начала XXI в. существенно повлияли на систему запретов с точки зрения их сохранности и функциональности. Часть запретов оказалась забытой полностью, другая осталась без каких-либо изменений и продолжает соблюдаться. Однако по сравнению с прошлыми эпохами объем запретительных норм и правил существенно сократился, а их жесткое соблюдение перестало восприниматься населением как обязательное для всего общества правило. Это обусловлено стиранием границ между повседневностью и обрядом, между профанным и сакральным. Другой причиной сокращения роли запретов в современной жизни являются объективные изменения, возникшие в хозяйственно-бытовом укладе, быте, ритме жизни, которые позволяют не только не соблюдать все запреты,

но и пренебрегать ими. Определенную лепту в этот процесс внесли такие явления, как нуклеаризация семей и ослабление механизмов трансляции культурных традиций между поколениями. Тем не менее отмеченные выше изменения являются частью общего процесса трансформации этнической культуры в условиях современности.

Список сокращений:

ПМА – полевые материалы авторов.

РБ – Республика Башкортостан.

РТ – Республика Татарстан.

СО – Самарская область.

Литература:

Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. XVII. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1950. 436 с.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В. В. Земсковой; ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 806 с.

Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.

Петров И. Г. Запреты в похоронно-поминальных обычаях и обрядах чувашей // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 4 (34). С. 159–167. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-4-159-167

Петров И. Г. Поведенческие запреты в похоронных и поминальных обрядах чувашей // Вестник Чувашского университета. 2021а. № 2. С. 158–170.

Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1903. 39 с.

Рекеев А. Из чувашских преданий и верований. 4. Жертвоприношения и моления. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1897. 15 с.

Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 688 с.

Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.

Сбоев В. А. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С. Орлова, 1865. 188 с.

Сергеева Е. В. Традиционная кухня и застольный этикет чувашей (конец XIX – начало XXI в.): историко-этнографическое исследование по материалам этнографической группы низовых чувашей. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2015. 170 с.

Сергеева Е. В. Ритуальные блюда и напитки в семейной обрядности чувашей и их магические функции // Исследования по этнологии чувашского народа: сб. ст. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных исследований, 2021. С. 243–261.

Чувашское народное творчество (ЧНТ). Приметы и поверья. Сновидения / сост. и науч. редактор Е. В. Федотова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 383 с. (на чув. яз.).

Ягафова Е. А. Сакральная символика чисел в современной ритуальной практике чувашей // Марийская традиционная культура: история и современность. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. С. 301–318.

Ягафова Е. А., Петров И. Г. Запреты в празднично-обрядовом календаре чувашей: традиция и трансформация // Этнография. 2022. № 2 (16). С. 187–210.

Петров Игорь Георгиевич.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник.

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Ул. К. Маркса, 6, Уфа, 450077.

E-mail: ipetrov62@yandex.ru

Ягафова Екатерина Андреевна.

Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой.

Самарский государственный социально-педагогический университет.

Ул. Максима Горького, 65/67, Самара, 443099.

E-mail: yagafova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 6 марта 2023 г.

RITUALS OF BURIAL AND COMMEMORATION OF CHUVASHS IN THE CONTEXT OF PROHIBITIONS: TRADITIONS AND TRANSFORMATIONS

The article deals with prohibitions in Chuvash burial and memorial rituals and the factors of their mutability in the process of transformation. The study aims to analyze the prohibitions in the context of their study as a mechanism of regulating people's behavior at funerals and commemorations and the nature of changes in the prohibitions in modern conditions. The task of the study is to examine the prohibitions that occur in Chuvash funeral and memorial rituals through the prism of such key concepts as time, space, ritual actions, the composition of participants, objects, offerings, and the stability and variability of the prohibition system under the influence of globalization and cultural modernization. The work is based mainly on the authors' original field material collected between 1994 and 2022 in various Chuvash settlement areas in the Ural-Volga region. The methodological basis of the study is understanding the prohibition system as an integral part of the socio-normative culture that regulates human behavior in daily and ritual life. As a result of the study, it was found that the subject of prohibition norms in this area can be any area of the economic, daily, and ritual life of a person, whether the time, place of action, ritual attributes, composition of participants, clothing, food, offerings, behavior. Recently, the prohibitions in this area have changed significantly regarding safety and functionality. Under the influence of the socio-cultural changes of the XX – early XXI century, the scope of prohibitions has significantly decreased, and a significant part of them is no longer considered binding. This is due to the fact that in modern reality, the boundaries between the profane and the sacred have become blurred, the economic and domestic way of life, employment, and the rhythm of people's lives have changed, families have been atomized, and the transmission of cultural traditions between generations is no longer guaranteed. As a result, many prohibitions no longer play a role in people's minds. In general, the changes noted are part of the general process of transformation of ethnic culture in the context of globalization and modernization of culture

Keywords: *Volga-Ural region, Chuvash, customs and rites related to the death of a person, prohibitions*

References:

- Ashmarin N. I.** Slovar' chuvashskogo yazyka [Dictionary of the chuvash language]. Iss. XVII. Cheboksary, 1950. 436 p. (in Russian).
- Dyurkgeim E.** Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia]. Moscow, 2018. 806 p. (in Russian).
- Mesarosh D.** Pamyatniki staroi chuvashskoi very [Monuments of the old chuvash faith]. Cheboksary, 360 p. (in Russian).
- Petrov I. G.** Zaprety v pokhoronno-pominal'nykh obychayakh i obryadakh chuvashei [Prohibitions in funeral and memorial customs and rites of the chuvashs] // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2021. No 4(34). P. 159–167 (in Russian).
- Petrov I. G.** Povedencheskie zaprety v pokhoronnykh i pominal'nykh obryadakh chuvashei [Behavioral prohibitions in funeral and memorial rites of the chuvashs] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2021. No. 2. P. 158–170 (in Russian).
- Prokop'ev K. P.** Pokhorony i pominki u chuvash [Funeral and commemoration rites of the chuvashs]. Kazan, 1903. 39 p. (in Russian).
- Rekeev A.** Iz chuvashskikh predanii i verovanii. 4. Zhertvoprinosheniya i moleniya [From chuvash traditions and beliefs. 4. Sacrifices and prayers]. Kazan, 1897. 15 p. (in Russian).
- Salmin A. K.** Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary, 2016. 688 p. (in Russian).
- Salmin A. K.** Sistema religii chuvashei [The system of religion of the chuvashs]. St. Petersburg, 2007. 654 p. (in Russian).
- Sboev V. A.** Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyakh. Ikh proiskhozhdenie, yazyk, obryady, pover'ya, predaniya i pr. [Chuvashs in everyday, historical and religious relations. Their origin, language, rites, beliefs, traditions, etc.]. Moscow, 1865. 188 p. (in Russian).
- Sergeeva E. V.** Traditsionnaya kukhnya i zastol'nyi etiket chuvashei (konets XIX – nachalo XX v.): istoriko-etnograficheskoe issledovanie po materialam etnograficheskoi gruppy nizovykh chuvashei [Traditional cuisine and table etiquette of the chuvashs (late XIX – early XXI centuries): a historical and ethnographic study based on materials from an ethnographic group of lower chuvashs]. Cheboksary, 2015. 170 p. (in Russian).
- Sergeeva E. V.** Ritual'nye blyuda i napitki v semeinoi obryadnosti chuvashei i ikh magicheskie funktsii [Ritual dishes and drinks in the chuvash family rites and their magical functions]. Issledovaniya po etnologii chuvashskogo naroda [Studies on the ethnology of the Chuvash people]. Cheboksary, 2021. P. 243–261. (in Russian).

Chuvashskoe narodnoe tvorchestvo. Primety i pover'ya. Snovideniya [Chuvash folk art. Signs and beliefs. Dreams]. Cheboksary, 2009. 383 p. (In Chuvash).

Yagafova E. A. Sakral'naya simbolika chisel v sovremennoi ritual'noi praktike chuvashei [Sacred symbolism of numbers in the modern ritual practice of the chuvashs]. Mariiskaya traditsionnaya kul'tura: istoriya i sovremnnost' [Mari traditional culture: history and modernity]. Ioshkar-Ola, 2022. P. 301–318. (in Russian).

Yagafova E. A., Petrov I. G. Zaprety v prazdnichno-obryadovom kalendare chuvashei: traditsiya i transformatsiya [Prohibitions in the festive and ritual calendar of the chuvashs: tradition and transformation]. Etnografiya [Ethnography]. 2022. No. 2 (16). P. 187–210. (in Russian).

Petrov Igor Georgievich.

Candidate of historical sciences, senior researcher, leading researcher of the Department of ethnography.

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of the Ufa Federal Research Centre of the RAS.

Karl Marx st., 6, Ufa, Russia, 450077.

E-mail: ipetrov62@yandex.ru

Iagafova Ekaterina Andreevna.

Doctor of Historical sciences, Professor, Head of the Chair of Philosophy, History and Theory of World Culture.

Samara State University of Social Sciences and Education.

Maxim Gorky st., 65/67, Samara, Russia, 443099.

E-mail: yagafova@yandex.ru

Г. В. Федюнева

ДЕНЕЖНЫЙ СЧЕТ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПАМЯТНИКЕ XVII ВЕКА «ЗВАТЕЛЬНЫЕ РЪЧИ ЗЫРАНСКОГО ЯЗЫКА, СИРЪЧЬ СИРСАГО»¹

Целью публикации является обобщение результатов предварительного обследования коми-зырянско-русского словаря, обнаруженного в составе недавно открытого русского рукописного сборника XVII в. Исследование проведено на материале оцифрованного оригинала словаря, факсимильное издание которого планируется в общей монографии, посвященной новооткрытому сборнику. При анализе текста словаря были использованы традиционные методы общего языкознания и текстологии, а также отечественной исторической науки и некоторых вспомогательных исторических дисциплин. Внимание акцентируется на одном фрагменте памятника, а именно зырянско-русском денежном счете, который рассматривается в контексте исторического состояния финансовой системы и денежного обращения в России XVI–XVII вв. В статье дано описание структуры денежного счета, его элементов и денежных сумм, которые подвергнуты первичной обработке и систематизации. Предложена авторская интерпретация «коми денег», выраженных в национальных счетно-денежных терминах (ур 'копейка', *шайт* 'рубль') и их стоимостного соотношения с единицами русской денежной системы (*денга*, *алтын*, *рубль*, *полтина* и др.). Перечень денежных единиц в составе зырянского словаря позволяет дополнительно верифицировать его хронологические параметры. Структура денежного счета и номенклатура русских денежных единиц, а также соотношение их значений, отчасти визуализирующиеся через коми текст, подтверждают связь памятника со сложным периодом в истории Российского государства, каким был практически весь XVII в., но особенно период правления царя Алексея Михайловича. Картина бессистемности в количественном выражении денежных сумм в коми и русской частях словаря, особенно в ряду алтына, ассоциируются с состоянием финансовой системы периода денежной реформы 1654–1663 гг., когда в одновременном обращении длительное время были старые серебряные *денги* и новые серебряные и медные монеты разных достоинств с принудительным курсом. Материал словаря требует дальнейшего изучения, так как представляет интерес не только для коми и русской исторической лексикографии, но и исторических исследований в области денежного обращения России.

Ключевые слова: историческая лексикография, памятники письменности, коми-зырянский язык, денежный счет, финансовая система России XVII века

Введение

Коми-зырянско-русский словарь-разговорник недавно был обнаружен в отделе рукописей Государственного исторического музея (№ 2803) в составе монастырского рукописного сборника, который благодаря собственноручной надписи его составителя датируется 1668 г. и атрибутируется инок Прохору Коломнятину. Содержание сборника традиционное и в целом сопоставимо с подобными монастырскими сборниками XV–XVII вв., которые обычно включали подборки нравоучительных статей, извлеченных из разных печатных и рукописных источников. Новооткрытый сборник Прохора Коломнятина, кроме них, содержит оригинальные лексикографические материалы, в том числе три национальных словаря: крымско-татарского, карельского и коми-зырянского языков².

Коми-зырянский лексикон, озаглавленный «Звательные рѣчи зыранского языка, сирѣчь сирскаго», небольшой по объему, представляет собой простой перечень коми слов и словосочетаний с переводом на русский язык. Материал дан сплошным текстом, выделяются только

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

² Подробная информация об открытии, атрибуции и составителе сборника содержится в работах (Савельева, 2019; Савельева, Козинцев, 2020: 469–484; Савельева, Муллонен, Федюнева, 2021).

заглавие, первые буквы коми слов и обведенная буква «т» («толкование») перед русскими переводами, выписанные киноварью³.

По структуре и содержанию он отличается как от других словарей сборника, так и от иноязычно-русских и русско-иноязычных словарей-разговорников, имевших хождение в XVI–XVII вв. Зырянский материал никак не структурирован, ни тематически, ни по алфавиту, не имеет разделов или каких-либо специальных помет, а также не содержит типовых фраз, реплик из диалогов и связных текстов, характерных для разговорников того периода. По содержанию в нем можно выделить три части: перечень денежных сумм (137 слов и словосочетаний), список общеупотребительной обиходно-бытовой лексики (около 100 словарных единиц) и перевод короткой молитвы «Трисвятое»⁴.

Наличие денежного счета, который занимает больше половины текста памятника, является яркой особенностью зырянского словаря. В отличие от словарных материалов, записанных в разное время путешественниками, а также словарей-разговорников, которые часто сопровождаются списком наиболее употребляемых числительных, в нем приведен перечень денежных сумм, подробно расписанный от полденги до миллиона рублей.

Изложение денежного счета построено так же, как и весь словарь: первым идет коми текст, который «толкуется» на русском языке. Количественные значения в коми части переданы сочетанием числительных и денежных мезуративов *ур* ‘копейка’ и *шайт* ‘рубель’, в русской – кириллической цифирью и сокращенными, реже полными, названиями русских денежных единиц (д. – денга, ал. – алтын, руб. – рубль, грош, полтина и др.).

Предварительный анализ номенклатуры русских денежных единиц и их стоимостного содержания позволяют рассматривать денежный счет, представленный в сборнике Прохора Коломнятина, в контексте становления российской денежной системы второй половины XVI–XVII вв. и, более конкретно, исторических событий второй половины XVII в.

Из истории русского денежного обращения XVI–XVII вв.

Национальная финансовая система Российского государства складывалась в процессе объединения разрозненных княжеств вокруг Москвы и знаменовала собой переход от феодальной раздробленности и нерегулируемых товарно-денежных отношений к централизованному государству. Первым шагом в этом направлении стала денежная реформа Елены Глинской (1535–1538), которая покончила с чеканкой удельных монет, унифицировав денежное обращение на всей территории Русского государства.

Реформа объединила две самые крупные денежные системы предшествующего периода – московскую и новгородскую. Основной платежной единицей осталась серебряная провололочная денга⁵, причем самым крупным номиналом стала денга новгородская (или *новгородка*, позже – *копейка*), которая была вдвое тяжелее московской денги (*московки*). Из более мелких единиц известна серебряная *полуденга*, или *полушка*, равная половине московской денги, которая в Новгороде и Пскове называлась *четверетца*. «Весовое отношение новгородки к московке-денге определило то, что с 1534 г. в московском счетном рубле, уже и раньше делившемся на 10 счетных гривен, стало 100 реальных монетных единиц – новгородок, а в счетной гривне – 10. Создание копейки-новгородки окончательно определило десятичный строй московской счетно-денежной системы, заложив основу для построения в будущем русской десятичной монетной системы» (Спасский, 1962: 79–80).

³ Полный текст словаря с предварительными комментариями впервые опубликован в статье (Савельева, Мулло-нен, Федюнева, 2021: 19–25).

⁴ Подробнее о структуре и лексическом составе словаря см. (Федюнева, 2021; 2022).

⁵ Слово *денга* стали писать с мягким знаком только с конца XVIII в. До этого надпись «деньга» иногда помещалась только на псковских монетах XV – начала XVI в. (Спасский, 1962: 54).

Новая денежная система оставалась по преимуществу счетной. Наряду с реальными серебряными монетами в товарно-денежном обороте участвовали счетные единицы предыдущего периода: *рубль*, *полтина*, *гривна*, *алтын*. Их стоимостное соотношение было установлено еще в Торговой книге 70-х гг. XVI в.: 1 рубль = 2 полтины = 10 гривен = 100 новгородок = 200 денег = 400 полуденег; *полтина* = 5 гривен = 50 новгородок = 100 денег = 200 полуденег; *гривна* = 10 новгородок = 20 денег = 40 полуденег; алтын = 3 новгородки = 6 денег = 12 полуденег; денга = 2 полуденги.

В течение XVI в. пережитки местного денежного счета исчезали, хотя разделение на новгородское и московское счисление сохранялось до конца XVII в. В официальном делопроизводстве и живой речи вместо названий *копейка* и *денга* употреблялись *новгородка* и *московка*. Сохранялся также счет на «новгородское число» со 100-денежным рублем и «московское число» – с 200-денежным (Мельникова, 1989: 29–32; Цысь, 2012: 89–90).

В Москве вплоть до начала XVIII в. признавали только старинный московский счет на денгу, за которой шел счетный алтын в 6 денег, а 33 алтына и 2 денги составляли счетный 200-денежный рубль. Фракции счетного рубля – полтина, полуполтина и гривна – в общем счете не участвовали, но сохранялись как вспомогательные понятия. Было также счетное понятие *грош*, равный четырем денгам (Спасский, 1962: 79).

Система денежного обращения, установившаяся после реформы Е. Глинской, хотя и оказалась достаточно устойчивой, неоднократно подвергалась серьезным испытаниям, которыми был отмечен весь XVII в. Драматические события Смутного времени, польско-шведской интервенции на рубеже XVI–XVII вв., народные волнения 50–60-х гг., начавшаяся в 1654 г. 30-летняя война с Речью Посполитой потрясли основы Российского государства, внесли хаос и неразбериху в жизнь общества и, конечно, не могли не сказаться на состоянии финансовой системы. Казна испытывала постоянный дефицит, денег не хватало на содержание армии, выкуп русских «полоняников» из татарского плена и прочие государственные нужды. Вхождение в состав России Украины, основной единицей которой был талер, требовало преобразования архаичной денежной системы, которая была построена на проволочной денге при отсутствии крупных номиналов для масштабных сделок и мелкой монеты для розничной торговли (Мельникова, 1989: 103, 110–128, 153–195).

На фоне глубинных перемен, происходивших во всех сферах жизни Российского государства, все более очевидной становилась необходимость новой денежной реформы, неудачную попытку проведения которой предпринял царь Алексей Михайлович. Реформа 1654–1663 гг. ставила целью избавиться от проволочной копейки и счетных денежных единиц и приблизить русскую монетную систему к многономинальной западноевропейской системе. Для этого предполагалось начать чеканку монет крупных номиналов, прежде всего рубля, ориентированного на западноевропейский талер, а также ввести в качестве нового монетного сырья дешевую медь, т. е. установить биметаллизм серебряных и медных монет.

В 1654 г. в обращение был введен первый монетный рубль, который надчеканивался на талерах (так называемых *ефимок*) и по весу оказывался вдвое дешевле счетного рубля. Из талерного серебра и на его весовой основе чеканилась также *полуполтина* – разрубленный на 4 части талер. При этом в обращении оставались старые серебряные копейка и денга, выпущенные на дореформенной денежной стопе.

Из меди чеканились полтина, алтын и грошевик. По весу медная полтина равнялась новому талерному рублю, а весовая норма алтына и грошевика основывалась на весе серебряной проволочной копейки. Таким образом, в одной системе оказались номиналы разной ценности, причем медные монеты были приравнены к серебряным принудительно, «по государеву слову», но фактически не могли быть разменными по отношению к ним (Мельникова, 1989: 199–200).

В 1655 г. правительство вернулось к метрологии серебряной копейки и начало выпуск новых рублей из талеров (так называемые *ефимки с признаком*), которые уже официально

приравнялись к 64 старым копейкам. Серебряные рубли 1654 г., хоть и не чеканились больше, из обращения не изымались. Наряду с монетами крупных номиналов началась чеканка медных копеек, которые выпускались в большом количестве. По виду они ничем не отличались от прежних серебряных «чешуек» и принудительно приравнялись к ним. На эти медные деньги правительство скупало старые серебряные копейки, рублевики и полуполтины, а также «ефимки с признаком», которые оставались в обращении до начала 1659 г. При этом оно отказывалось принимать медь в счет уплаты налогов и податей, однако жалование выдавало в медных деньгах, которые все больше обесценивались. К 1662 г. за 1 серебряную копейку давали уже 15 медных. Все это вело к росту цен и недовольству в обществе, вылившемуся в Медный бунт 1662 г.

В 1663 г. чеканка медных монет была прекращена, а имевшиеся у населения остатки медных денег были выкуплены казной по курсу сто медных копеек к одной серебряной⁶. Неудачная реформа 1654–1663 гг. завершилась возвратом к дореформенной системе Е. Глинской, которая, хотя и расшатанная и ослабленная, сохранилась до денежной реформы Петра I, «положившей конец целой эпохе русского денежного обращения» (Мельникова, 1989: 157).

Денежный счет в словаре «Звательные речи зырянского языка...» как отражение российского денежного обращения XVI–XVII веков

Денежный счет, представленный в зырянском словаре Прохора Коломнятина, может быть рассмотрен в контексте изложенных выше исторических событий. В нем представлены все характерные для этого периода русские денежные единицы: денга, полуденга, алтын, грош, полтина, полполтины, гривна и рубль, стоимостные значения которых в той или иной степени визуализируются через коми текст.

Для наглядности весь материал «денежного» фрагмента словаря представлен в виде таблицы. В двух первых столбцах единицы счета даны в том виде, в каком они читаются в оригинале⁷. В третьем и четвертом – приводятся значения денежных единиц, сначала из русской части, затем коми. Это связано с тем, что в русской части памятника перечень денежных сумм представляет собой последовательно организованную систему, охватывающую все номиналы данного периода, чего нельзя сказать о зырянской части. Несмотря на то что в оригинале памятника вокабулой выступает коми слово, русский денежный счет реально читается как основной. Создается впечатление, что это он «толкуется» в коми *денгах*, *урах* и *шайтах*, а не наоборот.

№	Денежные единицы в оригинале памятника		Количественные значения денежных единиц	
	Коми	Русские	Русские	Коми
1	Дэньгапо ⁸	денга	1 д.	*½ д.
2	По(л)дэнги ⁹	денга	1 д.	½ д.
3	Дэнгань пóлонь	по(л)торы денги	1½ д.	1½ д.
4	Кы́къ дэнга	двѣ де(н)и	2 д.	2 д.
5	Ку́имъ денга	три денги	3 д.	3 д.
6	Нэль денга	грошъ	грош	4 д.

⁶ Подробнее о реформе см. (Спаский, 1959: 103–156; Мельникова, 1966: 102–113).

⁷ См. также публикацию (Савельева, Муллонен, Федюнева, 2021: 19–22).

⁸ Возможно, *денга пол (диал. пöö) «полденги»; в современном коми языке используется конструкция со словом джын «половина, одна вторая, пол-», напр., ведра джын «полведра».

⁹ Вместо коми слова *денгапöö прописано русское слово полденги.

7	Вѣтъ дѣнга	пѧ(т) денегъ	5 д.	5 д.
8	Квѧтъ денга	ѧлтнѣ	1 алт.	6 д.
9	Кѧкъѧ'мысь денга	два гроша	2 гроша	8 д.
10	Дасъ дѣнга мѣ поло(н)	деве(т) дѣнегѣ	9 д.	10, 1½ д.
11	Дасъ денга	ѣ (д)	10 д.	10 д.
12	Квѧи тѣръ	вѣ а(л)	2 алт.	6 ур
13	Окъмысѣръ	ѣ а(л)	3 алт.	9 ур
14	Даскыкѣръ	дѣ а(л).	4 алт.	12 ур
15	Дасвѣтурѣре	пѧ(т) ѧл(т)ынѣ	5 алт.	15 ур
16	Дасѣсѣзѣмурѣ	ѣ а(л)	6 алт.	17 ур
17	Даскокъ ѧ'мысурѣ	ѣ алт(ы)нѣ	7 алт.	18 ур
18	Дасокъ мѣсурѣ	иѣ а(л)	8 алт.	19 ур
19	Дасъ ѧ'отѣкурѣ	ѣ а(л)	9 алт.	11 ур
20	Комѣнурѣ	ѣ алт(ы)нѣ	10 алт.	30 ур
21	Комы о'тикурѣ	ѧѣ а(л)	11 алт.	31 ур
22	Комѣнѣ кѣкурѣ	вѣ а(л)	12 алт.	32 ур
23	Комѣнѣ кѧймурѣ	ѣ а(л).	13 алт.	33 ур
24	Дасъ нѣлѣурѣ	дѣ а(л)	14 алт.	14 ур
25	Дасвѣтурѣ	еѣ а(л)	15 алт.	15 ур
26	Дасъ квѧтѣурѣ	сѣ а(л)	16 алт.	16 ур
27	Дасъ сѣзѣмѣурѣ	зѣ а(л)	17 алт.	17 ур
28	Дасѣкакъ ѧ'мысурѣ	иѣ а(л)	18 алт.	18 ур
29	Кѣмынѣ какъ ѧ'мысурѣ	ѣ а(л)	19 алт.	38 ур
30	Кѣмынѣ дѣсурѣ	кѣ а(л)	20 алт.	30, 10 ур
31	Вѣтѣ мунѣрѣ	кѧѣ а(л)	21 алт.	50 ур
32	Вѣтѣ монкѣкѣкурѣ	квѣ а(л)	22 алт.	52 ур
33	Вѣтѣ мунѣ кѣймѣрѣ	кѣ а(л)	23 алт.	53 ур
34	Вѣтѣ мунѣ нѣлѣурѣ	кдѣ а(л)	24 алт.	54 ур
35	Вѣтѣ му(н) вѣтурѣ	кѣ а(л)	25 алт.	55 ур
36	Вѣтѣ мунѣ квѧѣтурѣ	кѣ а(л)	26 алт.	56 ур
37	Вѣтѣ мунѣ сѣзѣмурѣ	кѣ а(л)	27 алт.	57 ур
38	Вѣтѣмун кѧкъѧ'усѣрѣ	кѣ а(л)	28 алт.	58 ур
39	Вѣтѣ мѣнѣурѣ	кѣ а(л)	29 алт.	50 ур
40	Комѣнурѣ	лѣ а(л)	30 алт.	30 ур
41	Комѣнѣ квѧтъ денга	лѧѣ а(л)	31 алт.	36 денег
42	Комѣнѣ нѣлъ дѣнга	лвѣ а(л)	32 алт.	34 денег
43	Комѣнѣ о'тикурѣ	лѣ а(л)	33 алт.	31 ур
44	Сеу'рѣ	рубль	рубль	100 ур
45	Сеу'рѣ нѣлъ денга	лдѣ а(л)	34 алт.	100 ур 4 денег
46	Сеу'рѣ вѣтурѣ	лѣ а(л)	35 алт.	100 ур, 5 ур
47	Сѣветѣ мунѣурѣ	лѣ а(л)	36 алт.	150 ур
48	Сѣкѣйтѣ мунѣурѣ	лѣ а(л)	37 алт.	160 ур
49	Сѣзѣмѣдѣсѣурѣ	лѣ а(л)	38 алт.	70 ур
50	Сѣкѧкъѧмѣсѣурѣ	лѣ а(л)	39 алт.	108 ур
51	Сѣветѣ мунѣурѣ	мѣ а(л)	40 алт.	150 ур
52	Сѣветѣ мѣнкѣуйморѣ	мѧѣ а(л)	41 алт.	153 ур

53	Секва́йтуръ	мѡ а(л)	42 алт.	106 ур
54	Сизѣмъ каѡъамѣсуръ	мѣ а(л)	43 алт.	7, 8 ур
55	Сизѣмъ о"къ мысѣуръ	мѣ а(л)	44 алт.	7, 9 ур
56	Сизѣмъдасуръ	мѣ а(л)	45 алт.	7, 10 или 70 ур
57	Сизѣмъ ква́йтуръ	мѣ а(л)	46 алт.	7, 6 ур
58	Сека́къа'мы(с)дасуръ	мѣ а(л)	47 алт.	180 ур
59	Сесизимдасуръ	ми а(л)	48 алт.	170 ур
60	Севѣты мунѣуръ	мѣ а(л)	49 алт.	150 ур
61	Секѣйты мунѣуръ	нѣ а(л)	50 алт.	160 ур
62	Нѣламынъ ква́тъ дѣнга	нѣ а(л)	51 алт.	46 денег
63	Сеси(зи)мѣдасуръ	нѣ а(л)	52 алт.	170 ур
64	Секва́йты мунѣуръ	нѣ а(л)	53 алт.	160 ур
65	Сека́къамѣсуръ	нѣ а(л)	54 алт.	108 ур
66	Комѣнъ ква́йтуръ	нѣ а(л)	55 алт.	36 ур или 30, 6 ур
67	Комѣнъ сизѣмуръ	нѣ а(л)	56 алт.	37 ур или 30, 7 ур
68	Сесизимдасуръ	нѣ а(л)	57 алт.	170 ур
69	Секѣйты мунѣуръ	ни а(л)	58 алт.	160 ур
70	Сео"къмысуръ	нѣ а(л)	59 алт.	109 ур
71	Сѣдасуръ	ѣ а(л)	60 алт.	110 ур
72	Сѣдаскуи'мо(р)	ѣ а(л)	61 алт.	113 ур
73	Сесизимдасуръ	ѣ а(л)	62 алт.	170 ур
74	Секва́йтуръ	ѣ а(л)	63 алт.	106 ур
75	Сѣнѣлѣуръ	ѣ а(л)	64 алт.	104 ур
76	Сѣвѣтуръ	ѣ а(л)	65 алт.	105 ур
77	Сека́камѣсуръ	ѣ а(л)	66 алт.	108 ур
78	Кѣкъ шатъ	ѡ рублѣ	2 руб.	2 шайт
79	Дасуръ	гривна	гривна	10 ур
80	Дасѣйтуръ	ѣ а(л)	5 алт.	15 ур
81	Кѣзуръ	дѡѣ гривны	2 гривны	20 ур
82	Кѣзь вѣтуръ	по(л) по(л)тины	½ полтины	25 ур
83	Нѣламынуръ	по(л)ти́на	полтина	40 ур
84	Ку́й мшатъ	<ѣ> рубли	3 руб.	3 шайт
85	Нѣль шатъ	ѣ рубли	4 руб.	4 шайт
86	Вѣтъ шатъ	ѣ рублеѡъ	5 руб.	5 шайт
87	Кѡа́тъ шатъ	ѣ рублеѡъ	6 руб.	6 шайт
88	Сизѣмъ ша́тъ	ѣ рублеѡъ	7 руб.	7 шайт
89	Ка́къа'мышатъ	и ру(б)	8 руб.	8 шайт
90	"Окмышатъ	ѣ ру(б)	9 руб.	9 шайт
91	Дасѣшатъ	и ру(б)	10 руб.	10 шайт
92	Дасѣѡ́тикъшакъ	аи ру(б)	11 руб.	11 шайт
93	Кѣзьшатъ	ѣ ру(б)	20 руб.	20 шайт
94	Комѣнъшатъ	и ру(б)	30 руб.	30 шайт
95	Нѣламыншатъ	и ру(б)	40 руб.	40 шайт
96	Вѣтымуншатъ	и ру(б)	50 руб.	50 шайт
97	Кѡа́йтымѣншатъ	ѣ ру(б)	60 руб.	60 шайт
98	Сизѣмъдасшатъ	ѣ ру(б)	70 руб.	70 шайт

99	Какъа́мы(с) да́сшашъ	п̑ ру(б)	80 руб.	80 шайт
100	”Окъмысѣ да́с шашъ	ч̑ ру(б)	90 руб.	90 шайт
101	Сѣшашъ	р̑ ру(б)	100 руб.	100 шайт
102	Кы́къ сѣшашъ	с̑ ру(б)	200 руб.	200 шайт
103	Куи”мѣ сѣшашъ	г̑ ру(б)	300 руб.	300 шайт
104	Нѣльсашашъ	у̑ ру(б)	400 руб.	400 шайт
105	Вѣтьсашашъ	ф̑ ру(б)	500 руб.	500 шайт
106	Ква́тьсашашъ	х̑ ру(б)	600 руб.	600 шайт
107	Сизѣмса́шашъ	ш̑ ру(б)	700 руб.	700 шайт
108	Какъа́мысѣса́шашъ	ѡ̑ ру(б)	800 руб.	800 шайт
109	”Окъмысѣ сѣшашъ	ц̑ ру(б)	900 руб.	900 шайт
110	Сюркъ шашъ	ѧ̑ ру(б)	1000 руб.	1000 шайт
111	Кы́къ сѣрсѣ	ѧ̑ (руб)	2000 руб.	2000 <шайт>
112	Куи”мѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	3000 руб.	3000 <шайт>
113	Нѣль сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	4000 руб.	4000 <шайт>
114	Вѣть сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	5000 руб.	5000 <шайт>
115	Ква́ть сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	6000 руб.	6000 <шайт>
116	Сизѣмѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	7000 руб.	7000 <шайт>
117	Какъа́мысѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	8000 руб.	8000 <шайт>
118	”Окъмысѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	9000 руб.	9000 <шайт>
119	Да́с сурѣ	ѧ̑ ру(б)	10 000 руб.	10 000 <шайт>
120	Кы́зѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	20 000 руб.	20 000 <шайт>
121	Комы́нѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	30 000 руб.	30 000 <шайт>
122	Нѣламы́нѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	40 000 руб.	40 000 <шайт>
123	Вѣты́мынѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	50 000 руб.	50 000 <шайт>
124	Ква́йты мы́нѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	60 000 руб.	60 000 <шайт>
125	Сизимда́сѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	70 000 руб.	70 000 <шайт>
126	Какъа́мысѣда́сѣсюрѣ	ѧ̑ ру(б)	80 000 руб.	80 000 <шайт>
127	”Окъмысѣ да́(с)сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	90 000 руб.	90 000 <шайт>
128	Сѣсѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	100 000 руб.	100 000 <шайт>
129	Куи”(м) сѣсѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	200 000 руб.	300 000 <шайт>
130	Нѣльла́сѣсѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	300 000 руб.	400 000 <шайт>
131	Сѣвить сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	400 000 руб.	105 000 <шайт>
132	Сѣкватѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	500 000 руб.	106 000 <шайт>
133	Сѣсѣзимѣ <сюрѣ>	ѧ̑ ру(б)	600 000 руб.	107 <000> <шайт>
134	Сека́къа́мы сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	700 000 руб.	108 000 <шайт>
135	Сео”кмысѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	800 000 руб.	109 000 <шайт>
136	Сѣсѣзимѣ сѣрсѣ	ѧ̑ ру(б)	900 000 руб.	107 000 <шайт>
137	Се сѣрсѣ	ѧ̑ ты́сащѣй рубле́вѣ.	1 000000 руб.	100 000 <шайт>

Счисление начинается с наиболее известной денежной единицы Древней Руси и царской России XIV–XVIII вв., основного оборотного средства рассматриваемого периода – серебряной проволочной монеты (*денги*), которая в памятнике представлена от полуденги до 10 денег (см. табл., № 1–11).

Ряд денги передан достаточно последовательно, хотя в нем пропущен номинал ‘7 денег’, а номинал ‘9 денег’ (№ 10) передан не коми словосочетанием *окмыс денга*, как можно было

бы ожидать, а не очень понятной конструкцией Дасъ денгамъ по́ло(н) < ? *дас денга(тõ)м по́лõ(н) ‘десять без денги половины’.

В большинстве случаев под термином *денга* здесь понимается московская монета, которая в тот период была равна половине денги новгородской, напр., Деньгапо – (т) денга и По(л)дэнги – (т) денга, т. е. $\frac{1}{2}$ денги-новгородки = 1 денге-московке. Маркерами московского счета являются также 6-денежный алтын и 4-денежный грош (табл., № 1, 2, 6, 8, 9).

Денга московская читается также в примере № 45: Се’урь нель денга ‘сто ур и четыре денги’ – 34 алтына, т. е. 102 копейки. Однако в примерах № 41, 42 и 62 термин «денга» обозначает уже скорее новгородку, т. е. копейку. Слово *копейка* не встречается вовсе, возможно, в связи с приведенной выше цитатой И. Г. Спасского о предпочтительности «старинного московского счета».

Счет в алтынах в русской части изложен весьма последовательно, от 2 до 33 алтын (№ 12–43) и от 34 до 66 алтын (№ 45–77). После каждой группы алтынов приведены соответственно номиналы 1 рубль (№ 44) и 2 рубля (№ 78), что соответствует сложившемуся еще до реформы Глинской и сохранившемуся после нее общерусскому денежному счету на денгу, алтын (6 денег) и рубль (33 алтына и 2 денги) (Спасский, 1956: 13).

За исключением нескольких случаев (№ 41, 42, 45 и 62) ряд алтына в коми части передан в *урах*. Термин *ур* здесь используется, видимо, в значении денги-новгородки, т. е. *копейки*. Наглядно это демонстрируют примеры № 8 и 12, в которых 1 алтын = 6 денег, а 2 алтына = 6 ур.

Ур последовательно равен 1 копейке в примерах № 13–15, 20, 46, 80: 3 алтына = 9 ур, 4 алтына = 12 ур, 5 алтын = 15 ур, 10 алтын = 30 ур, 35 алтын = 105 ур, а также в примерах № 79, 81, 82, отражающих значения фракций рубля: гривна = 10 ур, две гривны = 20 ур, полупотина = 25 ур.

Однако в подавляющем большинстве случаев количественные значения алтынов переданы в *урах* крайне непоследовательно. Соотношение 1 ур = 1 копейка, за исключением приведенных случаев, не соблюдается. Напротив, отмечается явное несоответствие и бессистемность в передаче номинальных значений. Так, в примерах № 24–28 и 40 1 ур = 1 алтыну, т. е. 3 копейкам: 14 алтын = 14 ур, 15 алтын = 15 ур и т. д. Близки к такому соотношению значения в примерах № 19, 41, 42, 43, 62: 9 алтын = 11 ур, 31 алтын = 36 денег, 32 алтын = 34 денги, 33 алтына = 31 ур, 51 алтын = 46 денег. Денга в этих примерах, по-видимому, означает новгородку, т. е. копейку.

В примерах № 21–23 за основу принято соответствие 10 алтын = 30 ур (т. е. нормальное 1 алтын = 3 коп.), к которому прибавляется 1 алтын как в русском, так и коми счете: 11 алтын = 31 ур, 12 алтын = 32 ура, 13 алтын = 33 ура. Аналогично в примерах № 31–38, где к основе 50 ур, видимо, приравненной к 30 алтынам, добавляются по одному алтыну с той и другой стороны: 21 алтын = 50 ур, 22 алтына = 52 ура, 23 алтына = 53 ура и т. д. Номинальная стоимость алтына при этом колеблется около 2 уров. 1 алтын равен 2 урам (копейкам) также в примерах № 29 и 30.

После 33 алтынов, которые, как отмечалось, вкупе с 1 коп. (= 2 денги) составляли счетный рубль, т. е. 100 коп. (№ 44), расчеты в *урах* вообще не поддаются интерпретации. Так, например, 36 алтын переданы как 150 уров, а 37 – как 160 уров, т. е. 1 алтын = 10 урам, 38 алтын – как 70 уров, т. е. 1 алтын = 1,8 ура (№ 47–49) и т. д. Наблюдаются случаи, когда одно и то же количество уров передает разное количество алтынов, например, 31 ур = 31 и 33 алтына (№ 21, 43), 50 ур = 21 и 29 алтынов (№ 31, 39), 150 ур = 36, 40 и 49 алтынов (№ 47, 51, 60), 160 ур = 37, 50, 53 и 58 алтынов (№ 48, 61, 64, 69), 170 ур = 48, 52, 56 и 62 алтына (№ 59, 63, 68, 73), 108 ур = 39, 54 и 66 алтынов (№ 50, 65, 77).

В целом установившееся со времен реформы Глинской стоимостное соотношение 1 алтын = 3 копейки или 6 денег в зырянском «переводе» на уры практически не прослеживается или читается в значительно измененном виде.

Сразу после 66 алтын, т. е. 2 рублей (№ 78) приведены фракции счетного рубля: гривна, полуполтина и полтина, использовавшиеся в качестве вспомогательных счетных понятий, а также удобные в обращении 2 гривны (20 коп.) и 5 алтын (15 коп.). Все эти номиналы в коми части последовательно выражены в урах, равных копейке (№ 79–83).

Завершает список рублевый ряд номиналов, представленный следующим образом: единицы от 3 до 9 рублей, затем 10 и 11 рублей, далее десятки от 20 до 90 рублей, сотни от 100 до 900 рублей, тысячи от 1000 до 9000, десятки тысяч от 10 000 до 90 000 и сотни тысяч от 100 000 до 1 000 000 рублей (№ 84–137).

В коми части рубль выражен термином *шайт*, который, как и сегодня, полностью соответствует русскому рублю. В десятичной счетно-денежной системе русского рубля он соотносится с *уром* так же, как и рубль с копейкой (1:100), что прямо отражено в примере № 44: Се'урь 'сто ур' – рубль и в строгой последовательности изложения всего рублевого ряда от 1 рубля до 1000 тысяч рублей, где шайт и рубль абсолютно равны. Лишний раз об этом свидетельствует и то, что в коми части, начиная с 2000 рублей (№ 111), даны только числовые значения без добавления слова *шайт*.

Как видно из таблицы, номинальные значения в денгах и рублях в целом совпадают в русской и коми частях, из чего следует, что термин *денга*, заимствованный из русского языка, в рассматриваемый период обозначал в коми языке соответствующую русскую монету, а русский рубль назывался по-коми *шайт*. Ряд алтына, переданный в урах, пока не поддается такой однозначной интерпретации и требует отдельного комментирования.

Сложность прочтения этого фрагмента счета связана с «исторической сущностью» счетно-денежного термина *ур*, который, видимо, появился в ранний период денежно-меновой торговли пушшиной и до сих пор сохраняется в активном словарном запасе коми языка. В обзорной исторической ретроспективе он не являлся единицей какой-то национальной денежной системы, которой у коми никогда не было, а служил (и служит) лишь народным названием русской денежной единицы. Учитывая особенности русского денежного обращения, которое не отличалось стабильностью и не раз менялось, в том числе в области денежной номенклатуры, *ур* в разные временные отрезки мог обозначать древнерусскую куну, ногату или веверицу, татарский дирхем, какую-то монету периода феодальной раздробленности, в более поздние времена – медную или серебряную копейку, ее часть и т. д.¹⁰

Соответственно, вопрос о реальном содержании термина *ур* в зырянском словаре Прохора Коломнятина остается открытым: в XVI–XVII вв. коми могли назвать *уром* как московскую денгу или копейку-новгородку, так и более мелкую полушку или даже медный пуло.

С другой стороны, особенным для русского денежного счета был *алтын*, который, по словам В. Л. Янина, с момента его появления в XIV в. находился в иррациональном отношении к московской денежной системе (Янин, 1956: 30). В процессе объединения российской денежной системы алтын долго оставался местным счетным понятием центральной и восточной Руси, в Новгороде и в Пскове им не пользовались.

В складывающейся русской десятичной денежной системе шестиденежный алтын не сходилась с рублевым счетом: рубль составляли 33 алтына и 2 денги, а 100 алтынов составляли 3 рубля. Только к началу XVI в. он полностью адаптировался в отношении 1 алтын = 3 новгородки или 6 московок и, несмотря на некрatность к русской денежной системе, занял важное место в московском счете, а в XVII в. стал обязательным элементом общепринятого денежного счета Русского государства (*рубль*, *алтын*, *денга*).

Подобно другим счетно-денежным понятиям алтын «служил только для денежного счета и соответствовал некоторой сумме, которая могла составляться из любых подходящих для этого платежных единиц: серебряных денег, полуденег-полушек, копеек-новгородок или тех

¹⁰ Об этом подробнее см. (Федюнева 2022).

и других вместе, а в течение части XVII в. (реформа Алексея Михайловича) и XVIII и XIX вв. состоял из разных медных монет, причем в связи с возникавшими иногда различными курсами серебряной и медной монеты временами появлялись конкретные понятия «алтын медью» и «алтын серебром» (Спасский, 1956: 13–15; 1962: 74–75).

В денежном перечне зырянского словаря алтын выступает как мера каких-то русских денежных единиц, названных в коми части *денгой* и *уром*. Количественное соотношение этих номиналов пока не поддается идентификации, поскольку результат пересчета зависит от многих обстоятельств: денежного курса, который в условиях спонтанных товарно-денежных отношений устанавливался произвольно, причем разный на разных территориях¹¹, неудобств с пересчетом некратного алтына в счетной системе рубля, а также от таких субъективных факторов, как личность информанта, его компетенция и навыки в пересчете денег и т. д.

Наконец, необходимо учитывать конкретное состояние финансовой системы Русского государства, которая в данный исторический период переживала кризисные моменты. Картина непоследовательного, беспорядочного пересчета алтына в денге и урах вызывает ассоциацию с хаосом в финансовой системе периода денежной реформы Алексея Михайловича, когда в одновременном обращении были старые серебряные денги («московки») и копейки («новгородки») и новые серебряные и медные монеты разных достоинств с принудительным курсом¹².

Косвенно на период реформы указывают примеры № 24–28 и 40, в которых 1 ур = 1 алтыну, если предположить, что в данном случае *уром* называется медный алтынник Алексея Михайловича. В тех примерах, где 1 алтын равен 3 урам или 6 денгам (№ 13–15, 20, 46, 80) и особенно в передаче значений фракций рубля (№ 6, 9, 79, 81, 82), речь может идти о счетном алтыне, гроше, гривне, полуполтине, тем более что таких медных монет этого времени нумизматика не знает (Мельникова, 1989: 200; Спасский, 1960: 126). В примере № 83 Нелáмынурь – (т) по(л)тíна, совр. *нелямын ур* ‘сорок копеек’, возможно, скрывается «медный ефимок»: так называли новую медную круглую полтину, принудительно приравненную к 50 серебряным копейкам.

Таким образом, если версия верна и денежный счет в зырянском словаре является отражением периода денежной реформы 1654–1663 г., то он должен рассматриваться как неоднородный, разнокомпонентный по своей сути.

Заключение

Зырянско-русский словарь в составе монастырского сборника 1668 г. является информативным источником не только для исторической лексикографии коми и русского языков, но и для медиевистики, этноисторических и этнолингвистических исследований.

Номенклатура русских денежных единиц и их стоимостное соотношение в целом отражают особенности русского денежного обращения второй половины XVI–XVII вв. В словаре

¹¹ В отличие от памятников делопроизводства, содержащих относительно устойчивые системы счисления и опирающихся на данные Торговой книги, другие источники, в частности словари-разговорники, говорят о том, что реальные денежные отношения ориентировались на живой рынок и имели разные варианты пересчета в имеющихся номиналах (Мельникова, 1989: 29–32).

¹² Как по этому поводу писал И. Г. Спасский, важно учитывать тот факт, что новая монетная система Алексея Михайловича не отменяла старую. Старые серебряные копейки оставались в законном обращении и даже предписывались обязательными в определенных областях торговли. Следовательно, на законном основании существовали две монетные системы (выделено мной. – Г. Ф.), хотя никакого курсового соотношения между старыми и новыми деньгами не существовало. Напротив, в определенных случаях, например при выдаче денег из казны, новые деньги приравнивались к старым, а при поступлении платежей в казну законодательно признавалось существование различных по ценности денег (Спасский, 1960: 127–128).

представлены все основные денежные единицы Российского государства, находившиеся в тот период в обращении: денга, полуденга, алтын, грош, полтина, полполтины, гривна и рубль.

Перечень денежных сумм, выраженных коми числительными и национальными денежными мезуративами *ур* и *шайт*, и их соответствие суммам, переданным в русских денежных единицах, требуют дополнительного комплексного исследования. Особо информативным в данном случае является фрагмент счета в алтынах, суммы которых «пересчитаны» в урах и денгах.

Понятно, что коми денежные термины *ур* и *шайт* в денежном счете не обозначают реально существовавшие национальные номиналы, а являются лишь названиями каких-то русских монет, находившихся в тот период в обороте. Соответственно, пересчет денежных сумм «из алтынов в уры» должен обозначать только одно: пересчет алтынов в какие-то другие более мелкие русские монеты.

Бессистемность и разноречивость в их пересчете может отражать состояние русской денежной системы периода правления царя Алексея Михайловича. Некоторые примеры указывают на кризисные явления периода реформы 1654–1663 гг., когда в денежном обращении на законном основании находились две монетные системы – старые серебряные денги и новые монеты из серебра и меди, при полном отсутствии курсового соотношения принудительно приравненные к ним, что в конечном итоге привело к краху финансовой системы и социальным катаклизмам.

Однако более конкретных выводов пока сделать не удастся, вопрос о реальном стоимостном содержании русских номиналов *денга*, *алтын* и *рубль* в словаре-разговорнике остается открытым. Дальнейшее изучение денежного счета может дать новые сведения для дополнительной атрибуции памятника, а также более общих исследований в области истории денежного обращения народов России.

Литература:

- Мельникова А. С.** Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 г. М.: Финансы и статистика, 1989. 340 с.
- Мельникова А. С.** Особенности русского денежного обращения в XVII веке // История СССР. 1966. № 5. С. 102–113.
- Савельева Н. В.** Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63.
- Савельева Н. В., Козинцев М. А.** Тюркско-русский словарный фонд в сборнике инока Прохора Коломнятина 1668 г. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). 2020. Т. 67. С. 468–552.
- Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г.** Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 г. // Linguistica Uralica. 2021. № 4. С. 1–27.
- Спасский И. Г.** Русская монетная система: историко-нумизматический очерк. 3-е изд., доп. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 224 с. С. 52–63, 70–76.
- Спасский И. Г.** Алтын в русской денежной системе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. № 66. С. 12–20.
- Спасский И. Г.** Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. Археологический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 103–156.
- Федюнева Г. В.** Новооткрытый рукописный словарь коми-зырянского языка в истории коми лексикографии // Вопросы лексикографии. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021. № 3. С. 87–104.
- Федюнева Г. В.** Архаичные «денежные системы» пермских и волжско-финских народов в письменных источниках кон. XIX – нач. XX вв. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 172–186. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-1-172-186
- Федюнева Г. В.** Рукопись XVII века «Звательные речи зырянского языка»: культурно-исторический контекст и предварительные версии происхождения // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 2. С. 367–375.
- Цысь В. В.** История денег и денежного обращения в России: учебное пособие. Ч. 1. Нижневартовск, 2012. 160 с.

Янин В. Л. Алтын и его место в русской денежной системе XIV–XV веков // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1956. № 66. С. 21–30.

Федюнева Галина Валерьяновна.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Ул. Коммунистическая, д. 26, Сыктывкар, 167982.

E-mail: gfeduneva@mail.ru

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2022 г.

G. V. Fedyuneva

LIST OF MONETARY UNITS IN THE LEXICOGRAPHIC DOCUMENT FROM THE XVII CENTURY "ЗВАТЕЛЬНЫЕ РЪЧИ ЗЫРАНСКОГО ЯЗЫКА, СИРЪЧЬ СИРСАГО"

The publication summarizes the results of a preliminary study of the Komi-Zyryan- Russian dictionary discovered as part of a recently discovered Russian manuscript collection from the XVII century. The study was conducted based on the material of the original digitized dictionary, the facsimile edition of which will be published in the general monograph on the newly discovered collection. Traditional methods of general linguistics and textology, as well as Russian historiography and some auxiliary historical disciplines, were used in the analysis of the dictionary text. The main focus is on one fragment of the document, namely the Zyryan-Russian monetary units, which are considered in the context of the historical state of the financial system and the circulation of money in the Russia of the XVI-XVII centuries. The article gives the structure of the list of monetary units, their elements, and monetary amounts, which were subjected to primary processing and systematization. The author proposes an interpretation of the "Komi money" expressed in national monetary terms (ur 'kopeck', 'shait ruble') and their value relation to the units of the Russian monetary system (denga, altyn, ruble, half ruble). The list of monetary units in the compilation of the Zyryan dictionary also allows you to check the chronological parameters. The structure and nomenclature of monetary units, as well as the ratio of their values, partially illustrated by the Komi text, confirm the document's connection with a difficult period in the history of the Russian state, which covered almost the entire XVII century and, in particular, the period of the reign of Tsar Alexei Mikhailovich. The picture of unsystematic monetary amounts in the Komi and Russian parts, especially in the Altyn series, is related to the state of the financial system during the monetary reform of 1654–1663 when old silver money (denga) and new silver and copper coins of various denominations with a compulsory exchange rate were in circulation simultaneously for a long time. The dictionary material requires further study, as it is of interest not only for Komi and Russian historical lexicography but also for historical research in the field of monetary circulation in Russia.

Keywords: *historical lexicography, written documents, the Komi language, monetary units, the financial system of Russia of the XVII century*

References:

- Mel'nikova A. S.** Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo. Istorija russkoj denezhnoj sistemy s 1533 po 1682 gg. [Russian coins from Ivan the Terrible to Peter the Great. History of the Russian monetary system from 1533 to 1682] M.: Izd. Finansy i statistika, 1989. 340 p. (in Russian).
- Mel'nikova A. S.** Osobennosti russkogo denezhnogo obrashhenija v XVII veke [Features of Russian money circulation in the 17th century] // Istorija SSSR. M.: Nauka, 1966. No 5. P. 102–113 (in Russian).
- Savel'eva N. V.** Neizvestnye pamjatniki leksikografii v «Cvetnike» Prohora Kolomnjatina [Unknown monuments of lexicography in Prokhor Kolomnyatin's "Flower Garden"] // Russkaja literatura. 2019. No 3. P. 54–63 (in Russian).
- Savel'eva N. V., Kozincev M. A.** Tjurksko-russkij slovarnyj fond v sbornike inoka Prohora Kolomnjanina 1668 g. [Turkic-Russian vocabulary in the collection of monk Prokhor Kolomnyanin 1668] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. SPb.: Institut russkoj literatury RAN (Pushkinskij dom). 2020. Vol. 67. P. 468–552 (in Russian).
- Savel'eva N., Mullonen I., Fedjuneva G.** Karelo-russkij i komi-zyrjansko-russkij slovni-razgovorniki v rukopisnom sbornike 1668 g. [Karelian-Russian and Komi-Zyryansk-Russian phrasebooks in a handwritten collection of 1668] // Linguistica Uralica. 2021. No 4. P. 1–27 (in Russian).

Spasskij I. G. Russkaja monetnaja sistema: Istoriko-numizmaticheskij ocherk [Russian monetary system: Historical and numismatic essay]. 3-e izd., dop. L.: Izd-vo Gos. Jermitazha, 1962. 224 p. (in Russian).

Spasskij I. G. Altyn v russoj denezhnoj sisteme [Altyn in the Russian monetary system] // Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta istorii material'noj kul'tury. M.: Nauka. 1956. No 66. P. 12–20 (in Russian).

Spasskij I. G. Denezhnoe hozjajstvo Russkogo gosudarstva v seredine XVII v. i reformy 1654–1663 gg. Arheograficheskij ezhegodnik za 1959 g. [Monetary economy of the Russian state in the middle of the XVII century. and reforms of 1654–1663]. M., 1960. P. 103–156;

Fedyuneva G. V. Novootkrytyj rukopisnyj slovar' komi-zyrjanskogo jazyka v istorii komi leksikografii [A newly discovered handwritten dictionary of the Komi-Zyryan language in the history of Komi lexicography] // Voprosy leksikografii. Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet. 2021. No 3. P. 87–104 (in Russian).

Fedyuneva G. V. Arhaichnye «denezhnye sistemy» permskih i volzhsko-finskih narodov v pis'mennyh istochnikah kon. XIX–nach. XX vv. [Archaic "monetary systems" of the Permian and Volga-Finnish peoples in the written sources of the end. XIX–early. XX centuries] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. Tomsk, 2022. No 1(35). P. 172–186 (in Russian).

Fedyuneva G. V. Rukopis' XVII veka «Zvatel'nye rechi zyrjanskogo jazyka»: kul'turno-istoricheskij kontekst i predvaritel'nye versii proishozhdenija [Manuscript of the 17th century "Calling speeches of the Zyryan language": cultural and historical context and preliminary versions of the origin] // Vestnik ugrovedenija. 2022. Vol. 12, No 2. P. 367–375 (in Russian).

Cys' V. V. Istorija deneg i denezhnogo obrashhenija v Rossii [History of money and monetary circulation in Russia]. Uchebnoe posobie. Ch. 1. Nizhnevartovsk. 2012. 160 p. (in Russian).

Janin V. L. Altyn i ego mesto v russoj denezhnoj sisteme XIV–XV veka [Altyn and its place in the Russian monetary system of the XIV–XV centuries] // Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta istorii material'noj kul'tury. M.: Nauka, 1956. No 66. P. 21–30 (in Russian).

Fedyuneva Galina Valerianovna.

Doctor of science (philology), chief research fellow.

**Institute of Language, Literature and History of the FRC Komi Scientific Center
of the Ural Branch of the RAS.**

Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: fedyuneva@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

А. А. Сирина

**«ОЛЕНЕВОДЫ ЧУКОТКИ: ВЛАСТЬ, РОДСТВО, ОТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВОМ
(ПО МАТЕРИАЛАМ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.)» / Е. А. ДАВЫДОВА.
СПБ: МАЭ РАН, 2022. 316 С.¹**

Монография Е. А. Давыдовой исследует властные отношения чукотских оленеводов с XIX по середину XX в. Властные отношения оленев чукчей проанализированы автором в повседневной жизни, в родственных отношениях, ритуальных знаниях, во взаимоотношениях с государством. Это первое антропологическое исследование, специально посвященное властным отношениям у чукчей. Ключевым источником книги стали никогда ранее не публиковавшиеся уникальные дневники советского этнографа Варвары Григорьевны Кузнецовой, работавшей в ЛО ИЭ АН СССР в 1940–50-х гг. Постановка темы обусловлена содержанием дневниковых записей, когда их автор оказалась на самой низкой социальной позиции в чукотском сообществе, и поэтому властные отношения невольно нашли отражение в ее дневниковых записях. Успех книги определило сочетание нескольких факторов: малоизученная тема, уникальные полевые материалы, высокий уровень их анализа и интерпретации. Книга Е. А. Давыдовой основана на теоретических работах М. Фуко, Э. Гидденса, К. Вульфа и других зарубежных и российских ученых, а также на исторической, этнографической, антропологической литературе, созданной в XIX–XXI вв. В связи со спецификой ключевого источника автор использовала микроисторический и биографический методы. Знаковые и, казалось бы, хорошо известные особенности чукотской культуры, такие как «товарищество по жене» (групповой брак), гостеприимный гетеризм, обычай добровольной смерти, обычай превращения пола, употребление галлюциногенов и ряд других, Е. А. Давыдовой удалось интерпретировать в контексте властных отношений и таким образом придать им новое измерение. В книге много уникальной информации по чукотской этнографии в хозяйственно-бытовой сфере (использование пространства, пища в контексте ее потребления, свободное время, домашнее насилие и др.); социальных отношениях, когда родство рассматривается как ресурс и символический капитал. Особая глава посвящена отношениям чукчей с государством.

Ключевые слова: полевые дневники В. Г. Кузнецовой, архив Музея антропологии и этнографии, чукотская этнография, власть, родство, отношения с государством

В кулуарах международных конференций, проходивших в начале 2000-х гг., приходилось слышать мнения зарубежных коллег-североведов о том, что полевые материалы, собранные советскими, или, по другому определению, «государственными», этнографами, не могут считаться достоверными в связи с идеологической ангажированностью и, следовательно, не могут использоваться для построения различных обобщений и кросс-культурных сопоставлений. Так ли это? На самом деле полевые материалы тех лет нередко представляли собой насыщенные описания, и часто без признаков идеологического давления на их авторов; задача состоит в том, чтобы включить эти данные в контекст ведущихся в российской и мировой антропологической науке дискуссий (Sirina, 2004). Рецензируемая книга как раз и построена на таких источниках.

Три года, с 1948 по 1951 г., сотрудница Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР Варвара Григорьевна Кузнецова, пережившая блокаду, провела в Амгуэмской тундре (современный Иультинский район Чукотского АО), стационарно работая в нескольких семьях чукотских оленеводов. В результате появились 74 дневниковые тетради, общий объем которых составляет 2 045 листов, а также фотографии. Эти документы хранятся в архиве Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН. Лишь в 2010-е гг. имя забытой исследовательницы и ее материалы стали возвращаться в научный оборот (Михайлова, 2015; Хаховская, 2013).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00637).

Уникальность монографии Е. А. Давыдовой состоит в том, что ключевым источником ее исследования стали те самые полевые дневники В. Г. Кузнецовой, никогда ранее не публиковавшиеся. Автору рецензируемой монографии было необходимо пропустить через себя огромный массив чужих полевых материалов, а это очень непросто, и через рутинные описания повседневности войти в понимание и тонкости родственных и иных взаимоотношений персонажей дневников Кузнецовой. Во время этой работы Е. А. Давыдовой бросилось в глаза, что «В. Г. Кузнецова не описывала власть, а *проживала ее* (курсив мой. – А. С.) на своем личном опыте», поскольку имела самую низкую социальную позицию в чукотских стойбищах. «Она непроизвольно отразила... аспект доминирования/подчинения или неравенства социальной жизни чукчей в своих полевых дневниках» (с. 34). Таким образом, сама постановка темы анализа властных отношений в семейно-родственных коллективах оленных чукчей в XIX – первой половине XX в. была сформулирована Е. А. Давыдовой благодаря изначальной работе с полевыми материалами В. Г. Кузнецовой.

Рецензируемая монография отличается тем, что в отношении полевого материала более чем 70-летней давности используются современные методологические подходы, что значительно повышает уровень его анализа и интерпретации. Такое исключительно редкое сочетание обусловлено тем, что при жизни В. Г. Кузнецова по разным причинам не смогла реализовать содержащийся в них научный потенциал. Е. А. Давыдова привлекла также обширную этнографическую/антропологическую литературу по региону северо-востока России. Все это позволило ей проанализировать властные отношения оленных чукчей в повседневной жизни территориально-соседской группы (гл. 1), в их родственных отношениях (гл. 2), ритуальных знаниях (гл. 3) и, наконец, во взаимоотношениях с государством (гл. 4). В связи со спецификой ключевого источника для научного анализа автором книги избраны микроисторический и биографический методы, что позволило с максимальным приближением рассмотреть семейно-родственные коллективы оленных чукчей с точки зрения отношений доминирования и подчинения.

Теоретико-методологическими основами исследования Е. А. Давыдова избрала «микрофизику власти» М. Фуко, «теорию действия» П. Бурдьё, «агентность» Э. Гидденса, концепцию мимезиса К. Вульфа. В понимании власти автор книги следует за традицией, восходящей к М. Веберу, и вслед за М. Фуко понимает ее как «способность одного действия структурировать другое» (с. 9).

Ракурс исследования, сосредоточенный на властных отношениях в семейно-родственных коллективах оленных чукчей, позволил «знаковые» и хорошо известные, неоднократно описанные «символы» чукотской культуры – «товарищество по жене» (групповой брак), гостеприимный гетеризм, обычай добровольной смерти, обычай превращения пола, употребление галлюциногенов и ряд других – увидеть в новом свете и, соответственно, раскрыть новые грани чукотской культуры.

Рассматривая властные отношения в описании повседневной жизни оленных чукчей (гл. 1), Е. А. Давыдова показала, что они пронизывали все сферы социальной жизни: хозяйственно-экономическую деятельность, кочевой быт, пространственное поведение, питание и его этикет, проявлялись в конфликтах и насилии. Автор сделала важные выводы, коррелирующие с исследованиями из других регионов мира о том, что, во-первых, эгалитаризма в таких сообществах никогда не было, что властные отношения всегда пластичны и ситуативны; и, во-вторых, что властный ресурс у чукчей не был раз и навсегда закреплён за определенным субъектом, он постоянно переопределялся в зависимости от конкретной ситуации, контекста и основывался не на институтах, а на личных качествах людей (с. 129). Автор справедливо связывает эти особенности с «аморфным» социальным устройством чукотского общества (исследователи не нашли у чукчей родовой организации). На чукотском материале впервые проанализирована пространственная символика власти на примере распределения жилого

пространства, отражающего реальную социальную иерархию. Отношение к телу человека в зависимости от его социального статуса рассмотрено на примерах взаимодействия людей в отношении ухода за меховой одеждой, доступности оленьего транспорта и др. Помимо введения в научный оборот ценных полевых этнографических материалов В. Г. Кузнецовой о чукотских традиционных блюдах, этикете питания и чаепития, – и всегда в контексте конкретных хозяйственно-бытовых ситуаций, Е. А. Давыдова сформулировала важный вывод о том, что «еда была чутким „барометром“ распределения власти в стойбищах оленных чукчей» (с. 127). Этот вывод, как и во всех других случаях, подкреплен большим количеством примеров из полевых дневников В. Г. Кузнецовой, а также из общедоступных источников XIX–XX вв., которые оживляют, насыщают текст, так что порой забываешь о том, что перед тобой аналитическая научная работа, настолько интересно ее читать.

Во второй главе автор рассматривает, какую роль в приобретении власти играло родство, понимаемое ею, вслед за М. Салинзом, как «взаимность бытия». Родственные отношения показаны Е. А. Давыдовой не только и не столько как изначально биологически заданные и неизменные, а как процессуальные, как создающиеся «самими людьми на протяжении жизни» (с. 181). Это выбор в определенном поле родства, которое из-за особенностей социальной структуры чукчей и обычая «товарищества по жене» было пластично. «Товарищество по жене» (в советской этнографии интерпретировалось как групповой брак) и адопцию автор рассматривает как фиктивное родство. Подчеркивается инструментальное и прагматическое использование родственных связей чукчами, а также индивидуальный характер такой тактики выстраивания родства, приобретение «родственного капитала» как части социального капитала, который оказывал влияние на регулирование властных отношений. Хотелось бы еще обратить внимание на родство по «реинкарнации», которое, судя по анализу такого родства у эвенов, оказывало дополнительное и пока не изученное влияние на выстраивание родственных связей.

Особенности ритуальной жизни в чукотских семьях с точки зрения властного ресурса и воздействия на свою социальную позицию рассматриваются в третьей главе. Известно, что у чукчей было широко развито семейное шаманство, т. е. практически любой человек мог шаманить, хотя уровень умений и влияния, статус шаманов различались. Автор обращается к интереснейшей и хорошо описанной традиции чукотской культуры – превращению пола в чукотском шаманстве. Семейное шаманство и превращение пола рассматривается ею как миметический процесс, обращается внимание на творческое переосмысление опыта другого и телесность этого процесса. В интерпретации Е. А. Давыдовой, чем выше уровень мимезиса, тем выше символический капитал и возможность повышения властного статуса любого члена чукотского сообщества. В то же время, мне кажется, упускается из вида феномен шаманского дара, т. е. наследственность и предрасположенность к такого рода действиям.

В главе 4 «Властные отношения и государство» Е. А. Давыдова рассматривает взаимоотношения Российского государства и локального чукотского сообщества. Из литературы хорошо известен факт, что ясачная политика потерпела полную неудачу на северо-востоке Сибири, у чукчей. Новаторским подходом автора является то, что она рассматривает эти отношения для XIX – начала XX в. с точки зрения взаимодействия локального сообщества и конкретных его представителей с государством с целью приобретения дополнительного властного ресурса. Таким образом, автор обнаруживает гибкость и пластичность таких отношений, активный диалог с государством и, шире, диалог двух культур с целью накопления чукчами экономического, культурного, социального и символического капитала как условия для приобретения или укрепления власти. Е. А. Давыдова подчеркивает инструментальное и ситуативное использование государственных порядков чукчами, своего рода «процедуры потребления». Подобная тактика свойственна не только чукчам: одной из форм сопротивления на протяжении всей истории взаимоотношений с государством эвенов и эвенов была тактика ухода от государства, но доминировали сотрудничество и диалог. Уникальный случай изобре-

тения чукотской письменности чукчей Тыневилем в 1920–30-е гг. рассмотрен автором в контексте отношений государства и жителей Чукотки, а также с точки зрения желания самореализации и приобретения власти через творческое подражание.

Книга снабжена фотографиями, которые были сделаны В. Г. Кузнецовой в экспедиции, а также образцами письма чукчи Тыневиле, хранящихся в архиве МАЭ РАН. Иллюстративный ряд существенно дополняет текст.

Работы, подобные рецензируемой монографии, появляются нечасто. Успех книги определило сочетание нескольких факторов: малоизученная тема, уникальные полевые материалы В. Г. Кузнецовой, высокий уровень их анализа и интерпретации автором книги. Это увлекательное, информативное, полезное чтение как для состоявшихся специалистов, так и для начинающих этнографов, этнологов и антропологов. Книга может стать отправной точкой для развития исследований в сфере направления «антропологии власти» в отечественном сибиреведении, а также вносит вклад в историю российской этнографии.

Литература:

Михайлова Е. А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2015. 190 с.

Хаховская Л. Н. Полевые исследования В. Г. Кузнецовой в Амгуэмской тундре // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 83–95.

Sirina A. Soviet traditions in the study of Siberian hunter-gatherer society // A. Barnard (ed.) *Hunter-Gatherers in History, Archaeology and Anthropology*. Oxford-New York: Berg, 2004. P. 89–101.

Сирина Анна Анатольевна.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

Институт этнологии и антропологии РАН.

Ленинский пр., 32а, Москва, 119991.

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

Университетская набережная, 3, Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: annas@iea.ras.ru

Материал поступил в редакцию 30 мая 2023 г.

A. A. Sirina

CRITICAL REVIEW ON THE E. A. DAVYDOVA REINDEER HERDERS OF CHUKOTKA: POWER, KINSHIP, RELATIONS WITH THE STATE (BASED ON MATERIALS FROM THE 19TH AND FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES). SAINT-PETERSBURG: MAE RAN, 2022. 316 P.²

The monograph by E. A. Davydova examines power relations in the communities of Chukchi reindeer herders from the 19th to the middle of the 20th century. The author analyzes the power relations of the reindeer Chukchi in everyday life, family relations, ritual knowledge, and relations with the state. This is the first anthropological study that deals specifically with power relations among the Chukchi. The book's primary source is the unique diaries of the Soviet ethnographer Varvara Kuznetsova, who worked in the Leningrad branch of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in the 1940s and 50s. The framework of the topic arose from the content of the diary entries, as their author held the lowest social position in the Chukchi community, and therefore power relations were involuntarily reflected in her diary entries. The success of the reviewed book was determined by a combination of several factors: a little-researched subject, unique field material by V. Kuznetsova, and a high level of analysis and interpretation by the book's author. E. A. Davydova based her study on the theoretical works of M. Foucault, E. Giddens, K. Wolfe, and other foreign and Russian scientists and on historical, ethnographic, and anthropological literature from the 19th to the 21st centuries. Due to the peculiarities of the key source, the author used micro-historical and biographical methods. The “signs” and well-known

² The research was funded by the Russian Science Foundation (project No 23018-00637).

features of the Chukchi culture, such as “spousal companionship” (men concluded a friendship agreement among themselves, according to which each of them had the right to his friend's wife), hospitable hetarism, the custom of voluntary death, the custom of gender transformation, the use of hallucinogens and a number of others, the author managed to interpret them in the context of power relations and give them a new understanding. The book contains a lot of new, unique information about Chukchi ethnography in the field of household (use of space, food related to its consumption; leisure, domestic violence); social relations when kinship is considered as a resource and symbolic capital. A special chapter is devoted to Chukchi's relations with the state.

Keywords: *field diaries of Varvara Kuznetsova, MAE RAS archive, Chukchi ethnography, power, kinship, relations with the state*

References:

Michailova E. A. Skitaniia Varvary Kuznetzovoi. Chukotskaia ekspeditsia Varvary Grigor'evny Kuznetsovoi. 1948s–1951s. [Wanderings of Varvara Kuznetsova. Chukotka expedition of Varvara Grigorievna Kuznetsova. 1948s–1951s]. Saint-Petersburg: MAE RAS, 2015. 190 p. (in Russian).

Khakhovskaia L. N. Polevye issledovaniia V.G. Kuznetsovoi v Amguemskoi tundre [Field research of V.G. Kuznetsova in the Amguema Tundra] // Etnograficheskoe Obozrenie. 2016. No 3. P. 83–95 (in Russian).

Sirina A. Soviet traditions in the study of Siberian hunter-gatherer society // Hunter-Gatherers in History, Archaeology and Anthropology. Ed. by A. Barnard. Oxford-New York: Berg, 2004. P. 89–101.

Sirina Anna Anatolievna.

Doctor of science, Main research fellow.

Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Leninsky pr., 32a, Moscow, Russia, 119991.

Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera).

Universitetskaia naberezhnaia, 3, Saint-Petersburg, Russia, 199034.

НАШИ АВТОРЫ

- Арбачакова Л. Н. — Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.
E-mail: anzass@mail.ru
- Бухарова Г. Х. — Доктор филологических наук, профессор.
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.
Ул. Октябрьской Революции, 3а, Уфа, 450000.
E-mail: buharova_g@mail.ru
- Варламов А. Н. — Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677009.
E-mail: ataki2006@yandex.ru
- Головнев И. А. — Доктор исторических наук, старший научный сотрудник.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034.
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com
- Головнева Е. В. — Доктор философских наук, доцент, профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Ул. Смольного, 1/1, г. Санкт-Петербург, 191060.
Старший научный сотрудник.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
Университетская наб., 3, г. Санкт-Петербург, 199034.
E-mail: golovneva.elena@gmail.com
- Жамсаранова Р. Г. — Доктор филологических наук, доцент, профессор.
Забайкальский государственный университет.
Ул. Александрово-Заводская, 30, Чита, 672039.
E-mail: rebeca_zab@mail.ru
- Иванова Н. И. — Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра
социолингвистических исследований.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
Главный научный сотрудник.
МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики» СВФУ им. М. К. Аммосова.
Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.
E-mail: haar-haar@mail.ru
- Квашин Ю. Н. — Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.
Центр палеоэтнологических исследований.
Новая площадь, 12, корп. 5, Москва, 109012.
E-mail: ukwa@yandex.ru
- Куцаева М. В. — Кандидат филологических наук, научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, Москва, 125009.
E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru
- Лиджиева А. М. — Младший научный сотрудник.
Калмыцкий научный центр РАН.
Ул. И. К. Илишкина, 8, Элиста, 358000.
E-mail: kulminova@gmail.com
- Невская И. А. — Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
Ассоциированный профессор.
Институт эмпирического языкознания Франкфуртского университета.
Frankfurt University, Senckenberganlage, 31 (Juridicum), 60325, Frankfurt am Main, Germany.
E-mail: nevskayairina60@gmail.com

- Петров И. Г. — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник. Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
Ул. К. Маркса, 6, Уфа, 450077.
E-mail: ipetrov62@yandex.ru
- Сенько Е. В. — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник. Доктор филологических наук, профессор. Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.
Ул. Ватутина, 44-46, Владикавказ, 362025.
E-mail: senkoelena@yandex.ru
- Сирина А. А. — Доктор исторических наук, главный научный сотрудник. Институт этнологии и антропологии РАН.
Ленинский пр., 32а, Москва, 119991.
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.
Университетская набережная, 3, Санкт-Петербург, 199034.
E-mail: annas@iea.ras.ru
- Федюнева Г. В. — Доктор филологических наук, главный научный сотрудник. Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения РАН.
Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982.
E-mail: gfeduneva@mail.ru
- Ягафова Е. А. — Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой. Самарский государственный социально-педагогический университет.
Ул. Максима Горького, 65/67, Самара, 443099.
E-mail: yagafova@yandex.ru

AUTHORS

- Arbachakova L. N.* — *Candidate of Science, senior researcher.
Institute of Philology of the Siberian Division RAS.
Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: anzass@mail.ru*
- Bukharova G. K.* — *Doctor of Philology, Professor of the Bashkir Language and Literature Department.
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.
Oktyabr'skoy Revolyutsii av., 3a, Ufa, Russia, 450000.
E-mail: buharova_g@mail.ru*
- Fedyuneva G. V.* — *Doctor of science (philology), chief research fellow.
Institute of Language, Literature and History of the FRC Komi Scientific Center
of the Ural Branch of the RAS.
Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, Russia, 167982.
E-mail: fedyuneva@yandex.ru*
- Golovneva E. V.* — *Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department
of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, St. Petersburg State University,
Senior Researcher at the Center for Arctic Studies of the MAE (Kunstkamera) RAS.
St. Petersburg State University.
Smolny st., 1/3 (entrance 9), St. Petersburg, Russia, 191060.
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) RAS.
Universitetskaya embankment, 3, St. Petersburg, 199034.
E-mail: golovneva.elena@gmail.com*
- Golovnev I. A.* — *Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Arctic Studies
of the MAE (Kunstkamera) RAS.
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great RAS.
Universitetskaya embankment, 3, St. Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com*
- Iagafova E. A.* — *Doctor of Historical sciences, Professor, Head of the Chair of Philosophy,
History and Theory of World Culture.
Samara State University of Social Sciences and Education.
Maxim Gorky St., 65/67, Samara, Russia, 443099.
E-mail: yagafova@yandex.ru*
- Ivanova N. I.* — *Doctor of sciences (philology), leading research fellow,
chief research fellow International scientific
research laboratory "Linguistic ecology of the Arctic" o NEFU.
Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems
of the Siberian Branch of the RAS.
Petrovskogo St., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: haar-haar@mail.ru*
- Kvashnin Yu. N.* — *Candidate of historical sciences, leading researcher.
Paleoethnology research center.
New Square, 12, bldg. 5, Moscow, Russia, 109012.
E-mail: ukwa@yandex.ru*
- Kutsaeva M. V.* — *Candidate of philological sciences, research fellow.
Institute of Linguistics RAS.
Bolshoi Kislovskij Lane, 1, str. 1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru*
- Lidzhieva A. M.* — *Junior Research Associate.
Kalmyk Scientific Center of the RAS.
Ilshkin St., 8, Elista, Russia, 358000.
E-mail: kulminova@gmail.com*

- Nevskaya I. A.* — *Doctor of Science, chief researcher.*
Institute of Philology of the Siberian Division RAS.
Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
Associate professor.
Institute of Empirical Linguistics, Frankfurt University.
Frankfurt University, Senckenberganlage, 31 (Juridicum), 60325, Frankfurt am Main, Germany.
E-mail: nevskayairina60@gmail.com
- Petrov I. G.* — *Candidate of historical sciences, senior researcher, leading researcher of the Department of ethnography.*
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of the Ufa Federal Research Centre of the RAS.
Karl Marx st., 6, Ufa, Russia, 450077.
E-mail: ipetrov62@yandex.ru
- Senko E. V.* — *Doctor of Philology, Professor.*
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.
Vatutina st., 44-46, Vladikavkaz, Russia, 362025.
E-mail: senkoelena@yandex.ru
- Sirina A. A.* — *Doctor of science, Main research fellow.*
Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
Leninsky pr., 32a, Moscow, Russia, 119991.
Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera).
Universitetskaya naberezhnaya, 3, Saint-Petersburg, Russia, 199034.
- Varlamov A. N.* — *Doctor of philology, leading researcher.*
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch RAS.
Petrovsky st., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: ataki2006@yandex.ru
- Zhamsaranova R. G.* — *PhD of Philology, assistant professor, professor of the Chinese department.*
Transbaikalian State University.
Aleksandro-Zavodskaya st., 30, Chita, Russia, 672039.
E-mail: rebecca_zab@mail.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc и pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла. Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);

- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке (**источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон. Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи в алфавитном порядке (**источники на русском языке представляются в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Hajdu, 1970: 136).

ISSN 2307-6119

9 772307 611005

Издательство ТПНУ